

**КАК АДМИРАЛ
КРУЗЕНШТЕРН
ОБУЗДЫВАЛ
АНГЛИЮ
...И НЕ ТОЛЬКО**

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ГОД ПЕРЕОЦЕНОК

УХОДЯЩИЙ ГОД БЫЛ ВО МНОГОМ НЕОБЫЧНЫМ из-за продолжающейся пандемии. Слишком во многом. Мир оказался не таким уж «глобальным», как нас пытались убедить в последнее время. Он распался на отдельные «квартиры», жильцы которых, как выяснилось, готовы запереть двери при каждой неожиданной или непонятной ситуации, отгородившись от всех «чужих», словно это решает проблему. Многие вовсе не горят желанием помогать соседям – каждый сам за себя. В маске.

Мир поставил на переоценку само человеческое общение, которое в значительной мере перешло в онлайн – так проще, дешевле и быстрее решать вопросы. Хотя точно не душевнее. Без рукопожатий и прикосновений. Социализация как форма общения поставлена под вопрос санитарного свойства: безопасно ли нынче собираться большими компаниями, да и вообще общаться с незнакомыми людьми? В свою очередь, ограничение общения ставит под сомнение многие принципы современной экономики в различных ее сферах, поскольку она по большей части как раз и построена на общении. Ну, не всех со всеми, но почти.

В этом году мы наконец окончательно поняли, что мир никогда уже не будет прежним. Несмотря на банальность этой фразы, истершейся от частого употребления по куда менее

значимым поводам, нас, кажется, на сей раз проняло. Но мы еще не знаем и даже не догадываемся, как ково оно будет дальше. Вот что пока точно не подвержено сомнению, так это то, что надо «держаться своих». Это – константа. Из этого потом точно вырастет нечто новое. Когда мы все поправимся. В общевиллизационном плане, конечно. Ибо слишком далеко зашли не туда.

А пока мы – с вами. 🍷

КУЛЬТУРА

46 Реставратор
вся Руси

МУЗЕИ

52 Подстоличная
Сибирь

ИСТОРИЯ

12 Эскиз
к портрету
адмирала
Крузенштерна

20 Борьба русского
и французского стола

ТРАДИЦИИ

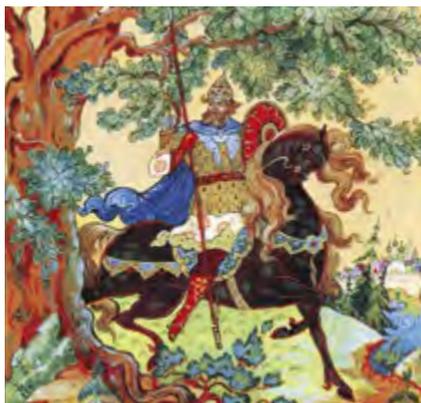
60 Рязанское
узорочье

НАСЛЕДИЕ

26 «Русский
лично
куда более
свободен,
чем англи-
чанин»

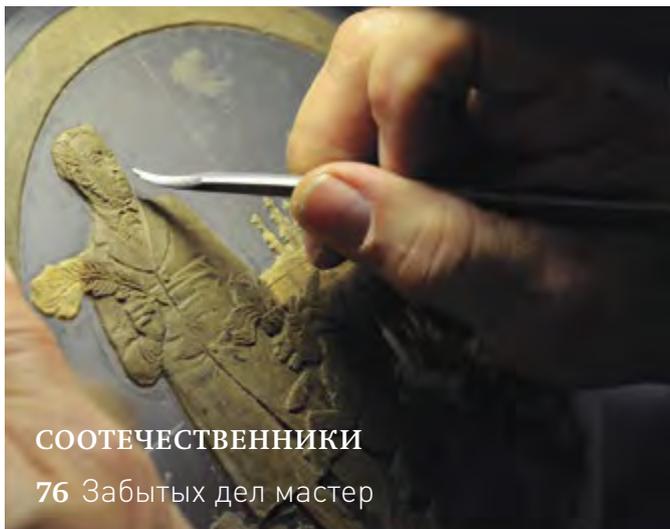
32 Полна тоски душа...

40 Боян
советской
Руси

**ЛЮДИ
И ВРЕМЯ**

70 В Океанию на «коромысле»

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

76 Забытых дел мастер

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

84 В меню –
Серебряный
век

ГОРОДА РОССИИ

90 «Место
небесное...»

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Николай АНДРЕЕВ
Мария БАШМАКОВА
Александр БУРЫЙ
Даниил ВЕДЕРНИКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Анна ГАМАЛОВА
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Александр КОРНЕЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Анастасия МАК КЕЙБ
Татьяна НАГОРСКИХ
Андрей СЕМАШКО
Дмитрий УРУШЕВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.

Ректор федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

ИЛАРИОН

(АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

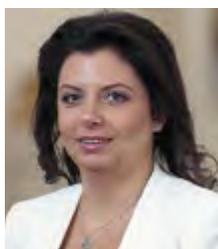
ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ВСЕ РОЖДАЕТСЯ ИЗ ТИШИНЫ

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НАРОДНАЯ АРТИСТКА РОССИИ ЕЛЕНА КАМБУРОВА, ОСНОВАТЕЛЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА МУЗЫКИ И ПОЭЗИИ, ВСТРЕТИЛА НАС В СВОЕЙ УЮТНОЙ ГРИМЕРНОЙ. ПОРАЗИТЕЛЬНО: ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО НАД ЭТОЙ СКРОМНОЙ И СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНОЙ. И УНИКАЛЬНОСТЬ ЕЕ НЕВЕРОЯТНОГО ГОЛОСА ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗАВОРАЖИВАЕТ И ВОСХИЩАЕТ: ЭТО ВОЛШЕБСТВО И ХУЛИГАНСТВО, ЭКВИЛИБРИСТИКА И НЕЖНОСТЬ, СТРАДАНИЕ И БЕЗГРАНИЧНАЯ ЛЮБОВЬ...

— **Е**ЛЕНА АНТОНОВНА, ОДНАЖДЫ в интервью вы сказали: «Я верю в чудеса». Современная реальность этой вере не мешает?

— Нет, уж как повелось у меня, так я и верю. Вот чудо, что нам дали в Москве помещение для театра. Года три назад был такой момент, когда я почувствовала, что под видом ремонта нас из нашего здания хотят «попросить». Но благодаря высоким чинам удалось отстоять это помещение. И то, что наш театр существует, это продолжающееся чудо.

— Но это, так сказать, «рабочие моменты». А в обычной жизни ощущение чуда у вас есть?

— Да, чудо время от времени проявляется. У меня в детстве был, к примеру, случай. Мальчик взял огромную цепь и сказал: «Кто самый смелый?» И начал раскручивать эту цепь. Мне было лет 6, наверное, я вышла и сказала, что я самая смелая. Хотя я совершенно не смелый человек. Цепь ударила меня в голову, меня отвезли в больницу. До сих пор шрам остался. Разве не чудо, что не случилось самое страшное?

Когда я училась в Училище циркового и эстрадного искусства, педагог Сергей Андреевич Каштелян предложил мне послушать песни Новеллы Матвеевой. Я послушала и просто влюбилась в них! В Московском театре эстрады выступала группа «В путь-дорогу», и это чудо, что меня взяли в ту программу. Я спела три песни: «Баллада о Леньке Королеве» Булата Окуджавы, а также «Фокусник» и «Какой большой ветер» Новеллы Матвеевой. Песни имели успех у зрителей, но главное, что в том зале был Павел Леонидов – такой наш Сол Юрок (американский музыкальный

и театральный продюсер. – Прим. ред.). Он очень многих поддержал: Кобзон, Лещенко, Мулерман и многие другие были его протеже. Он предложил мне сделать сольный концерт. Это тоже было чудо. Но когда я подготовила сольную программу, ее в пух и прах разбило руководство Москонцерта. Тогда Ролан Быков, который хотел сделать со мной спектакль, придумал ход: привел комсомольцев, я показала им свою программу, и они сделали меня лауреатом премии Московского комсомола. И снова произошло чудо.

— А спектакль с Роланом Быковым состоялся?

— Нет. Это должна была быть «Сказка о Дожде» Беллы Ахмадулиной. Но в Москонцерте нашу заявку отклонили. Потому что я долгое время была белой вороной: не вокалистка настоящая, не чтица, а что-то среднее, непонятное. И на всякий случай в Москонцерте отклоняли все связанные со мной предложения.

Анатолий Васильевич Эфрос, тоже удивительный режиссер, очень хотел сделать со мной песенный спектакль. Но все отметалось Москонцертом. Или вот, например, тема: взять песни, соединить их с пантомимой и сделать спектакль. В 1972 году гениальный клоун Леня Енгибаров предложил мне сделать программу на двоих: он исполняет пантомимы, а я – песни. Не случилось. Он умер в том же году, в 37 лет. Гений. Он как Маленький принц! Он не понимал, почему такой ужас происходит на Земле, почему устроена жизнь так плохо, и войны, и все это происходило и происходит... Кто мог подумать, что через много лет у меня появится спектакль «Маленький принц»? Это почти сольная моя работа.

– *Что же было такого в песнях, которые не понравились Москонцерту?*

– Ни-че-го! В том-то и дело, что ничего «такого» не было. Но я помню, что известный в то время певец Иван Суржиков кричал: «Так же начиналось в Чехословакии! Пели там свои песни!» Это как раз 1968 год был. И чудом, только благодаря Павлу Леонидову, я сделала тогда сольную программу и показывала ее комиссии. Ничего запретного не было. «Гренада», «Маленький трубач» – песни о героях, которые шли на борьбу и не возвращались, плач по мальчикам, которые погибли. Мне было сказано, что слишком много грусти в этих песнях... С перестройкой совершенно по-другому стали относиться к песне. Появилась свобода выбора. Но она превратилась во вседозволенность, началась и продолжается дикая попса, и она – на первом плане. А самые главные мои песни, которые я действительно безумно люблю, – они как раз и не звучат на российском телевидении. Их нет.

– *А какие песни для вас главные? Ведь у вас невероятно богатый репертуар!*

– Песни Давида Самойлова, Владимира Высоцкого. В день похорон Высоцкого мне поставили его записи, и я была просто ошеломлена: оказывае-

ся, вот какие грани жизни он представил. Невероятно! Ведь как автора я его мало знала. Мне известны были «На Большом Каретном», «Тот, кто раньше с нею был», а самых главных его песен я совершенно не знала. Когда я начала их петь, то даже не представляла, как это будет. Сейчас у нас есть песенный вечер «Своя колея», посвященный Высоцкому.

– *Бардовская песня тоже вытеснена попсой...*

– Это печально... Но и барды часто выходят с посредственными стихами, долго говорят о том, как они пришли к этому, что-то болтают, потом поют, а песня весьма невыразительная. Бывает, песни получают приземленными даже на хорошие стихи. В этом смысле Сергей Никитин отличается от многих: вроде бы бард, но музыкально очень одарен, и все его песни озарены музыкой. И Булат Окуджава тоже весь пронизан музыкой. Ведь он воевал и все видел, и тем не менее какие у него светлые, красивые, духоподъемные стихи. Я по ним живу, это моя религия. И один из первых наших спектаклей, «Капли датского короля», по песням Булата. Очень давно он идет, и не представляю, чтобы он перестал идти в нашем театре. Вообще, у нас долгоиграющие спектакли – «Грезы», «Абсент», «Счастливой дороги»... Спектакль

«Сны поэта Левитанского» совершенно чудесный! Все очень просто, органично и должно быть понятно любому человеку. Очень хотелось бы, чтобы молодежь слушала и расслышала эти песни! Если человек по-настоящему их расслышал, он по-другому начинает жить и дышать.

– *Зрители часто ассоциируют артистов с их сценическими образами, но в песенном жанре этого не происходит. А у вас – совершенно особенная история: за песню «Маленький принц» все вас любили, как девочку, к которой тихо вышел «доверчивый Маленький принц», ведь она может быть только такой же, как он, – чистой, романтической, доброй...*

– Наверное. Мне тогда казалось, что романтик живет в каждом из людей. Хотелось в это верить... А песню «Маленький принц» я записала в 1968 году для фильма «Пассажир с «Экватора». Это была моя первая песня в кино.

– *В прошлом году исполнилось 45 лет картине Никиты Михалкова «Раба любви»...*

– Да? Надо же! Это потрясающий фильм.

– *Вы там поете изумительную песню Эдуарда Артемьева на слова Натальи Кончаловской «Где же ты, мечта...». Все неуловимо, совершенная абстракция – и музыка, и слова. Хотя в стихах называются Вера, Надежда, Любовь, но определенности никакой нет. И она здесь не нужна, это такое редкое явление – песня-состояние...*

– Да-да! Песня как бы открывает маску, которая была у героини: вот она такая, вся немного ветреная, чуть взбалмошная, а в финале открывается истинное лицо ее – совершенно иное. Это потрясающий финал фильма.

– *Елена Антоновна, вот режиссер дал вам материал – партитуру, стихи, но как он объяснил вам задачу?*

– Никак не объяснял. Просто ждал, что я, повинувшись мелодии, как-то пропущу это через себя и спою. Дело в том, что до меня запись уже много раз делали, спели эту песню несколько человек: и мужские голоса записывали, и женские, а режиссеру все не нравилось. Уже должен был сдаваться фильм, буквально последний день оставался, а песня не так записана. И попробовали меня – как последний вариант, на всякий случай. Вот я и спела, в последний момент. Тогда, во время записи, он спустился ко мне из звукоорежиссерской рубки и начал просто дирижировать, надеясь, что я спою так, как надо. Он как бы пел вместе со мной. Я записала два дубля, говорю: ой, давайте я еще раз спою. «Нет-нет-нет! Кажется, то, что нужно!» Вот и все.

– *И это все-таки не песня и не романс, это произведение вне жанра... Музыка органична стихам, но если их отдельно прочитать – они «неудобные» и для восприятия, и для исполнения.*

– Такое бывает. Но самое интересное, что, выбирая песню, я сначала смотрю стихи. Если стихи «не мои», я говорю «нет», какая бы прекрасная музыка ни была. И даже песню из фильма «Раба любви» я позже попыталась еще раз спеть, но чувствую, что нет, просто не мое. Непонятно, как все-таки тогда у меня получилось...

– *Не могу не спросить о ваших песенных циклах на стихи поэтов Серебряного века. В чем для вас особенность этой поэзии? Как она ложится на музыку, как вы ее преподнесите?*

– Мне кажется, эта поэзия прекрасно ложится на музыку, и композитор Владимир Дашкевич – очень смелый человек, он не боится писать такие песни. Вот, написал на стихи Анны Ахматовой «Реквием». И, кстати, тоже чудо произошло! В потрясающем Концертном зале имени Чайковского я пела «Реквием» вместе с хором МВД, понимаете? Они пришли на репетицию в форме МВД. Дашкевич сначала испугался, потом спрашивает у них: может, есть какой-то другой костюм? Они говорят: нет. И в результате очень интересный эффект получился.

– *Какое отношение было у хора к этому материалу?*

– Они пели, понимая, что они поют, но, по-моему, не до конца. Это было время, когда, казалось бы, не должен был звучать этот «Реквием». Еще одно чудо, что мы с ним выступили. До этого я два раза спела эту программу, просто с гитарой и фортепьяно с музыкантами Вячеславом Голиковым и Олегом Синкиным. Это был такой прорыв! Владимир Дашкевич вообще мой любимый композитор, и стихи Ахматовой – все про страну, про тот ужас...

– *«Реквием» психологически тяжелый материал. Каково вам выходить с ним на публику?*

– Я понимаю, что должна. И чувствую удовлетворение от того, что я это делаю так, как мне хотелось бы. Когда вдруг понимаю, что все правильно, что спела как надо, я просто бываю счастлива. Это непросто, конечно. Но мне здесь есть о чем сказать, понимаете? Это жажда высказаться еще раз, чтобы этого не повторилось в нашей стране, чтобы было по-другому.

– *У вас в семье знали, что такое репрессии...*

– Да. Мою семью это коснулось напрямую. Только за то, что бабушка и все дяди по папиной линии греки и что-то там сказали, на них донесли – и расстреляли. Сестер и брата мамы тоже сослали и расстреляли, как греков. Моего отца выслали в Сталинск, теперь это Новокузнецк. Но в нашей семье никогда это не обсуждалось.

– *Может быть, поэтому в вашем творчестве Серебряный век занял значительное место? Талантливые люди с ужасной судьбой...*

– Ужасная судьба! Гумилев. Маяковский. Цветаева. Мандельштам. Ахматова. И все равно в их

произведениях есть свет! Они были современны и будут современны, пока людей полностью не поглотила прагматичность жизни – деньги, деньги, деньги. Сегодня поэзии противостоит потребительство. И поэтому я нередко говорю: мы – оплот сопротивления.

– При подготовке программы имеет ли для вас значение судьба автора? Или вы стараетесь от этого отгородиться и поэзия для вас важнее?

– Поэзия важнее. Она все равно была выше всей жизни – такое прекрасное облако над человечеством. Смотреть на небо – это чудо какое-то! И так же поэзия – она над всем.

– Вы часто говорите, что музыка окрыляет стихи.

– Окрыляет, да!

– А душа исполнителя окрыляет эти песни, и все это соединяется в некий полет...

– Абсолютно точно! Именно крылья появляются. Знаете, мне очень захотелось, чтобы был рассказ о самом начале XX века. И Вадим Жук по моей просьбе написал «Снился мне сад»: встречаются люди в 1904 году, в день смерти Чехова. В конце я говорю: «Я отчетливо помню весь этот вечер. Пели романс за романсом и говорили, строили планы на будущее, а это будущее уже стояло перед нами». А будет 1917 год и все, что за ним последует. Один из моих любимых спектаклей у нас – «Победа-реквием», это песни 1930–1940-х годов: мужчины ушли на войну, женщины остались со всем своим горем. Очень хочу, чтобы все когда-нибудь это увидели. Это правда интересно.

– Как-то в интервью вы сказали, что песня должна быть произведением искусства, чтобы вы обратили на нее внимание и захотели исполнить. Но как определить критерии, при которых песня становится произведением искусства?

– Выбор песен имеет очень большое значение. Ну, во-первых, надо отличать хорошие стихи от посредственных. Бывает, вроде бы и рифма есть, и все сложено, но невысокий полет, понимаете? Душевность – это да, но еще и духовность... И великое дело – интуиция! И даже голос – он по-разному звучит у меня. Я начинаю петь песню и как бы даю задание своей интуиции и своему голосу, как они подскажут мне: вот мысль такая, а как же ее решить, каким голосом спеть, какая интонация пойдет? И мне никто не режиссировал песни, режиссером стала моя интуиция – я как-то на ощупь улавливаю.

– И все-таки, что такое режиссура песни?

– Я все время думала, что нужен, конечно, мне режиссер. И Ролан Быков со мной провел одно занятие. Говорит: «Вот «Песня о новом поколении» Людвиг Ашкенazi: в один прекрасный день человек узнает, что он представляет собой поколение, начинает носить ковбойку, или «конский хвост», или томик Рембо, или гитару и кеды. Вот

смотри, начинает носить ковбойку – ты представляешь себя в этом образе, и он диктует тебе все движения». Или, например, руки. Это вторые музыкальные связки! И действительно, я статична на сцене, и только руки у меня – или внизу, или нарастающую. Они живут своей жизнью. Руки, как пела Клавдия Шульженко, «вы словно две большие птицы». Для меня так и есть. И полет, полет... Раньше в институтах, на предприятиях, везде и всюду были «Устные журналы» – это такие вечера, в которых было несколько «страниц»: политическая, поэтическая, художественная и песенная. И в таких песенных страничках я выступала, а песен в моем репертуаре было еще мало. Однажды я спела две песни Новеллы Матвеевой, а потом какую-то незначительную. И почувствовала, что люди не поняли, почему я соединяю эти песни. И с тех пор я очень серьезно отбираю песни. Эта песня соединяется с Новеллой Матвеевой? А с Окуджавой? Соединяется с Дашкевичем или нет? И постепенно, постепенно сложился довольно большой репертуар.

Настоящая жизнь песни начинается тогда, когда ты выходишь на сцену. Я выхожу к зрителю и точно еще не знаю, как все сейчас будет в сочетании со зрительным залом, с его энергетикой. Ведь зрители даже не представляют себе, насколько они вместе со мной работают, их внимание, сосредоточенность – все вместе и рождает песню.

– На вашей работе пандемия отражается?

– Вот сейчас мы успели провести вечер в честь открытия Царскосельского лицея. Устраиваем его ежегодно 19 октября, но в прошлом году пришлось пропустить из-за карантина. Это Пушкин, конечно, и рассказы о тех людях, и песни – посвящение всему, что есть лицей... Я всегда произношу слова Энгельгардта: «Совесть – вот честь ваша». Если человек живет по совести, живет, чтобы делать добро и сопротивляться чему-то злосчастному, то он может считаться настоящим лицеистом. Вот так мы собираемся, и все наши друзья, кто исповедует эти правила жизни, они и есть лицеисты. Мы все – лицеисты в какой-то степени. Есть чему учиться всегда, и самое главное учение в жизни – это понимать страдания другого человека, помогать по возможности и не быть предателем.

А в прошлом сезоне у нас было несколько премьер, одна из которых – спектакль с посвящением Тонино Гуэрра. Однажды я пришла на день рождения Юрия Норштейна в его мастерскую и среди гостей увидела Тонино. Конечно, мне и в голову не пришло тогда, что в нашем театре появится спектакль-каприччио «Терра Гуэрра», то есть «Земля Гуэрра». Этот необычный человек вмещал в себя весь мир – он и художник, и поэт, и драматург. Мы дружим с его женой Лорой и как-то с ней поговорили, что можно придумать что-нибудь о Тонино. Я несколько лет режиссеру нашего театра Ивану Поповски говорила о такой постановке. И недавно мы начали ее играть. Я в роли Тонино выхожу

к зрителю с его размышлениями, маленькими рассказами, итальянскими песнями.

А в 2020 году вышла моя книга «Совсем другая песня». В детстве я писала дневники – куда пошли, что увидели. А когда я начала выступать, то записи мои стали относиться и к концертам. В книге множество воспоминаний – о моей семье и детстве, о моих учителях и коллегах, – разных лет фотографии, рассказы о том, как я работаю над песнями. Все издавать не было смысла, но из выбранных страниц получилась моя первая в жизни книга. Я никогда не планировала этого, но сейчас все-таки радуюсь.

– Елена Антоновна, в классической литературе многие произведения обличают недостатки людей, показывают, как не надо жить, воспитывают в человеке прекрасные качества. Если воспринимать песню как «малую литературную форму», то насколько в ней выражен этот аспект?

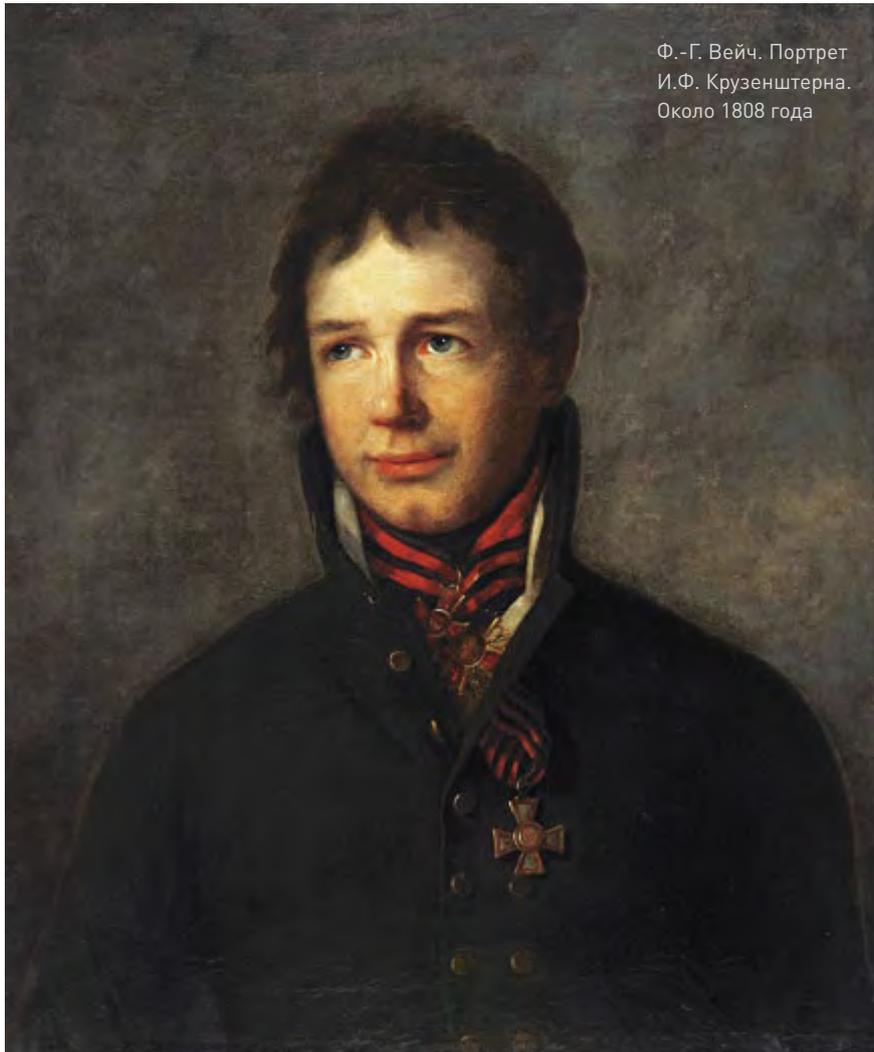
– И в песнях – все то же самое. Когда мы говорим о том, что плохо, то не для того, чтобы наслаждаться этим плохим, а для того, чтобы оно переродилось в свою противоположность. Мы встаем против этого, говорим, что так делать не надо. Достоевский не наслаждался тем, что «не так». Он писал для того, чтобы человек возвысился.

– Но все-таки песни не выделяют неприглядные стороны человеческой природы, и воспитательный характер в песенном жанре встречается редко. Скажем, «Шумел камыш» – это же не обличение безнравственного мужчины, а женская жалоба, что так вероломно с ней обошлись...

– Вот, кстати, «Шумел камыш»! Кроме строчки «Шумел камыш, деревья гнулись», я не знала этой песни. И однажды мне кто-то подсказал: посмотри полный текст. Да это же женская судьба, трагическая, в общем, как у многих из нас. И я поняла, что ведь это можно петь совершенно по-другому. И пою ее очень тихо, проникновенно, и песня эта удивительно сложилась.

– У меня было интервью с оперной певицей Галиной Вишневской. И она мне сказала удивительную фразу: «Самый лучший звук – это тишина»...

– Да! Абсолютно с ней согласна! Потому что тишина рождает так много размышлений. Только в тишине рождаются идеи... Из тишины выходят звуки, выходят мысли. Именно тишина рождает все. Из тишины родилась Земля, тишина рождает дождь, снег, ветер. Все-все сначала тихо, а потом – все начинается!..

Ф.-Г. Вейч. Портрет
И.Ф. Крузенштерна.
Около 1808 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ АДМИРАЛА КРУЗЕНШТЕРНА

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

В НАЧАЛЕ МАЯ 1816 ГОДА В РЕЗИДЕНЦИЮ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНА ПРИБЫЛ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В КИТАЕ. ЗА ЗАВТРАКОМ В УСАДЬБЕ ЛОНГВУД МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ И ГОСТЕМ ЗАВЯЗАЛАСЬ БЕСЕДА О ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛЕ. РАССКАЗЫВАЯ О РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ, БРИТАНСКИЙ ДИПЛОМАТ ВСПОМНИЛ О РУССКОМ ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ КРУЗЕНШТЕРНЕ, ПЛАВАНИЕ КОТОРОГО В КИТАЙ «МОГЛО БЫ ПРИВЕСТИ К ВАЖНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ, ЕСЛИ БЫ РОССИЯ НЕ БЫЛА ЦЕЛИКОМ ЗАНЯТА ЕВРОПЕЙСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ».

П О СЛОВАМ БРИТАНЦА, Крузенштерн, совершавший кругосветное плавание, остановился на два месяца в Кантоне, где ему разрешили продать меха и погрузить на борт закупленный чай. А отплыл из гавани за два дня до того, как пришел указ императора о том, что русские корабли должны покинуть Кантон и что вся торговля с русскими на юге Китая запрещена. Возможно, рассказ о капитане Крузенштерне стал откровением для Наполеона. Многие из хорошо знавших его признавались, что с мечтой о Востоке повелитель Европы не расставался еще со времен Египетского похода. По словам графа де Лас-Каза, Наполеон очень сожалел, что в Египте у него не было времени, чтобы организовать военную и научную экспедицию. Он не раз обдумывал, как лучше взяться за географические исследования в северной части Африки. План его был прост и эффективен: с экспедициями следовало отправить знающих офицеров, а их безопасность обеспечить «удержанием заложников из числа местных влиятельных лиц»... «Восточный мираж», опьянивший когда-то генерала Бонапарта, признавшегося в пору Египетского похода, что Европа не более чем «кrotовья нора», и мечтавшего по стопам Александра Македонского пройти Азию, в те годы воплощался в Петербурге...

ПРИТЯЖЕНИЕ ВОСТОКА

С октября 1800 года отношения России и Великобритании обострились, и планы Наполеона нашли сочувствие у императора Павла I. Ноябрьским указом 1800 года на все британские суда, стоявшие в русских портах, был наложен секвестр, их передали в ведомство Адмиралтейства, а находившихся на них матросов арестовали и разослали по внутренним городам империи. Затем последовала высылка с флота «флагманов, штаб и обер-офицеров из англичан». А 4–6 декабря того же года в Петербурге были подписаны конвенции с Данией, Швецией и Пруссией, оформившие возобновление системы «северного нейтралитета» для «обуздания Англии». Вскоре к соглашениям должны были присоединиться Франция с Испанией. На повестку дня выходил франко-русский военный союз. Шагом к нему стал секретный план освобождения Индии «от тиранического и варварского ига англичан», предусматривавший поэтапное продвижение Петербурга и Парижа к Индийскому океану: к осени 1801 года совместный 70-тысячный франко-русский корпус под командованием генерала Андре Массена должен был сосредоточиться в персидском Астрабаде и через Герат и Кандагар выдвинуться к берегам Инда. Здесь, по замыслу организаторов экспедиции, экспедицион-

ный корпус мог рассчитывать на поддержку местных племен, ненавидевших Великобританию и Британскую Ост-Индскую компанию. Движение корпуса со стороны Средней Азии должны были прикрывать казачьи части под командованием атамана войска Донского Василия Орлова, который получил приказ осуществить «Поход на реку Индус» через Хиву и Бухару. 28 февраля 1801 года основные силы казаков (13 полков) под командованием Матвея Платова выступили из станицы Качалинской. Ожидали и военно-морскую поддержку с юга: якобы три российских корабля, перевооруженных во фрегаты, должны были отплыть с Камчатки в Индийский океан и перекрыть британскую торговлю с Индией

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А. де Дрё.
Портрет махараджи Ранджита Сингха

Вид на Кантон.
Около 1800 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и Китаем. А после выхода соединенных армий в район Пятиречья планировалось заключить антибританский союз с правителем Ранджитом Сингхом, который 12 апреля 1801 года короновался в Лахоре как саркар единого Пенджаба.

В Лондоне ответили оперативно. Первый удар был нанесен по Копенгагену: 2 апреля 1801 года датские корабли, стоявшие на якоре вдоль побережья, подверглись атаке превосходящих сил британского флота под командованием адмирала Хайда Паркера. Получив сведения о подготовке франко-русской экспедиции, Британское адмиралтейство приказало вице-адмиралу Горацио Нельсону готовить эскадру для атаки Кронштадта, Ревеля и Санкт-Петербурга. Однако 23 марта казаков Орлова и Платова в окрестностях слободы Мечетной (ныне город Пугачев Саратовской области) догнал курьер из Петербурга. Он привез приказ вернуться: новый император, Александр I, отказался от идеи франко-русского союза.

Участники этих событий не знали, что 15 января 1801 года Павел I отправил Бонапарту послание: «Я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии, что в то время, когда она видит себя изолированной, может заставить ее раскаиваться в своем деспотизме и в своем высокомерии». А молодой капитан-лейтенант Ревельской эскадры Иван Крузенштерн, командовавший кутером «Нептун», еще 5 декабря 1800 года направил в Петербург смелый план крейсерской войны против Туманного Альбиона. Записку свою он адресовал адмиралу Иосифу Дерибасу. «В случае войны с этим народом, – писал Крузенштерн, – будет чрезвычайно важно вредить всячески этой торговле, единственному источнику его богатства. В этих видах я предлагаю назначить, в начале мая, эскадру из двух линейных кораблей и нескольких обшитых медью фрегатов, с тем чтобы она, обогнув Шотландию, отправилась на высоту Азорских остро-

Тройной портрет атаманов войска Донского: Ф.П. Денисов, М.И. Платов, В.П. Орлов. XIX век

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вов, где нет английских крейсеров и где обыкновенно проходят суда, возвращающиеся в июле и августе месяцах из Восточной и Западной Индий и из большого Южного моря. Я по собственному опыту знаю, что конвой этих кораблей бывает всегда слабый и редко состоит более чем из одного или двух военных кораблей. На пути не следует забавляться захватываньем призов, чтобы тем не возбудить подозрения; но по приходе ограничиться взятием только этих больших ко-

раблей, из которых каждый, возвращаясь из Индии и из Китая, представляет собою ценность в 1½ или в 2 миллиона рублей; <...> Англичанам не придет в голову, чтобы мы пошли на такое предприятие, и безопасность их подает нам счастливую надежду на исполнение».

Но послание Крузенштерна не дошло до адресата: 2 декабря 1800 года Дерибас скончался. А в ночь на 12 марта 1801 года в Михайловском замке был убит император Павел I. План крейсерской войны Крузенштерна надолго отложили. Иная судьба ждала другой его замысел. Еще в бытность свою на службе в британском флоте, в 1799 году, он составил записку о планах русско-го проникновения на Восток и представил ее в 1800-м на имя президента Коммерц-коллегии генерал-майора Петра Соймонова. Она и легла в основу проекта первой русской кругосветной экспедиции, о которой вспомнили в Лонгвуде Наполеон и его британский собеседник.

Адмирал Иосиф Дерибас. Портрет работы неизвестного художника. После 1796 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Д'АРТАНЬЯН ИЗ ОСТЗЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ

Сегодня в России, наверное, нет никого, кто не слышал бы об Иване Федоровиче Крузенштерне. В начале же XIX века, кроме узкого круга родственников и сослуживцев, имя это никому ни о чем не говорило. Кого в России интересовал нищий моряк из остзейских провинций? Кроме фамильной спеси, шпаги, легендарных предков и дорожного рундука, этому балтийскому Д'Артаньяну похвастаться было нечем. Разве что воображением, питаемым преданиями семейных хроник да сбивчивыми рассказами родителей о канувших в Лету тевтонских

рыцарях. В том, насколько туманными оказывались хранимые балтийцами (Deutschbalten) фамильные легенды, убедились в XX веке прославленные архивисты-родословы Жорж Врангель, Георг фон Крузенштерн и Эверт фон Крузенштерн, объездившие немало старинных усадеб в поисках семейных архивов, портретов и фотографий. Большая часть этих материалов утрачена: они истлели в подвалах разрушенных усадеб или сгорели в пожарах войн. Но устная память жила, вызывая порой недоумение почтенных генеалогов, выслушивавших рассказы потомков рыцарей, в которых никак не сходились концы с концами.

Подобным «генеалогическим разведкам» отдал дань и остзеец Адам Иоганн фон Крузенштерн, известный в России как Иван Федорович. На склоне лет, оставив столичный Петербург, он удалился на покой на уединенную лифляндскую мызу Килтси под Раквере. Сидя в зеленом кресле, седой адмирал любил перебирать пожелтевшие дворянские грамоты, дарованные его предкам, и аккуратно выписывать сведения о фамильном древе Крузенштернов, в истории которого причудливо переплетались имена, имущество, кровь и геральдика.

Родоначальником рода адмирал полагал Филиппа фон Крузиуса (1597–1676), известного дипломата и юриста, происходившего из пасторской семьи. Дед Филиппа, Иоганнес Краузе, состоял придворным проповедником при дворе графа фон Мансфельда в Ротенбурге-на-Заале. Его старший сын, тоже Иоганнес, с латинизированной фамилией Крузиус служил пастором при кирхе Святого Николая в Эйслебене (Саксония). Здесь и появился на свет Филипп фон Крузиус. Окончив Лейпцигский университет со степенью лиценциата права, он поначалу нашел место у Фридриха III, герцога Голштейн-Готторпского, и графа фон Мансфельда, затем перебрался к курфюрсту Саксонскому в Дрезден. В 1628 году с разрешения герцога фон Крузиус отбыл в распоряжение императора Фердинанда II: в 1630-м он выполнял миссию посла императора в Мантуе, а в 1632-м вновь объявился при дворе Фридриха III. Именно здесь судьба впервые связала фамилию Крузиусов с Москвией: в 1633 году Фридрих III доверил умелому дипломату возглавить посольство, направленное через Россию к персидскому шаху Сефи I для организации торговли шелками с восточными странами.

Позже заметки фон Крузиуса легли в основу специального меморандума о состоянии русской торговли, подготовленного для королевы Швеции Христины. В нем фон Крузиус анализировал перспективы возможной

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Портрет
Филиппа фон
Крузиуса

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

торговли с Востоком через Архангельск и далее – по Волге, Западной Двине и Днепру. Историю же первого (1634) и второго (1636–1639) посольств фон Крузиуса обстоятельно изложил в своем сочинении «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» секретарь посольств Адам Олеарий.

Возможно, Иван Федорович с волнением думал о том, что предпринятое им морское путешествие и открытие для России Востока задумывалось еще его предками. Ведь и парусные корабли «европейского манера» в Московии появились благодаря миссии фон Крузиуса: по договоренности Готторпа с Москвой на верфи Нижнего Новгорода было решено построить суда для плавания по Волге и Каспийскому морю. Подготовленный тогда корабль «Фредерик» был спущен на воду летом 1636 года. На нем посольство Крузиуса по Волге добралось до Астрахани, откуда двинулось в Персию. Однако у Дербента «Фредерик» попал в тяжелый шторм: «наше судно <...> извивалось, как змея, и расходилось в скреплениях. <...> Волны одна за другой опасно обрушивались на корабль и перебрасывались через него, заливая его так, что нам постоянно приходилось выкачивать и вычерпывать воду. <...> мы провели ночь в сильном ужасе, страхе и опасениях...» В итоге корабль выбросило на берег, и местные жители быстро разобрали его для своих нужд. Филиппу фон Крузиусу пришлось искать другие способы добираться до Персии...

Труба зрительная, восьмикратная, принадлежавшая И.Ф. Крузенштерну. Первая половина XIX века. Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого

Книга Адама Олеария «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию». 1663 год. ГИМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Вернувшись с Востока, он поселился в Эстляндии, перешел на шведскую службу, весной 1649 года получил дворянство и под фамилией Крузиус фон Крузенштерн занесен в метрические книги эстляндского рыцарства. Ему был пожалован герб: в лазоревом поле располагались «согнутая рука вправо в червленом рукаве с серебряным обшлагом, державшая золотой лук без стрелы». Колорит гербу придавал нашлаемник – восточная чалма, увенчавшая рыцарский шлем в память персидского посольства. Этот геральдический элемент Иван Федорович чтит особо. При этом он решил, что для увековечения памяти о предпринятом им кругосветном плавании полагалось бы внести в герб рода дополнения: девиз *Sper Fretus* («Доверяющий Надежде») и цитодержателей. В сентябре 1833-го в адрес начальника Главного морского штаба адмирал направил записку, в которой писал: «По примеру своего родоначальника, желая также оставить воспоминание о своей фамилии, о том счастливом для меня событии,

что первым из российских мореплавателей имел я счастье совершить первое путешествие вокруг света <...> решаюсь просить прибавление к фамильному гербу моему <...> двух флагов на древках, поддерживаемых с одной стороны островитянином Южного моря, а с другой – японцем; внизу же прибавлен девиз, относящийся к имени корабля, на котором совершено то путешествие». Так фамильный герб Крузенштернов обрел современный вид.

Но вернемся к Филиппу фон Крузиусу. В 1653 году он стал буркграфом Нарвы, а через несколько лет в третий раз попал в Московию в составе посольства, направленного шведским правительством к царю Алексею Михайловичу для подтверждения Столбовского мира. Из-за начавшейся Русско-шведской войны (1656–1658) дипломат провел здесь три года. Королевский придворный советник, генерал-директор коммерции в Эстляндии и Ингерманландии, юрист, автор сочинения о рыцарском земельном праве в Эстляндии и прапрадед русского адмирала фон Крузиус скончался в Ревеле, оставив от двух браков двух дочерей и трех сыновей. Младший из них был прадедом русского мореплавателя.

Дед Крузенштерна, Эверт Филипп, воевал подполковником в Северную войну на шведской стороне, попал под Нарвой в русский плен и семнадцать лет провел в Тобольске. Вернувшись из плена, он принял российское подданство и выкупил заложенные родовые имения, пожалованные его деду королевой Христиной.

Остаток жизни он посвятил восстановлению мызы Хагуди под Ревелем. Некоторые потери были невозможны: драгоценная библиотека Филиппа фон Крузиуса сгорела еще во время Северной войны. Но удалось начать реконструкцию поместья, и на месте обветшавшего деревянного здания вырос двухэтажный каменный дом. Дело шло туго: чтобы прокормить семью, Эверту Филиппу приходилось упорно трудиться, управляя имениями более богатых соседей. В конце концов ему удалось немного преуспеть. Не роскошествовал и отец Ивана Крузенштерна, помещик средней руки Иоганн Фридрих, заложивший Хагуди, чтобы дать сыновьям приличное образование. Хватило не только на гувернантку-француженку, но и на домашних учителей – студентов из Германии.

Родной немецкий язык нисколько не препятствовал Адаму Иоганну чувствовать себя российским подданным и быть патриотом России. При этом Крузенштерн хранил верность и остзейским корням. Он привык после обеда, приготовленного кухаркой-немкой, переходить в гостиную и обсуждать новости и семейные дела на немецком. Без этой «языковой отдушины» представить жизнь остзейских дворян из ливонских, эстляндских и курляндских провинций Российской империи невозможно. Располагались остзейские губернии на месте прежних

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Модель памятника И.Ф. Крузенштерну, установленного в Санкт-Петербурге напротив здания Морского корпуса Петра Великого. Скульптор И.Н. Шредер. Не ранее 1870 года. Музей морского флота

земель средневековых Ливонского ордена, Дерптского, Пильтенского, Ревельского, Рижского и Эзель-Викского епископств и в разные периоды входили в состав различных держав: Речи Посполитой, Дании, Швеции и Российской империи. Оторванное от германских территорий балтийское рыцарство консолидировалось, сплотившись в особую этническую корпорацию, трепетно хранившую традиции. Оно располагало существенными привилегиями, полученными со времен вхождения в состав Российской империи в 1710 году. В соответствии с ними участие балтийских рыцарств в жизни

России базировалось на принципах так называемой «остзейской автономии» – охранительном словесном механизме, главной пружиной которого являлся комплекс мер по защите чистоты дворянских фамилий. Среди них доминировал институт дворянских матрикулов – особые списки полноправных рыцарских родов, потомки которых принадлежали к правящей элите своей провинции и могли занимать административные должности и заседать в местном ландтаге. Приезжая в столицу империи, балтийские немцы держались друг за друга, цепляясь за тех из «своих», кому удалось продвинуться на управленческие посты. Они выбирали немецких невест, воспитывали детей в лютеранской вере, виртуозно улаживали личные дела и пребывали в уверенности, что именно они привносят европейские традиции в Россию.

Надо было родиться и пожить в Прибалтике, чтобы понять, до какой степени прошлое управляет здесь судьбами. В результате здесь выросла удивительная смесь избранности, интеллекта, высокомерия, честности и цинизма. Остзейские правила игры накрепко усвоил и юный Адам Иоганн, сначала под родительским кровом, а с 12 лет – в рыцарской Домской школе в Ревеле. Когда подростку исполнилось 14, его отправили в далекий Кронштадт, в Морской кадетский корпус. Место это не пользовалось доброй славой среди тщеславных балтийцев – мало кто из них, приехав в Петербург, делал ставку на флотскую карьеру. Крузенштерн же всегда был исключением из правил. Это был серьезный, сосредоточенный, угловатый и замкнутый юноша, плохо сходящийся со сверстниками. Он читал запоем и держался особняком. Юрий Лисянский рассказывал, что во время учебного плавания летом 1787 года увидел на койке Крузенштерна раскрытую книгу. Это был труд по навигации в Северном Ледовитом океане, заложенный на странице о гибели Беринга во время зимовки на

План третьей фазы Выборгского сражения 1790 года. ГИМ

Командорских островах. «Такой кончине можно только позавидовать, – произнес вошедший в каюту Крузенштерн. – Надеюсь однажды посетить его могилу».

Когда началась война с Турцией, а затем со Швецией, гардемарин Крузенштерн был досрочно выпущен из Морского корпуса и получил назначение на корабль «Мстислав» под командованием капитана первого ранга Григория Муловского (см.: «Русский мир.ru» №5 и 6 за 2021 год, статья «Тайная миссия капитана Муловского». – Прим. ред.).

В послужном списке молодого мичмана появились записи о боевых отличиях: Гогландское, Эландское, Выборгское сражения. В июле 1790 года его произвели в лейтенанты: при взятии флагманского шведского контр-адмиральского корабля «София-Магдалина» Крузенштерн выполнил особо важную миссию, доставив с неприятельского судна поверженный шведский флаг. Согласно фамильной легенде, на борту «Софии-Магдалины» 19-летнего Крузенштерна встретил его четвероюродный шведский племянник Мориц Петер Грамен фон Крусеншерн, который и проводил русского офицера к командиру корабля.

В октябре 1793 года в жизни молодого остзейца произошел новый поворот. По договоренности с Лондоном 14 отличившихся молодых офицеров отправили на стажировку в британский флот. В списки волонтеров попали Иван Федорович, а также внебрачный сын великого князя Павла Петровича Семен Великий, внук Беринга Яков, кадетский приятель Лисянский, Михаил Баскаков, Павел Рожнов. Крузенштерн вернулся в Петербург только через шесть лет настоящим морским волком. Он побывал в Северной Америке, плывал в Ост-Индию, был на мысе Доброй Надежды. Его записки тех времен по-морскому лаконичны: «взяли на абордаж американский шлюп», «занимались забором соленой воды», «проверили незнакомое судно», «вытащили орудия на причал, чтобы

Генеральная карта, представляющая удобные способы к умножению российской торговли и мореплавания по Тихому и Южному океанам.

Составлена Г.И. Шелиховым. 1787 год. ГИМ

их покрасить», «доставляли порох на баркасе», «за пьянство Вильям Джоунс получил 18 ударов плетью», «ушел из жизни матрос Питер Кармайкл».

Туманный Альбион, британский флот, его железные офицеры, их профессионализм вызывали искреннее восхищение Крузенштерна. Он легко находил общий язык с будущими британскими адмиралами и не испытывал недостатка в знакомствах. Британцы, в свою очередь, восхищались молодым русским – сильным как медведь, гордым и самолюбивым. О его отваге ходили настоящие легенды. Рассказывали, что как-то раз один «юный англичанин задел сильно самолюбие русского офицера в людной сходке, почему Крузенштерн вызвал его на дуэль. «Джон Буль» ответил ему, что дуэль не в привычках джентльмена. «Ну а как же мне смыть нанесенную обиду, ежели вы не хотите извиниться? Вы трус!» – «Требуйте что-либо другое, и я готов доказать, что нет». Крузенштерн выдумал следующее. Положено было достать две гранаты, начиненные порохом, приложить к ним станины и дать каждому из обиженных по фитилю, чтобы они их зажгли и не бежали от них, но шли медленно, считая шаги по секундомеру. Такая дуэль состоялась. Крузенштерн бодро подошел к своей гранате, зажег ее, и на пятнадцатом шагу последовал взрыв совершенно благополучно. Англичанин, не дойдя до сво-

ей шагов пять, побежал обратно и был за то сильно избит боксерами-секундантами, а Ивана Федоровича понесли с триумфом в таверну, где все ожидали конца поединка».

Во время плаваний мысли Крузенштерна часто возвращались в Россию, он сравнивал увиденное за границей с российской действительностью. В 1799 году на пути из Кантона в Англию на торговом судне «Бомбей кастл» Крузенштерн составил записку с проектом «организации русской экспедиции в интересах развития торговли и обогащения страны». «Все страны земного шара, – писал он, – торгуют на морях мира, лишь Россия исключена из их числа. Ее торговля очень слабо развита, а ведь Россия так хорошо расположена для морской торговли, и у нее всего достаточно для построения кораблей. Однако другие страны пользуются ее удобствами и выгодами. Это для меня загадка, которую я безуспешно пытаюсь решить». Он с горечью писал о своих соотечественниках, которые «тысячами погибают в госпиталях, в армиях по небрежности и может быть из-за отсутствия гуманности у людей, которым поручен уход и забота о их жизни. <...> Это позор нашей нации! Сколько погибло людей на военных кораблях по причине нехватки теплой одежды и других предметов, без которых невозможно сохранить здоровье наших матросов».

ВЕЛИКИЙ ПЛАН

Замысел Крузенштерна предусматривал организацию торговли России с Японией и Китаем, создание морской трассы Кантон – Петербург со складами на островах Уналашка и Кадьяк и ежегодное отправление в Тихий океан торговых судов с военным сопровождением, перед которым ставилась задача охраны российских колоний на Дальнем Востоке и в Русской Америке, а также исследование неизученных районов. Но проект лег под сукно: Соимонов вызывал недовольство Павла I и был выслан в Москву, где вскоре скончался, а вице-президент Адмиралтейств-коллегии адмирал граф Григорий Кушелев интереса к проекту не проявил. Крузенштерн подготовил новую, дополненную записку и в начале 1802 года направил ее на рассмотрение новому вице-президенту Адмиралтейств-коллегии, Николаю Мордвинову, который счел предложения «во многих частях полезными и достойными монаршаго внимания».

Идея организовать торговлю с Китаем и Японией в те годы носилась в воздухе, и Крузенштерн был не единственным, кто предложил направить экспедицию в Ост-Индию. В окружении Мордвинова как раз обсуждались вопросы о том, как «зделать экспедицию морем в Камчатку». Лисянский готовил, например, собственный проект плавания в Ост-Индию. В письме Крузенштерну от 26 июля 1802 года, написанном уже после того, как Ивана Федоровича назначили командиром «в столь славную экспедицию», Юрий Федорович, желавший отправиться в дальнее плавание, не преминул напомнить и о своем вкладе в дело: «Ты знаешь мой план в разсуждении похода морем в Камчатку, но послушай, не забывай, что мы должны зделать себе выгоды, так же как и отечеству, будем пунктуальны».

Подготовка плана дальнейшей экспедиции была поручена и по-

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лярному исследователю капитан-командору Гавриилу Сарычеву, который 18 февраля 1802 года представил донесение о «выгоде отправления морем кругом мыса Доброй Надежды построенных здесь (в Охотске. – Прим. авт.) судов или купленных в Англии готовых». «Несмотря на все выгоды сего предприятия, – писал Сарычев, – с первого виду представиться должны опасности и затруднения в переходе великого пространства морей, по коим россияне в первый еще раз должны совершить плавание, но когда взять в пример, что в самые непросвещенные времена мореплавания ВаскодеГама и его последователи безопасно ходили по сим неизвестным еще тогда морям, то можно ли усумниться плавать по оным ныне, когда навигация доведена уже до совершенства и когда всем тем морям есть вернейшие карты с полными наставлениями для плавателей».

В мае 1802 года Мордвинов, изучив все предложения, принял решение о подготовке экспедиции и в письме Кру-

А.Г. Варнек.
Портрет адмирала
Н.С. Мордвинова.
1810–1820 годы

зенштерну обнадежил его, сообщив, что «только избираю удобный случай, дабы с пользою вашей доложить о них. До сего времени прошу вас покорно принять терпение, я же уповаю, что вы не оставлены будете за ваши труды без вознаграждения». Ловкий и осторожный политик, Мордвинов решил передать записку Крузенштерна министру коммерции графу Николаю Румянцеву, до недавнего прошлого возглавлявшему Департамент водных коммуникаций и Экспедицию о устройении дорог. Граф Румянцев, убежденный франкофил, придерживался передовых взглядов и был убежден в необходимости укрепления позиций Российской империи на Тихом океане. По его мнению, логистические решения сыграют в этом деле первую роль. Благодаря развитию системы путей сообщения внутри страны и выстраиванию сухопутных и морских торговых трасс, обеспечивающих связи между Центральной Россией, Сибирью и Американским континентом, Российская империя сможет стать передовой торговой державой и открыть новые рынки сбыта для отечественных товаров.

Однако у проекта Крузенштерна нашлись влиятельные противники в лице политиков-англофилов: нового министра морских сил, Павла Чичагова, и российского посла в Великобритании Семена Воронцова. «Вообразите, – писал Чичагов Воронцову 13 марта 1803 года, – что, не умея и не имея средств строить суда, они предлагают объехать вокруг света. У них недостаток во всем: не могут найти для путешествия ни астронома, ни ученого, ни натуралиста, ни прилично-го врача. С подобным снаряжением, даже если бы матросы и офицеры были хороши. Какой из всего этого может получиться толк?» ❀

Окончание следует.

БОРЬБА РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО СТОЛА

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР
ДАНИИЛ ВЕДЕРНИКОВ

ЛЕТО 1815 ГОДА БЫЛО НА ИСХОДЕ. УЖЕ ОТГРЕМЕЛИ СРАЖЕНИЯ ПОБЕДОНОСНОГО ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА РУССКОЙ АРМИИ, С ВЕНСКОГО КОНГРЕССА РАЗЪЕХАЛИСЬ ДИПЛОМАТЫ, А НАПОЛЕОН УЖЕ ПОТЕРПЕЛ СВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПОРАЖЕНИЕ В БИТВЕ ПРИ ВАТЕРЛОО. РУССКАЯ АРМИЯ ЗАСОБИРАЛАСЬ ДОМОЙ. НО НАПОСЛЕДОК ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I РАСПОРЯДИЛСЯ ПРОВЕСТИ ОБЩИЙ СМОТР РУССКИМ ВОЙСКАМ, НАХОДИВШИМСЯ ВО ФРАНЦИИ. ДЛЯ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ БЫЛА ВЫБРАНА ОБШИРНАЯ РАВНИНА РЯДОМ С ГОРОДКОМ ВЕРТЮ, В 130 КИЛОМЕТРАХ ОТ ПАРИЖА. РЕПЕТИЦИЮ ПРИУРОЧИЛИ К ГОДОВЩИНЕ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ, А САМ СМОТР ПРОШЕЛ 29 АВГУСТА.

П О ТЕМ ВРЕМЕНАМ это было грандиозное действо: 150 тысяч солдат и офицеров, русский император и его свита, монархи и генералитет союзников... Французы не были бы французами, если бы не позаботились о том, чтобы поразить

гостей изысканными блюдами знаменитой французской кухни. Так что для обслуживания русского монарха пригласили известного повара – Мари-Антуана Карема. Того самого, которого позже назовут «поваром королей и королем среди поваров».

БАНКЕТЫ «А-ЛЯ РУС»

Перед Каремом стояла непростая задача: в маленьком Вертю, где не было запасов деликатесов, провизии и хороших рынков, нужно с блеском накормить как самого русского государя, так и его двор, а также свиты иностранных монархов – всего 300 человек.

Педантичный Мари-Антуан тщательно фиксирует в своих записках, что надо сделать. Из Парижа он привозит 40 поваров, не считая обслуживающего персонала. Дворцовых кухонь, необходимых для такого количества ртов, в Вертю попросту нет, так что под них переоборудуют большое гумно. Вина, фрукты, мясо, дичь, рыбу, скатерти, серебро и фарфор доставляют телегами из Парижа, заручившись охранными грамотами на случай встречи с казачьими разъездами, которых Карем очень опасается. Чтобы мясо было свежайшим, в столице нанимается мясник, с которым отправляют целое стадо быков, барашков и телят.

Э. Банди.
Приготовления
к пиршеству.
1892 год

Отдельная проблема со льдом. Без него парадный банкет провести невозможно, но в августе его сложно достать: парижские торговцы льдом далеко и заламывают небывалые цены. Каким-то чудом Карем с помощью мэра Вертю отыскал неподалеку от городка ледник с достаточными запасами льда. Наконец, для каждого обеда необходимы устрицы. Карем уже готовил для Александра I и его вельмож и знает, что никакой русский не начнет обед, не проглотив дюжину устриц.

Как пишет в своих мемуарах Карем, 10 сентября в богато украшенных шатрах начался роскошный обед, растянувшийся на три дня. Каждый день императору и его свите подают тарелки со свежими устрицами, уложенными на колотый лед вместе с дольками лимона. Затем следуют остальные блюда.

Спустя три года, на конгрессе в Ахене, где собрались главы Великобритании, Пруссии, Австрийской и Российской империй, Карем вновь готовит для русского государя. После очередного блестящего приема дворецкий Александра I, господин Мюллер, приглашает Карема на службу в Петербург. Тот соглашается, но вскоре поки-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дает русскую столицу, не ужившись с дворцовыми службами и не приготовив ни одного обеда для царя. Впоследствии краткое пребывание Карема в России будет мифологизировано, а великий француз будет назван чуть ли не изобретателем русской кухни.

Прием на смотре войск в Вертю Карем будет вспоминать как самый тяжелый из всех тех рос-

Мари-Антуан Карем (1784–1833)

А.Д. Кившенко. Вступление русских и союзных войск в Париж. 1880 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация из книги М.-А. Карема «Искусство французской кухни XIX столетия»

кошных обедов и ужинов, которые он готовил для европейских монархов. И дело не только в том, что готовить приходилось в полевых условиях, а спать на соломе. «Обед был крайне физически утомительным для нас по причине русской сервировки, которая предусматривает, чтобы антре (вступительные мясные блюда. – Прим. авт.) были сервированы перед самой подачей на стол, и, конечно, эти промежутки времени бывали явно недостаточны, чтобы подать 28 антре так, как это принято у нас во Франции, – писал Карем. – Я сделал эти 28 антре одинаковыми, но даже так их все равно надо положить на тарелки и полить соусом; необходима большая слаженная работа и знания, чтобы выполнить подобный обед, особенно находясь в 34 лье от Парижа».

В своем руководстве для дворецких Карем, кажется, первым из поваров рассказывает, как надо обслуживать господ из России и что же такое русский стол. Но самое удивительное состоит в том, что, несмотря на все сложности организации банкетов «а ля рюс», эта система завоеует все дворы и знатные дома Европы. Сегодня приготовить 28 одинаковых блюд одной перемены не составит труда: именно так кейтеринговые компании накрывают банкеты на любое число персон. Почему же Карему такой подход казался неудобным и почему в итоге этот метод, названный «русская сервировка», возобладавал в Европе?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРАВИЛА ЕВРОПЕЙСКОГО ЗАСТОЛЬЯ

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно отправиться в XVIII век, ко двору герцога Орлеанского – второго человека Франции после короля. Именно здесь служит прославленный дворецкий и повар Франсуа Массиало – автор популярных гастрономических трактатов. В отличие от Карема книги свои Массиало почти не иллюстрирует – вообще, иллюстрации в сборниках рецептов того времени, скорее, редкость. Зато эти сборники, начиная со второго переиздания, снабжены подробными схемами накрытия столов. Первая схема, которую приводит Массиало, это череда тарелок с указанием их размеров – выбор, который покажется более чем странным любому современному кулинарному автору.

Еще одно изображение в сборнике – гравюра с так называемым «сюрту де табль» (в буквальном переводе – «всегда на столе». – Прим. авт.). Это серебряный прибор с канделябрами и судочками для масла, уксуса и специй, предназначенный для украшения центра стола. На схемах, старательно расчерченных дворецким, сюрту и череда тарелочек, от больших до самых маленьких, расставлены в прихотливые, строго симметричные композиции, сравнимые с регулярными планами садов и парков Версаля. Это сравнение приводится не ради красного словца: ведь и то, и другое берет начало в идее, характерной для мышления эпохи барокко, – идее иерархии. Сословная и семейная иерархия – это воплощение Богом данного порядка, нарушение которого грозит гражданскими смутами и упадком. Поддержание этого порядка представлялось естественным для большинства образованных людей XVII столетия, а французы, кажется, более всех европейских наций преуспели в этом деле.

П. Лепотр.
Ужин в честь
«короля-солнца»
Людовика
XIV. Гравюра
XVIII века

Вспомним правило «трех единств» (единство места, времени и действия) французского театра: жесткую формальную систему, опираясь на которую должен творить драматург, желающий добиться признания. Такой же свод канонов и правил разрабатывался для всех видов искусств, включая и искусство сервировки стола.

Представьте себе стол в стиле барокко в его идеальном воплощении: большие блюда, самые малочисленные на столе, предназначены для расположения супниц и больших кусков мяса или тушек птицы. Средние тарелки – для пирогов и небольших птиц, меньшие – для крылышек, филеёв, потрошков и маленьких птичек. И, наконец, самые маленькие тарелки предназначены для того, что мы сейчас назвали бы закусками.

Картина серебряных блюд, расставленных по размеру от больших к малым, увенчанная сверкающим сюрту в центре и освещенная мерцающим пламенем свечей, была поистине великолепной. Она отражала как эстетические пристрастия людей эпохи барокко, так и их представления об иерархическом устройстве мира. Им отвечала не только симметричная расстановка блюд, но и рассадка гостей и правила этикета, которые должны были демонстрировать место каждого в сложившейся социальной иерархии. Массиало, да и повара до него, каталогизировали и систему подачи блюд, которая определит обычаи европейского застолья на три века вперед, включая и застолья Российской империи. А потому остановимся на этой системе подробнее.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация из книги Ф. Массиало «Новый королевский и буржуазный повар». 1717 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

М.А. Зичи.
Парадный обед
в Концертном
зале Зимнего
дворца в честь
приезда
императора
Вильгельма I.
1873 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОТ СУПА ДО ДЕСЕРТА

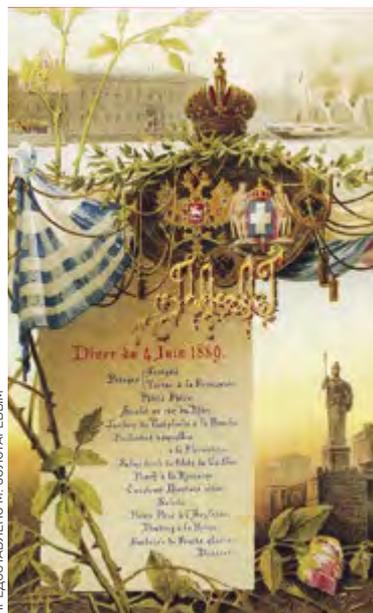
Обед начинался с супов. Кстати, само слово «суп» появляется позже самого блюда. Оно обобщило все виды похлебок – от простого бульона с травами, которым заливали хлебные корки, до бисков из перетертого голубино го мяса.

За супами, а иногда и параллельно с ними, шли те самые антре – череда мясных или рыбных блюд. Обычно это было тушеное мясо под соусом, причем соус или любого рода подлива были главной характеристикой этой перемены. Наряду с мясом подавались горячие пироги или, как их еще называли, паштеты. Рыбу долгое время подавали только в постные дни, но Французская революция, поколебавшая религиозные устои, и знакомство с русскими гастрономическими привычками заставляют сочетать мясо и рыбу в числе блюд антре.

После супов и антре следует «жаркое» – так называли мясо, жаренное на вертеле или в печи. На жаркое обычно подавалось много птицы: как дичи, так и домашней. Обязательным сопровождением жаркого становятся салаты – от простых зеленых листьев, заправленных соусом винегрет, до сложных комбинаций свежих и вареных овощей. В числе салатов были и нарезанные цитрусовые, поскольку сок апельсинов считался очень подходящим аккомпанементом к жареной птице.

За салатами и жарким следует антреме. Обычно под этим словом подразумевали овощные рагу и прочие овощные блюда, скажем спаржу или артишоки. Но в антреме также входили сладкие пироги и различные виды яичниц и омлетов, холодные паштеты и легкие мясные закуски. Таким образом, это слово, скорее, обозначало место блюда в порядке обеда, а не тип приготовления.

Завершал торжественный обед десерт, состоящий прежде всего из фруктов и их производных (пастила, компоты, мармелад), а также из сладких и несладких сыров, сорбетов и мороженого. Такой порядок подачи блюд (с некоторыми локальными нюансами) был принят и в России, види-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Меню обеда
по случаю
бракосочетания
великого
князя Павла
Александровича
и греческой
принцессы
Александры
Георгиевны.
4 июня 1889 года.
Художник
Н. Гриценко

мо, в конце царствования Петра I. Впоследствии и Елизавета Петровна, и Екатерина Великая не скупятся на дорогой фарфор, заменяющий барочное серебро, зеркала и украшения для создания настольных композиций «а-ля франсэз» на русском императорском столе. Точно так же и первые наши кулинарные книги, сохранившие подробные росписи меню парадных банкетов, стараются следовать только этой схеме. Современники свидетельствуют, что княгиня Екатерина Романовна Дашкова могла при гостях самолично поправлять и переставлять тарелки, если слуги нарушали план и симметрию французской сервировки.

Прелесть каждой такой «французской» перемены заключалась в разнообразии. Именно для демонстрации такого разнообразия и изобилия, будто бы воплощающего легенды о стране молочных рек и кисельных берегов, и представлялись десятки тарелок и тарелочек. Едок на таком застолье не был обязан есть все, он был волен выбирать еду из нескольких блюд, поставленных перед ним. Хозяин застолья потчевал важных гостей особыми кусками с самых больших блюд, которые сам же мог предварительно нарезать на глазах у всех сотрапезников. Вина, сухие и сладкие, настоянные на фруктах и специях, критские и немецкие, квасы и даже британское пиво – все эти напитки не предназначались для определенного типа блюд, в данном случае гость также мог сочетать их самостоятельно.

Интересно, что вельможа и гурман Гавриил Романович Державин, описывая в поэме «Евгению. Жизнь Званская» простой сельский обед в русском духе, не может удержаться от того, чтобы расставить блюда на французский манер, то есть «цветником, поставленным узором». Это свидетельство того, насколько глубоко проникла французская мода в Россию:

*Бьет полдня час,
рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей
хозяйка с хором.*

Я озреваю стол –
и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.
Багряна ветчина,
зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог,
сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь –
икра, и с голубым пером
Там щука пестрая – прекрасны!

РУССКАЯ СЕРВИРОВКА

Но традиции французского парадного застолья столкнулись с целым рядом неудобств, обусловленных традициями русской жизни. Например, с любовью русских к горячей еде, поданной прямо из печи, или с гораздо более скудным набором овощей и фруктов долгой зимой. Какой уж тут «цветник» на столе! Еще французский этикет требовал не ставить бутылки и бокалы на стол, что не очень нравилось нашим предкам. Так что французская сервировка, предназначенная для парадных обедов, поневоле сосуществовала с более скромной традиционной. Супы, похлебки, жаркое и каши подаются поочередно горячими. Блюда не стоят на столе, но лакеи регулярно обходят с ними гостей. Денис Иванович Фонвизин, путешествуя по Франции в 1777 году, не мог сдержать ехидства по поводу неудобства французских порядков: «Как скоро скажут, что кушанье на столе, то всякий мужчина возьмет даму за руку и поведет к столу. У каждого за столом стоит свой лакей. Буде же нет лакея, то несчастный гость хоть умри с голоду и с жажды. Иначе и невозможно: по здешнему обычаю блюд кругом не обносят, <...> а буде захочешь пить, то всякий раз посылай слугу своего к буфету. Рассуди же: коли нет слуги, кому принести напиток, кому переменять тарелки, кого послать спросить какого-нибудь блюда? А соседа твоего лакей, как ни проси, тарелки твоей не примет». А вот уже из другого письма: «Поварня французская очень хороша: эту справедливость ей отдать надобно, но <...> услуга за столом очень дурна. Я когда в гостях обедаю <...> принужден

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

обыкновенно вставать голодный. Часто подле меня стоит такое кушанье, которого есть не хочу, а попросить <...> не вижу. Наша «русская» мода обносить кушанья есть наизумительнейшая. В Польше и Немецкой земле тот же обычай, а здесь только перемудрили. Спрашивал я и этому резон: сказали мне, что для экономии: если блюда обносить, то надобно на них много кушанья накладывать. Спрашивал я, для чего вина и воды не ставят перед конвертами? Отвечали мне, что и это для экономии: ибо де примечено, коли бутылку поставить на стол, то один всю ее за столом и вылакает; а коли не поставить, то бутылка на пять персон становится». В общем, к концу XVIII века идея о том, что французская сервировка торжественна и красива, но не во всем удобна, просто носилась в воздухе. Однако чтобы отказаться от нее, потребовались гильотина, отказ от мысли об универсальной иерархии и крушение привычной картины мира. Когда же французская сервировка заменяется русской? Происходит это, по-видимому, на рубеже XVIII–XIX веков. Когда Карем на закате Наполеоновских войн обслуживает банкеты русского государя, он уже имеет дело со сложившейся системой парадного застолья, а не просто частного домашнего обеда.

Вот как Карем описывает принципы русского стола на тот случай, если и другим европейским поварам случится работать для русских господ: «Русский стол не более шести футов шириной, центр его предназначен для ваз, наполненных цветами, до которых русские большие любители, между вазами стоят тарелочки с десертом, все это формирует очень приятное на вид филе (старинное наименование центрального декора стола. – Прим. авт.), остальной конверт (то есть индивидуальный набор) располагается как и у нас <...> для русского стола важно, чтобы каждого антре хватило для каждого сотрапезника <...> русский стол должен меняться быстро и блюда быть теплыми. Вначале мы подаем устриц, потом суп с закуской (имеются в виду пирожки. – Прим. авт.), потом холодное антре, потом большой кусок <мяса>, потом антре из рыбы, из домашней птицы, из пернатой дичи, из домашнего скота и антреме из овощей, потом блюдо жаркого с салатом. Сервировка заканчивается сладкими антреме, мороженым, кремами и суфле. Таким образом, русская сервировка полностью отличается от нашей, поскольку ничего из блюд кухни не ставится на стол. Все антре должны быть уже разделанными порционно, равно

М.А. Зичи.
Торжественный
обед в Грано-
витой палате.
1883 год

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

как и большие куски мяса и жаркое. Как только очередное антре подано, дворецкий должен возвращаться на кухню, чтобы готовить следующее». Описанная Каремом схема почти без изменений встречается впоследствии у многих русских и иностранных авторов – от знаменитой Елены Молоховец (см.: «Русский мир.ру» №10 за 2021 год, статья «Кассандра от кулинарии»). – Прим. ред.) до «Альманаха гастрономов» Игнатия Радецкого и общих руководств по этикету.

ЦЕРЕМОНИИ – ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ ОБЕДА

Легенды связывают популяризацию русской сервировки на Западе с русским послом в Париже в 1808–1812 годах, «бриллиантовым князем» Александром Куракиным. Якобы именно он делает модной такую систему подачи блюд, когда еда не выставляется на стол, а выносятся поочередно.

Однако во Франции русская сервировка постепенно заменяет французскую только с середины XIX века, да и Куракин был не единственным проповедником этой идеи в Париже. Прославленный гурман и ресторанный критик Александр Гримо де Ла Реньер в своем «Альманахе гурманов», выходящем в 1803–1812 годах, постоянно пропагандирует идею отказа от французской сервировки. Для него вкус горячей, свежеприготовленной еды становится важнее соблюдения церемоний. Церемонии вообще «злейший враг хорошего обеда», считает он. Дворянин, чудом сохранивший голову во время революции, по видимому, смирился с тем, что времена его молодости, прошедшей на прекрасный галантный век, ушли в прошлое. Наступила новая, куда более практичная эпоха. Карем с большим уважением относился к сочинениям Гримо.

Кадр из фильма «Война и мир». 1967 год

А. Гримо де Ла Реньер. Альманах гурманов. Французское издание 1804 года

Однако он, кажется, всеми силами пытался вернуть прошлое, никакие моды были не в силах поколебать убеждения великого повара и монархиста: «Но желаю заметить, что подобные столы могут прекрасно согдаться для обеда военных или гражданских, также сервировка порусски может быть очень приятна для обеда в кругу семьи, но на торжественных собраниях французская сервировка послужит более к пышности и большей импозантности». Эту мысль он не раз повторяет в своих сочинениях, сокрушаясь по поводу того, что блистательный русский двор этого не понимает. Именно недостаточная торжественность в сервировке стола более всего смущала Карема. Еще в юности, будучи превосходным рисовальщиком, Карем сам создавал эскизы украшения блюд, впервые в истории европейской кулинарии превратив каждое поданное блюдо в произведение архитектуры. Вероятно, отсутствие возможности явить эту сторону своего таланта при русской сервировке смущало Карема куда более, нежели необходимость построения сложных логистических цепочек для быстрой доставки горячих, нарезанных и украшенных блюд из кухни.

Но в итоге и русская, и французская сервировка пришли к согласию: посмотрите на любое роскошное русское меню рубежа XIX–XX веков и обратите внимание на порядок подачи блюд. Все эти меню, созданные для русской сервировки, сохраняют порядок блюд, принятый еще во времена «короля-солнца». К сожалению, увидеть во всем блеске русскую или французскую сервировку тех времен сейчас практически невозможно. Разве что на старых схемах да в хороших фильмах, например в «Войне и мире» Сергея Бондарчука или в британском сериале «Аббатство Даунтон». Обе эти сервировки канули в прошлое, оставив в наследство лишь роскошные сервизы, ставшие экспонатами музеев. 🍷

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр Гримо де Ла Реньер (1758–1837)

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«РУССКИЙ ЛИЧНО КУДА БОЛЕЕ СВОБОДЕН, ЧЕМ АНГЛИЧАНИН»

Дж. Келли.
Насмешник.
Портрет
С. Моэма.
1911 год

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ЧИТАЛ В ОРИГИНАЛЕ ЧЕХОВА, СПОРИЛ С ДОСТОЕВСКИМ, ПЫТАЛСЯ ПОНЯТЬ ТУРГЕНЕВА. С ЮНОСТИ МЕЧТАЛ ПОБЫВАТЬ В РОССИИ. И ПОБЫВАЛ – В РОКОВЫЕ ДЛЯ НЕЕ МИНУТЫ, ДАЖЕ ПИТАЛ ИЛЛЮЗИИ ПОВЛИЯТЬ ЗДЕСЬ НА ХОД МИРОВОЙ ИСТОРИИ. ВОСХИЩАЛСЯ И УЖАСАЛСЯ РУССКОЙ СВОБОДОЙ. ВСЕ ЭТО – УИЛЬЯМ СОМЕРСЕТ МОЭМ. СТРОГИЙ АНГЛИЧАНИН, С ИНТЕРЕСОМ ВЗИРАЮЩИЙ НА ВОСТОК, СТРАСТНО ЖЕЛАЮЩИЙ ПОНЯТЬ ЗАГАДОЧНУЮ РУССКУЮ ДУШУ.

В ПРОЧЕМ, СОМЕРСЕТ Моэм был неправильным англичанином. Он и родился-то в Париже, в семье юриста британского посольства во Франции Роберта Ормонда Моэма. Случилось это 25 января 1874 года. И до 10 лет Моэм даже не говорил по-английски. Когда же ему исполнилось 10, он остался сиротой. Мать, Эдит Мэри, умерла в 1882 году, отец – в 1884-м. Тогда-то Моэм и отправился на историческую родину, в городок Уитстабл, к дяде-викарию. Там он провел, по собственному признанию, несколько безрадостных лет. Потом бросил школу и уговорил дядю отпустить его во Францию, а затем в Германию. Опекун мечтал, что его племянник станет священником, но, поскольку был человеком слабовольным, возражать не стал. Да и вообще, мало ли кто о чем мечтает? Были бы живы родители, пришлось бы будущему писателю отстаивать право не становиться адвокатом. Юристами были его дед, отец, братья. Нет сомнений, что будущий писатель как-нибудь увернулся бы и от этого поприща. Ведь он с юности стремился к независимости, переменам, мечтал увидеть жизнь во всех ее проявлениях. Его тянуло туда, где все кипело. Для начала Сомерсет Моэм решил стать врачом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В ГУЩЕ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

«Медицина меня не интересовала, – вспоминал Моэм, – но она давала мне возможность жить в Лондоне, окунуться в настоящую жизнь, о чем я так мечтал». Студентом он был неважным, все свободное время тратил на чтение и продумывание сюжетов рассказов. Зато настоящему его захватила практика. Чтобы получить диплом, нужно было принять известное количество родов, а это означало походы в трущобы Ламбета (один из бедных боро Лондона. – Прим. ред.), куда подчас не решалась заглядывать даже полиция. Здесь Моэм наконец узнает то, что так долго искал: жизнь в ее самом неприкрашенном виде. Тут формируется его мировоззрение писателя. Здесь он подвергает сомнению идею о целительности страдания, захватившую тогда умы многих писателей. Здесь берет начало будущая полемика с Достоевским. И здесь же в 1897 году родился первый роман писателя – «Лиза из Ламбета».

Дебют удался: роман был принят первым же издателем, книга получила хорошие отзывы и разошлась в течение месяца, после чего сразу же была переиздана. На волне эйфории Моэм решил, что так хорошо дела пойдут и дальше: он бросил медицину и отправился за новыми впечатлениями в Испанию. По возвращении его ожидало разочарование: Моэм писал рассказы, но не мог

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

их опубликовать, писал романы, но они не удавались. По собственной поздней оценке, почти все, что было им написано в первые десять лет после первого успеха, было упражнениями. Он учился писательству путем проб и ошибок, читал и анализировал, подражал Золя, Мопассану, Уайльд, искал вдохновения в путешествиях, среди богемы, хотя последнее по темпераменту и складу характера было ему весьма нелегко. Он экспериментировал, писал историческое, эстетическое, рассказы, романы, пьесы. Удача вновь улыбнулась Моэму в драматургии. В 1907 году в Придворном театре с успехом прошла «Леди Фредерик», спустя

Уильям Сомерсет Моэм. Начало 1890-х годов

несколько месяцев, в 1908 году, в «Водевилье» состоялась премьера фарса «Джек Стро», а затем в театре «Комеди тиэтр» – «Миссис Дот». В июне прошел спектакль по пьесе «Исследователь». Ирония была в том, что писатель не очень-то жаловал театр и пьесы начал писать лишь потому, что ему хорошо удавались диалоги. При этом он прекрасно понимал, что сцена не то место, где можно достичь художественной и философской глубины, и что театральная публика в среднем не особенно взыскательна, а порой и откровенно глупа. Растрачивать свой талант на лицедейство не хотелось, но и отказаться от того, что давала ему внезапно свалившаяся слава драматурга, Моэм был не в силах. В конце концов и здесь он оказался в хорошей компании, и тут ему было у кого поучиться: его вдохновляли Ибсен, Шоу, Чехов. Особенно Чехов.

ФЕНОМЕН ЧЕХОВА

Чехов был для Сомерсета Моэма настоящим феноменом. По мнению англичанина, этому русскому блестяще удавалось то, в чем все остальные терпели фиаско: пьесы настроения, рассказы, не насыщенные действием. Феномен еще заключался в том, что подражать Чехову, по наблюдениям Моэма, было совсем не трудно, но абсолютно бессмысленно. С формальной стороны все получалось, но идейно все у его последователей разваливалось. Дело, по мнению англичанина, было в том, что Чехов обладал тем, что никто не мог у него перенять: его отличала какая-то очень особая русскость. Очень многие пытались пересадить его исключительно «русскую тоску, русский мистицизм, русскую никчемность, русское отчаяние, русскую беспомощность, русское безволие на почву Суррея или Мичигана, Бруклина или Клепема». Но там, где Чехов достигал невероятных высот, другие издавали только какой-то пшик. Чехова, к слову, Моэм пытался читать на русском языке. А изу-

Уитстабл.
Церковь
Всех Святых.
1890-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка первого издания романа С. Моэма «Лиза из Ламбета». 1897 год

чение русского англичанин предпочел изучению древнегреческого и арабского, которыми он тоже очень интересовался. Впрочем, увлечение Россией не было чем-то характерным только для английского писателя с французской душой. Россия тогда была в моде. По меткому выражению самого Сомерсета Моэма, Европа заболела ею как гриппом. Он писал: «Все читали русских прозаиков, русские танцоры покорили цивилизованный мир, русские композиторы затронули душевные струны людей, начинающих уставать от Вагнера. <...> В моду входили новые фразы, новые цвета, новые эмоции, и высоколбые без малейшей запинки называли себя представителями *intelligentsia*. На английском слово это произносилось легко, хотя с правописанием возникали проблемы». Но заинтересованность Моэма Россией явно была сильнее, чем у других его современников, старавшихся не отстать от моды. Его первое знакомство с Россией случилось еще в детстве: мальчишкой он прочел «Анну Каренину», в юности читал Тургенева. Русская литература не была в том возрасте понята Моэмом, но оставила в душе неизъяснимое очарование. Позже настоящее потрясение англичанин испытал от романов Достоевского. А кто не испытывал? В Чехове же при всей его странности и неизъяснимости Моэм почувствовал поистине близкую душу. Еще в молодости Моэм мечтал побывать в России, но все как-то не складывалось. Театральный успех выстроил новую траекторию для художника почти на десятилетие. Успех требовал подчинения: став популярным драматургом, Сомерсет Моэм писал пьесу за пьесой и не мог остановиться. На этом поприще он получил все, в чем нуждался: материальную независимость, признание публики. Отказаться от этого было непросто. Но все же однажды он почувствовал себя жутко вымотанным. При всем внешнем благополучии писателя стали мучить воспоми-

Уильям Сомерсет Моэм. Начало 1920-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сцена из пьесы С. Моэма «Земля обетованная» в Театре герцога Йоркского на обложке английского театрального журнала *The Play Pictorial*. 1914 год

нения о печальной юности и тяготах ранней молодости. И вот однажды он отказался от всех контрактов, чтобы вновь вернуться к прозе. Работал тяжело, брался то за одно, то за другое, разочаровывался, наконец написал роман «Бремя страстей человеческих» и... понял, что устал еще больше. И немудрено. «Я сильно устал, – вспоминал Моэм. – Устал не только от лю-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дей и мыслей, так долго занимавших мой ум, но и от тех людей, среди которых жил, и от самой жизни, которую вел. Я чувствовал, что взял все возможное от того мирка, в котором вращался: успех у зрителей и безбедное существование как результат этого успеха; светскую жизнь, званые обеды у важных персон, блестящие балы и воскресные сборища в их загородных резиденциях; общение с умными и блестящими людьми – писателями, художниками, актерами; легкие связи и необременительную дружбу; комфорт и обеспеченность. Я задыхался в этой жизни и жаждал новой обстановки и новых впечатлений. <...> В то время многие интересовались Россией, и я носился с мыслью отправиться туда на год, изучить язык, который я уже немножко знал, и проникнуться настроением этой необъятной и таинственной страны. Я думал, что там, возможно, почерпну новые душевные силы». Моэму было 40 лет. Шел 1914 год. Мир как будто тоже устал, выдохся и силится выйти из кризиса через какое-нибудь безрассудство: через войну, революции. Мятёжного англичанина это безумие мира не только не отталкивало, но и отчаянно влекло, он хотел в гущу событий – туда, где завязываются и развязываются все узлы, где кипят страсти. Писатель отправился на войну. Добился зачисления переводчиком в санитарную часть во Франции. Но вскоре заскучал и там. Тогда он завербовался разведчиком в Ми-5. Весьма нетривиальный выбор, но, как позже объяснял Моэм, «новая работа давала пищу и любви к романтике, и чувству юмора». Чувству юмора! Да, надо быть очень оригинальным человеком, чтобы находить смешной работу шпионом. Впрочем, ирония заключалась еще и в том, что реальный опыт работы секретным агентом напоминал дешевые детективные романы. И если поначалу Моэм еще надеялся использовать свой опыт как ма-

териал для новых произведений, то очень быстро стало понятно, что все это старо, избито и просто скучно. Впрочем, писатель все равно вывернулся и позже все пустил в дело.

Главный подарок, который преподнесла ему работа агентом, это долгожданная поездка в Россию. Моэма отправили в Петроград с важной миссией: ни много ни мало он должен был внести вклад в борьбу с большевиками. Великобритания была заинтересована в том, чтобы Россия ни в коем случае не выходила из войны. Все это, в общем, не вступало в противоречие со взглядами и принципами автора «Бремени страстей человеческих». Но, главное, он отправлялся в страну Толстого, Достоевского и Чехова.

РАЗДЕЛЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ И ЯИЧНИЦЕЙ

В Россию он прибыл из США в качестве журналиста. В Петроград 10 дней добирался из Владивостока – уже приключение. Российская столица оказалась не особенно гостеприимной: разруха, голод, отчаяние. Но Моэма это не пугает, писатель жадно всматривается, вникает во все. И все его поражает.

А больше всего поражают люди. «Толпа производит впечатление добродушной, покладистой, – писал он, – не могу представить, чтобы она была способна наподобие пылких парижан вмиг перейти к бесчинствам и насилию; также не могу поверить, чтобы они вели себя, как толпа во время Французской революции. Кажется, что для этих мирных людей, которым хочется развлечься и покурлесить, житейские события – не более чем приятная тема для разговора». Поражают писателя и сами лица. Особенно на Невском проспекте, где будто бы разворачивается галерея всех типов, которые только встречались в русской литературе: «Тут встретишь губастого, толстомордого торговца с окладистой бородой, плотоядного, громогласного, грубого; бледного мечтателя с вваливши-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мися щеками и землистым цветом лица; коренастую простолюдинку с лицом, начисто лишенным выражения».

Однако Моэм преодолел тысячи километров вовсе не за тем, чтобы смотреть на людскую толчею, он стремится попасть в круг самых влиятельных людей. И нет, не только чтоб хорошо выполнить свою политическую задачу. Писатель понимает, что по-

Дж. Келли.
Портрет
Александры
(Саши)
Кропоткиной.
1922 год

литика в России неотделима от литературы и философии – он хочет быть к этому хоть немного причастным, хочет понять этот странный мир.

В нужные круги писателя должны были ввести лидеры Союза чехословацких обществ и будущий президент Чехословакии профессор Масарик, находившиеся в тесном контакте с британской разведкой. Но куда большую помощь Моэму оказала дочь князя Петра Кропоткина, Александра Лебедева, с которой у писателя случился роман еще в Лондоне. Она свела его с высшим руководством Временного правительства, в том числе с Александром Керенским и Борисом Савинковым. Обо всех Моэм оставил воспоминания. Дочь знаменитого русского анархиста и вовсе стала прототипом героини новеллы «Любовь и русская литература». Образ получился карикатурным и все же удивительно обаятельным. И, разумеется, вовсе не потому, что художник сравнивал глаза возлюбленной с бескрайними русскими степями и серебристыми березовыми рощами. Русский характер Моэм талантливо раскрыл через абсурд и пародию. Посудите сами: англичанин берет богатый материал и вяжет из него банальную мелодраму, над которой сам же в голос хохочет. Сюжет: есть он и она, они любят друг друга, но она замужем, и муж – хороший человек, его безумно жалко. Ну скулы сводит от скуки. Но там, где у других унылая драма, буксующее действие, неинтересные метания, у Моэма – неожиданный поворот.

Описывая возможную развязку, героиня, трогательно вздыхая, довольно буднично заявляет, что мужу, видимо, придется застрелиться: нельзя же в самом деле допустить ее участия в вульгарном бракоразводном процессе. А что герой? Он, конечно, восклицает, что это кошмар, но при этом его охватывает восторг. Как, впрочем, если быть откровенными, и читателя. А какова развязка! Влюбленные ругаются и навеки прощаются

А. Ф. Керенский
за письменным
столом
в кабинете
Николая II.
Август 1917 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

из-за... яичницы. Ах нет, конечно, не просто из-за яичницы. А из-за того, что герой, нагружая поваров приготовлением глазуньи, не сочувствует пролетариату. И вообще, как же революция 1905 года! Блеск!

А вот Керенского Моэм иронией не удостаивает, изображает очень сухо и критически. Впрочем, едва ли иностранца можно упрекнуть в особой язвительности. Председатель Временного правительства раздражал и откровенно злил и многих своих соотечественников. Моэм же писал так: «Я так и не уразумел, благодаря каким свойствам он молниеносно вознесся на такую невероятную высоту. Разговор его не свидетельствовал не только о большой просвещенности, но и об обычной образованности. Я не почувствовал в нем особого обаяния. Не исходило от него и ощущения особой интеллектуальной или физической мощи». А в самые роковые минуты, по свидетельству писателя, Керенский и вовсе «носился взад и вперед как перепуганная курица».

К одним из самых удивительных, самых невероятных людей Моэм относит Бориса Савинкова. В очерке «Террорист: Борис Савинков», опубликованном в 1943 году, Моэм пишет, что тот «мог легко стать человеком с огромной властью в России», и, случись так, никто бы не вспомнил тогда в мире о Ленине, имя его было бы предано забвению. В Савинкове англичанин видел противоположность Керенскому – подкупали его решительность и хладнокровие. Когда Моэм заметил в присутствии Савинкова, что «террористический акт должно быть, требует особого мужества», тот спокойно ответил, что это «такое же дело, как всякое другое, к нему тоже привыкаешь». Также, по воспоминаниям Моэма, Савинков говорил о готовности лично поставить Ленина к стенке и расстрелять. Иногда кажется, что Моэм восхищается Савинковым, не столько как исторической фигурой, сколько как героем еще не на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генерал
Л.Г. Корнилов
и управляющий
Военным
министерством
Б.В. Савинков
покидают
Зимний
дворец после
совещания

писанного великого русского романа. Интересно, что бы мог сказать Моэм о Савинкове-литераторе? Не разочаровался бы он его рефлексирующими персонажами, как многие современники террориста? А может, наоборот, ему открылись бы в этом противоречии те русские бездны, в пучину которых погружал растерянного европейского читателя Достоевский? Скорее, все же второе.

А вот уезжал из России Моэм разочарованный. Миссия его была провалена, и его это удручало. «Бесконечные разговоры там, где требовалось действовать; колебания; апатия, ведущая прямым путем к катастрофе; напыщенные декларации, неискренность и вялость» – вот что помешало, по мнению Моэма, успеху операции. Эти наблюдения многим кажутся несправедливыми, слишком жестокими. Можно упрекнуть англичанина и в том, что, обвинив в вялости и апатии одних, он будто совсем не увидел, с какой непоколебимостью действовали другие, и как эти другие управляли мощной народной стихией, и к чему эта непоколебимость в итоге привела. Но стоит ли, право? Моэма и без того часто порицали за цинизм и черствость. Хотя он всего лишь честно писал о своих впечатлениях.

ДОСТОЕВСКИЙ КАК НЕОБУЗДАННАЯ СТИХИЯ

Как бы то ни было, Россия, русская литература оставили глубокий след в душе писателя. Он нередко возвращался мыслями и душой в этот загадочный мир. Особенно много полемизировал с Достоевским. Моэм считал автора «Братьев Карамазовых» величайшим писателем, «который, точно необузданная стихия, поражает, восхищает, ужасает и ошеломляет» и при этом отчаянно спорил с ним. Спорил на страницах «Записных книжек», спорил в труде «Подводя итоги», в литературных очерках. Сомерсет Моэм защищает Достоевского от многих нападок критиков в том, что касается мастерства, формы, художественности романов русского гения, но идейно он не с ним. И главное, в чем различны писатели, – это отношение к страданию. Культ страдания не вызывал у англичанина ничего, кроме ужаса. «В свое время я видел немало страданий, – вспоминал Моэм, – немало перестрадал и сам. Когда я учился медицине, проходя практику в палатах больницы Святого Фомы, у меня была возможность видеть, как влияет страдание на самых разных пациентов. Во время войны мне вновь выпал подобный опыт, довелось мне видеть, и какое

воздействие оказывают душевные страдания. Заглядывал я и себе в душу. Не помню случая, чтобы страдание сделало человека лучше».

Не понимает Моэм и многих образов, созданных Достоевским. Персонажи «Идиота» и «Братьев Карамазовых» кажутся ему ненастоящими: они слишком пылко выражают чувства, которые совсем того не заслуживают, слишком усердствуют, чтобы убедить всех в своей греховности, слишком этой греховностью упиваются. Впрочем, Моэм оговаривается, что так же бурно проявляют себя в России не только литературные герои. Русские для Моэма слишком свободны, гораздо свободнее, чем англичане. И непонятно, чего в этом наблюдении больше: восхищения, недоумения или ужаса.

Впрочем, один образ, созданный Достоевским, по-настоящему очаровал даже чопорного англичанина. Это образ Алеши Карамазова. Более того, Моэм и сам пытался изобразить такого же светлого, положительно-прекрасного человека. Это Ларри Даррел из написанного в 1944 году романа «Остриё бритвы». Роман этот, к слову, интересен всем, кроме главного героя. Особенно женскими типажам, которые очень напоминают, как это ни парадоксально, героинь Федора Михайловича. Парадок-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сально, потому что женщин Достоевского Моэм ругал больше всего. И за то, что они все одинаковые, и за то, что они слишком картонные. Но до чего же его Изабель Брэдли и Софи Макдональд похожи на Аглаю Ивановну и Настасью Филипповну, Катерину Ивановну и Грушеньку! Только у Моэма столкновение женских типов превращается совсем уж в фарс. Автор сам же над своими персонажами и издевается. Быть может, тоже в пику Достоевскому. Интересно и то, как Моэм почти с тех же позиций, что и Достоевский, критикует Тургенева. Тур-

Дж. Келли.
Портрет
С. Моэма.
1933 год

генов для Моэма точно так же, как и для Достоевского, чрезмерно эстетичен и туманен, у него слишком много жеманства, в этом есть и своеобразное очарование, но в большей степени это довольно скучно. «Чтение Тургенева успокаивает, – пишет Моэм. – Его книги не так распалют любопытство, чтобы заглядывать в конец, с ними расстаешься без сожаления. Читая Тургенева, словно путешествуешь по реке – спокойно, неспешно, без приключений и волнений. <...> В каждой его книге встречаешь одну и ту же молодую девушку, серьезную, благородную и волевою, ту же бесцветную мамашу, того же речистого, неспособного к действию героя; второстепенные персонажи у него так же расплывчаты и невыразительны». И чтобы все-таки хоть как-то похвалить писателя, Моэм заключает, что в Тургеневе все же есть «элегантность и своеобразие», «обаяние, изящество, лиризм». Это, конечно, не карикатура кисти Достоевского, но все же очень похоже. Помните, в «Бесах»: «Неприменно кругом растет дрок (неприменно дрок или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться в ботанике). При этом на небе неприменно какой-то фиолетовый оттенок, которого, конечно, никто никогда не примечал из смертных... русалка запищала в кустах... за клубился туман... Две с половиною страницы переправы... льдинка с горошинку... в этой льдинке отразилась Германия... зарыдали и расстались навеки». Ну да, это оно и есть: «обаяние, изящество, лиризм». Все-таки Достоевский повлиял на англичанина куда сильнее, чем тому хотелось думать.

И точно так же повлияла на писателя и Россия – странная, пугающая, удивительная. Он хотел постичь ее как математику, разобраться и беспристрастно, трезво описать. Но из исследователя он как будто сам превратился в материал. Материал, в который Россия вложила какое-то очень важное послание миру. ❶

Рекламный
плакат фильма
«Остриё бритвы»
1946 года
(режиссер
Эдмунд Гулдинг).
Первая
экранизация
одноименного
произведения
С. Моэма

З.Н. Гиппиус.
Москва.
1904 год

«**Н** ИКАКОГО СТРА-
ха у меня перед
своей смертью.
Только пред-
смертной муки еще боюсь не-
много. Или много? Но ведь
через нее никогда не пере-
скочишь, теперь или после.
А именно теперь хочется покоя.
Иногда почти галлюцинация:
точно уже *оттуда* смотрю, *от-
туда* говорю. Все чужие грехи
делаются легки-легки, и стран-
но выясняются, тяжелеют, свои.
Вот это главное, вот эта переме-
на. Ужасно яркая, но не вырази-
мая». Это запись в «Коричневой
тетради» – дневнике, который
Зинаида Гиппиус вела в 1921–
1925 годах. Даже не верится,
что строки эти могла написать
женщина, ставшая в Петербу-
рге притчей во языцех. Та самая,
которая на Религиозно-фило-
софских собраниях пугала пе-
тербургских священников то
провокационными нарядами,
то желанием отведать жаркое
из младенцев...

«Я РАНЕНА СМЕРТЬЮ И ЛЮБОВЬЮ»

Кажется, странной она была
с детства. Серьезная, вдумчи-
вая, очень домашняя девочка
очень рано стала задумывать-
ся о жизни, о любви и смерти –
главных вопросах человеческо-
го бытия. «Я ранена смертью и
любовью», – писала она позже.
Маленькая Зина была почти бо-
лезненно привязана к родите-
лям. Ее отец, Николай Романо-
вич Гиппиус, потомок обрусев-
ших немцев, служил юристом
в Туле. Там он познакомился
с дочерью екатеринбургского
обер-полицейстера Анастаси-
ей Васильевной Степановой.
Сам обер-полицейстер был
выходцем из низов, образова-
ния не получил, заботился об
образовании детей. Его жена
«до смерти ходила в платочке,
не умела читать и никогда даже
с нами не обедала», – воспомина-
ла Зинаида Николаевна.
Зина, родившаяся 8 (20) ноя-
бря 1869 года в Белёве, была
старшей из четырех сестер. Про
отца вспоминала: «Я его так лю-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОЛНА ТОСКИ ДУША...

АВТОР

АННА ГАМАЛОВА

САТАНЕССА, БЕЛАЯ ДЬЯВОЛИЦА,
ДЕКАДЕНТСКАЯ МАДОННА. ТА САМАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ
ДУША, ГДЕ, ПО ДОСТОЕВСКОМУ, ВЕЧНО БЬЮТСЯ БОГ
И ДЬЯВОЛ. ЖЕНЩИНА, ПИШУЩАЯ СТИХИ ОТ ЛИЦА
МУЖЧИНЫ. ЗЛОЙ КРИТИК В НЕЖНОМ БЕЛОМ ПЛАТЬЕ.
ЗИНАИДА ГИППИУС.

била, что иногда, глядя на его высокую фигуру, на него в короткой лисьей шубке, прислонившегося спиной к печке, думала: «А вдруг он умрет? Тогда я тоже умру». Отец много писал и переводил, но не публиковался. Семья все время была в разъездах: отец работал то в Туле, то в Саратове, по дороге заезжали в Петербург и Москву; в Петербурге Николай Романович дважды пытался осесть, там были хорошие карьерные перспективы. Но в петербургском климате он начинал болеть, развивался туберкулез.

В 7 лет Зина написала первые стихи:

*Давно печали я не знаю,
И слез давно уже не лью.
Я никому не помогаю,
Да никого и не люблю.*

*Людей любить – сам будешь в горе.
Всех не утетишь все равно.
Мир – не бездонное ли море?
О мире я забыл давно.*

Здесь уже почти взрослый поэт с беспощадным отношением к себе, со взрослым цинизмом скрывающий боль от того, что в мире слишком много боли. Здесь уже есть даже присущая Гиппиус манера писать от первого лица в мужском роде – она однажды обмолвилась, что, когда пишет стихи, чувствует себя мужчиной.

Литературный секретарь и душеприказчик Гиппиус Владимир Злобин в своих воспоминаниях о ней находит множество сходств, вплоть до одинаковых строчек, в детских стихах Гиппиус и стихах Лермонтова, который был ей особенно близок. Даже отношение к миру, констатирует он, то же: «обипженно-презрительное, как у лермонтовского Демона». Сама Гиппиус писала, что окружающим ее стихи казались «испорченностью», но она не была «испорченной», а была очень религиозной. Эта религиозность сохранилась в ней до последних дней; самые заветные строчки писем Гиппиус друзьям посвящены размышлениям о Боге.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Из-за частых переездов семьи Зина училась урывками. Когда из-за болезни отца Гиппиусам пришлось переехать в Нежин,

Зинаида Гиппиус
в детстве

Боржоми.
Старый дворец
над рекой Курой.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

девочку отправили в Киевский институт благородных девиц. Там она провела полгода, но из-за постоянных болезней семья забрала ее домой. Дальше с девочкой занимались приходящие учителя из Гоголевского лицея. Нежин – гоголевский город, классик когда-то учился в здешней гимназии. Николай Гиппиус добивался установки в Нежине памятника Гоголю.

Когда Зине было 11 лет, отец, которому не исполнилось еще и 35, умер от туберкулеза. Анастасия Васильевна осталась одна с четырьмя девочками на руках и решила перебраться со всем семейством в Москву. Здесь Зину отдали в дорогую гимназию Фишер. Она училась хорошо, любила литературу, зачитывалась Достоевским. Через три года у Зины обнаружили туберкулез, так что мать решила перевезти семью в Крым. Здесь они снимали дачу у генерала Драшусова недалеко от Ялты. Именно генерал одним из первых заметил незаурядное литературное дарование старшей дочери квартирантов.

За год, проведенный в Крыму, Зина поправила здоровье, но основательно запустила учебу: занималась только тем, что интересно, «а к другому до странности была тупа».

Когда Зине было 16, брат матери, Александр Степанов, позвал семью Гиппиусов к себе в Грузию. Он снял для родных большую дачу в Боржоми, и там после скучной крымской жизни для девушки наступило время радостей: танцев, верховой езды, поэтических состязаний, первых влюбленностей. Она легко собирает вокруг себя компанию сверстников, но при этом остается серьезной, углубленной в себя, много читает и пишет.

Летом 1887 года дядя внезапно умер, оставив без средств к существованию и свою семью, и семью сестры. И снова горе, снова безденежье. Некоторое время Гиппиусы оставались в Тифлисе. Затем мать и вдова дяди с детьми отправились в

З.Н. Гиппиус. Новые люди.
Обложка первой книги рассказов
(С.-Пб., 1896)

Боржоми, где сняли две недорогие дачи.

Именно в Боржоме Зина встретила молодого, но уже известного поэта Дмитрия Мережковского, который путешествовал по югу России. Сначала они не понравились друг другу. Но встречались каждый день и спорили, почти ссорились. Ей 19, ему 23. Эти встречи и притягивали Зину, и пугали. Однажды они ушли с танцевального вечера и всю июльскую ночь гуляли в парке у реки Боржомки. «Я не могу припомнить, как начался наш странный разговор, – вспоминала Гиппиус. – Самое странное – это, что он мне тогда не показался странным. Мне уже не раз делали, как говорится, «предложение», еще того чаще я слышала «объяснения в любви». Но тут не было ни «предложения», ни «объяснения». Мы, и, главное, оба, – вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся и что это будет хорошо».

Мережковский уехал в Петербург и вернулся в ноябре; привез согласие родителей на брак и «Северный вестник» с ее первой публикацией. Она, кажется, и не рада была: стихи казались ей несовершенными.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ТЯЖЕЛАЯ ДУША

Мережковский и Гиппиус обвенчались 8 января 1889 года. Венчание было скромным: невеста в темно-сером костюме и маленькой темно-серой шляпке, жених – в сюртуке и шинели с бобровым воротником. Гиппиус вспоминала, что «была не то в спокойствии, не то в оупении. Мне казалось, что это не очень серьезно». Потом она отправилась домой, он – в гости-

З.Н. Гиппиус.
Санкт-Петербург.
1897 год

Д.С. Мережковский.
1890-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нищу. Она легла спать; утром мама стала ее будить: «Ты еще спишь, а уж муж пришел! Вставай!» Новобрачная очень удивилась, что у нее теперь есть муж. Они переехали в Петербург. На жизнь зарабатывали литературным трудом. Договорились, что будут писать: она – прозу, а он – стихи. Но он скоро нарушил соглашение и взялся за большую прозу – «Юлиана Отступника». Она рассердилась. Но вскоре супруги помирились, договорившись о творческой свободе для каждого. Гиппиус вспоминала, что в этом союзе именно ей принадлежала роль создателя идей, которые Мережковский развивал в своем творчестве.

Основным кормильцем семьи на время стала Гиппиус, которая писала много журнальной прозы – такой, что и сама потом вспомнить ее не могла: «Романов этих я не помню, – даже заглавий, <...> Но мы оба радовались необходимому пополнению нашего «бюджета», и необходимая Д.С. свобода для «Юлиана» этим достигалась». Мережковский познакомил жену с редакциями журналов, ввел в литературные салоны. Сам он делал первые шаги в литературе рядом с народниками и под их влиянием: авторитетами для него были Плеб Успенский и Николай Михайловский. Но не только народники составляли ту литературную среду, где вращалась молодая чета. Они дружили с Яковом Полонским, бывали на литературных собраниях у Константина Случевского, общались с Аполлоном Майковым и Дмитрием Григоровичем. Однако их, скорее, тянуло к кругу поэта Николая Минского и редакции журнала «Северный вестник», который в эти годы стал первым органом русского декадентства.

Авторы журнала, которых мы сейчас знаем как «старших символистов», уже точно знали: искусство не может быть только материалистичным. Они устали от острой социальности русской литературы, будто забыв-

шей, что важнейшие запросы человеческой души – запросы метафизические. Метафизика – это и было то, о чем супругам Мережковским было интереснее всего думать, писать, говорить друг с другом. Литературная эпоха надсоновского бессильного надрыва сменяется метафизической тоской. Человек при любом социальном устройстве тоскует, ощущает себя пустым и ищет наполненности не в устройстве земских школ и больниц, а в поиске Бога и своего предназначения. Мир, где он обитает – уже не государство Россия, а вечность – а иногда и та самая «банька с пауками», о которой размышлял Свидригайлов. Внутренний мир лирического героя Гиппиус сродни внутреннему миру героев Достоевского: он остро чувствует свою нецельность, эгоистичность, порочность. Но в этом черпает и свою гордость. Ему и цинизм свойствен, и тоска по светлому и высокому. Этот герой сродни и лермонтовскому лирическому герою с его двойной, демонической и ангельской, природой. «Тяжелая душа» – этой цитатой из Гиппиус Владимир Злобин назвал свои мемуары о ней. Критики относились к творчеству молодой писательницы по-разному: одни увидели «второго сорта безобидные рассказы», другие – декадентское кривляние, демонизм и даже безумие.

«А ВЫ В ЧЕМ ДЕКАДЕНТСТВУЕТЕ?»

В молодости Гиппиус много болела. Постоянные простуды да еще и перенесенный возвратный тиф заставили беспокоиться о том, как бы туберкулез не вернулся. Поэтому в 1891 году Мережковские уехали в путешествие по Франции и Италии. В Венеции они встретились с Чеховым и Сувориным. Затем направились в Неаполь и на Капри, оттуда – в Париж. Весной 1892 года после очередного бронхита Мережковский увозит жену в Ниццу, где они

Зинаида Гиппиус
и критик Аким
Вольнский.
Санкт-Петербург

Собор Святого
Марка. Венеция.
Начало XX века

познакомились с Дмитрием Философовым. Позднее он стал их постоянным спутником, собеседником, фактически членом семьи.

Вернувшись в Петербург, чета сняла квартиру в знаменитом доме Мурузи на Литейном проспекте. Здесь вскоре стал собираться литературный салон, сюда приходили художники-мирискусники Бакст, Бенуа, Сомов, поэты и писатели, в том числе Белый и Блок, бывали Дягилев, Розанов и многие другие. На этих вечерах царила Гиппиус – то одетая во все белое, то во все черное, с крестом на груди, с роскошной гривой рыжих во-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лос, с ожерельем на лбу. Андрей Белый вспоминал, что она могла быть очень разной: то густо напудренной «сатанессой», «комом вспученных красных волос», маленьким кривым личиком и лорнеткой, «в которую вставился зеленоватый глаз», то выглядела как «конфузливая гимназистка из дальней провинции, но много читавшая, думавшая где-то в дальнем углу». Александр Бенуа вспоминал «улыбку Джоконды» на устах «неустанно позировавшей и кривлявшейся» Гиппиус. Когда Бенуа с композитором-любителем Вальтером Нувелем появился в гостях у Мережковских, Гиппиус в белом платье возлегла у камина, пригласила их сделать то же самое и спросила: «А вы, господа студенты, в чем декадентствуете?»

Говорят, Мережковский смотрел на сердечные увлечения жены сквозь пальцы: их брак был заключен на небесах и в нем не было места земной чувственности. Гиппиус, как пишут современники, считала высшим воплощением любви поцелуй: в поцелуе любящие равны, записывала она в дневнике; в соитии уже берет верх кто-то один, как определено самой физиологией. Ее многочисленные романы объясняли то ее демонической природой, то декадентством, то бисексуальностью. Возможно, дело в том, что она чувствовала себя, как она сама писала, более сильной и умной, чем общество позволяло быть женщине: «В душе моей я больше чем мужчина, а в теле – больше чем женщина». Она и свои критические статьи подписывала мужскими псевдонимами, из которых самым известным был «Антон Крайний». Это был критик умный, жесткий и беспощадный. Еще одна запись Гиппиус в дневнике: «О, если б совсем победить эту возможность сладострастной грязи, ибо я ведь и при всей чувственности – не хочу определенной формы любви, той, смешной, про которую знаю. Я принадлежу себе. Я ничья и Божья».

НОВАЯ ЦЕРКОВЬ

Напряженные размышления о том, как жить, как сочетать любовь к Богу и любовь к человеку, привели молодых супругов и их друга Философова к осознанию, что нужна новая церковь, что нужно выработать «новое религиозное сознание». «Союз троих и их деятельность в создании «нового религиозного сознания» она называла Главным, – пишет исследовательница творчества Гиппиус Темира Пахмусс. – А цель Главного – «создание единой человеческой семьи в соборной Церкви как основание будущего Царства Божьего на земле». Тройственный союз Мережковских и Философова, который скоро переехал в дом Мурузи, стал прообразом этой будущей человеческой семьи.

Однако жизнь с Мережковскими Философову давалась нелегко, он не раз пытался разорвать отношения и уйти, но снова возвращался. В 1901 году Гиппиус, по-видимому, была в него влюблена, но не встретила взаимности: Философов в своих письмах открыто писал о своей гомосексуальности, а ей признавался в том, что физическая близость с ней для него отвратительна. Дальнейшие письма Гиппиус к Философову говорили уже о высокой, духовной любви. Этот странный союз троих в самом деле был скреплен духовным началом: они обменялись нательными крестами, они вместе вкушали хлеб и вино. В их домашней церкви существовали свои обряды, свои молитвы, тексты которых писал Мережковский. Гиппиус покупала ткани для облачений и вино для трапез. Такие домашние служения проводились около десяти лет; совместная жизнь с Философовым – более пятнадцати. Его она называла Димой, мужа – Дмитрием.

Со временем супруги поняли, что необходима общественная дискуссия о религии, диалог между церковью и интеллигенцией. С идеей о таком диалоге Мережковский вместе с Дмитрием Философовым и Василием

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дмитрий Философов, председатель совета Религиозно-философского общества. Санкт-Петербург. 1913 год

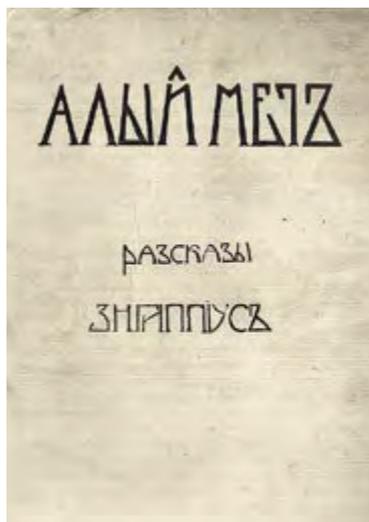
Розановым отправился к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Победоносцеву. Тот разрешил проводить Религиозно-философские собрания в зале Русского географического общества. Их вдохновителями стала чета Мережковских, посетителями – самые разные люди, от студентов до профессоров, от приходских батюшек до архиереев, от художников до государственных чиновников. Собрания проходили в 1901–1903 годах, пока не были закрыты по распоряжению того же Победоносцева. Причиной стало то, что со стороны интеллигенции все чаще звучала критика христи-

анства, а представители церкви считали, что она во многом обусловлена невежеством. Вместе с тем эти собрания стали, по выражению их участника Николая Бердяева, «оазисом свободы совести в уголке Петербурга», едва ли не единственным местом, где были возможны серьезные философские разговоры о вере и религии.

Гиппиус и здесь не могла не эпатажить собравшихся: то заказала себе черное платье на розовой подкладке, которая создавала впечатление голого тела, то за обедом сказала какому-то иерарху: мол, скучно, все время жареная телятина, подали бы хоть раз жареного младенца. Даже в старости она с удовольствием вспоминала об этих выходках.

ГДЕ ПРАВДА?

В поисках особой духовности Мережковские летом 1902 года поехали на озеро Светлояр, где, по легенде, затонул град Китеж и где он раз в году показывается ищущим его. У озера они разговаривали со староверами и с православными – и с изумлением обнаружили, что диалог возможен. Гиппиус записала: «Как будто иной мир какой-то, иная земля. Пришли тысячи народа, из дальних мест, пешком, только для того, чтобы говорить «о вере». Это для них серьезное, важное, – может быть, самое важное. Как надо верить? Где правда? Как молиться?» На обратном пути в Ярославле они встретили Иоанна Кронштадтского, который произвел на них впечатление человека, верующего «слепо, по-древнему, по-детскому, с детской подлинной святостью». Гиппиус писала, что людям, так верующим, их с Мережковским искания «непонятны, не нужны и кажутся проклятыми». В самом деле, Иоанн Кронштадтский называл Религиозно-философские собрания сектой, а издание «Новый путь», которое стали выпускать Мережковские, – «сатанинским журналом».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

З.Н. Гиппиус. Алый меч. Обложка четвертой книги рассказов [С.-Пб., 1907]

Еще одна важная встреча произошла в 1904 году, когда Гиппиус и Мережковский посетили в Ясной Поляне Льва Толстого, которого тремя годами ранее отлучили от церкви. Они много говорили о вере. Напоследок Толстой сказал: «Когда умирать буду, скажу Ему: в руки Твои предаю дух мой. Хочет Он – пусть воскресит меня, хочет – не воскресит, в волю Его отдамся, пусть Он сделает со мной, что хочет...» «После этих слов мы все замолчали и больше уже не спорили ни о чем», – вспоминала Гиппиус...

В их жизнь врывается политика: Русско-японская война, расстрел рабочей демонстрации 9 января – все это вызывает у Гиппиус возмущение. Они активно печатались, обсуждая новую политическую реальность, а когда революцию сменила реакция, уехали в Париж. Там опубликовали сборник статей «Царь и революция», осуждающий самодержавие. Они предвидят, к чему может привести существующее положение вещей: и статья Мережковского «Грядущий хам» звучит пророчеством, и Гиппиус в письме Философова пророчит «народный террор и кровь».

Они вернулись в 1908 году, когда у Мережковского умер отец. В Петербурге задержались ненадолго, уехали в Швейцарию, потом во Францию. А снова вернувшись в Россию, уже не выдержали ни климата, ни общественной атмосферы реакции – разболелись оба и уехали на Ривьеру. Именно в этот приезд они решили, что им нужна собственная квартира во Франции – пусть небольшая, пусть дешевая, но своя.

Их круг общения во Франции – философ Николай Бердяев, эсеры Борис Савинков и Илья Фондаминский. Савинков ищет в Мережковском союзника, тот пытается отвлечь его от идеи террора.

В 1910 году вышел в свет самый, наверное, популярный роман Гиппиус – «Чертюва кукла» – о юноше, лишенном души,

З.Н. Гиппиус.
Санкт-Петербург.
1913 год

Как мы воинам писали и что они нам отвечали. Титульный лист. В 1915 году Гиппиус создала сборник стилизованных стихов-писем на фронт, написанных от лица простых русских женщин

настоящей игрушке, которой играет черт. Пустая, не умеющая любить душа едва ли не центральный герой прозы этого времени. И во всем этом – даже не запах серы, не роскошная мифистифельская чертовщина, а невыносимая тошная скука, холодный ад. Она и в себе видела эту пустоту, эти провалы в тоску, в боль небытия. Отсюда ее «ласковая кобра» – стихотворение, написанное от имени боли, отсюда «лед» и «холод» в ее письмах Философова.

В общении с людьми Гиппиус надменна и холодна. Их обижает, когда она внимательно разглядывает их в лорнет. Есенина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

З.Н. Гиппиус.
Обложка романа
«Чертюва кукла»
(М., 1911)

она спросила, увидав его в валенках: «Что это у вас за гетры?» Есенин не простил и посвятил ей уже после революции короткую, но свирепую статью. Она будто защищает себя, свою больную, тяжелую и уязвимую душу экстравагантными платьями, эксцентричным поведением, толстым слоем пудры, кулонами на лбу. К ней, «декадентской мадонне», едут знакомиться поэты и писатели: она резка в суждениях, она может обидеть, но именно здесь, у Мережковских дома, живет и дышит литература. Гиппиус и Мережковский в 1910-х годах уже не выскочки-декаденты, а мэтры, не отчаянно-храбрые безумцы, изумляющие читателей своими непривычными стихами, а часть литературного истеблишмента.

Первую мировую войну Гиппиус восприняла как всемирную трагедию. Раздражение и ненависть иногда превращают стихи едва ли не в публицистику. А публицистика перемежается молитвами и страстными размышлениями о Боге, в которых надежду сменяет отчаяние. Она делает доклад в Религиозно-философском обществе, где говорит, что война – это «снижение общечело-

веческого уровня». Она видит, что все кончится плохо, и ни до кого не может докричаться: «А в России зовут «пораженцем» того, кто во время войны смеет говорить о чем-либо, кроме «полной победы». И такой «пораженец» равен – «изменнику» родины. Да каким голосом, какой рупор нужен, чтобы кричать: война ВСЕ РАВНО так в России не кончится! Все равно – будет крах! Будет!»

Февральскую революцию Мережковские искренне приветствовали. С глубоким уважением относились к Керенскому. В Религиозно-философском обществе обсуждали записку для подачи во Временное правительство – об отделении церкви от государства.

В ночь на 25 октября 1917 года Гиппиус и Мережковский стояли на балконе и смотрели в небо, залитое заревом от залпов по Зимнему. Днем вышли в город: «Как скользко, студено, черно... Подушка навалилась – на город? На Россию? Хуже...» Она фиксирует в дневниках, как город захватывает волна грабежей, как идут аресты среди знакомых, закрываются издания. Знакомые разделились: за большевиков и против. Особенно больно ей читать поэму Блока «Двенадцать», она искренне желает ему уплотнения квартиры – чтобы всех двенадцать к нему вселили! Но когда встречается с ним в трамвае и он спрашивает: «Неужели вы мне не подадите руки? – отвечает: «Как человеку – да. Как Блоку – нет». Она видит, что страны больше нет. Ее дневник первых лет советской власти – яростные, полные ненависти «Черные тетради»: «Рабство вернулось к нам – только в страшном, извращенном виде и в маске террора. Не оставить ли белую страницу в книге? Но ведь я забуду. Ведь я не знаю, скоро ли вернется свобода... хотя бы для домашнего употребления. Ну что ж. Проглотим этот позор! Оставим белую страницу».

Они какое-то время пытались выживать. Брали у Горького ро-

З.Н. Гиппиус.
Париж. 1940 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

маны на перевод. Размышляли о том, как сбежать: разрешения на выезд за границу для лечения им не дали. Уж не перейти ли по льду Финский залив? Поняли, что сил не хватит. В конце концов Мережковскому предложили читать красноармейцам лекции о декабристах, выезд на юг для этой цели разрешили всем троим, включая Философова. Вместе с ними поехал и Владимир Злобин, тогда еще студент. Они доехали до белорусского Жлобина, вышли там, договорились с контрабанди-

стами – и два дня ехали в санях среди снегов, пока впереди не появились польские солдаты. В октябре 1920 года Мережковские простились с Дмитрием Философовым навсегда и покинули Варшаву. Решение Философова расстаться они восприняли как предательство. Супруги уехали в Париж, где их ждала своя квартира.

В Париже они начали восстанавливать прежние дружеские связи с эмигрантами, среди которых было немало литераторов: Бунин, Куприн, Тэффи, Алданов, Шмелев, Зайцев... Мережковский читал лекции, Гиппиус публиковалась в эмигрантских изданиях.

Время для нее, кажется, остановилось на Серебряном веке: она так и осталась экстравагантно одетой во все оттенки розового, сильно напудренной дамой с копной красно-рыжих, крашенных хной волос, с лорнетом и тонкой папироской, с зелеными «русалочьими» глазами.

Д.В. Философов,
Д.С. Мережковский,
З.Н. Гиппиус,
В.А. Злобин.
Конец 1919 –
начало 1920 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОД ЗЕЛЕННОЙ ЛАМПОЙ

В 1927 году у Мережковских стали собираться литераторы: Алданов, Бунин, Бердяев, Тэффи, Шестов, Ходасевич, Берберова... «Но постоянный кадр «воскресений» составляло «младшее поколение», – писал поэт и прозаик Юрий Терапиано. Младшее поколение – это Георгий Адамович и Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Николай Оцуп и многие другие. Гиппиус всегда расспрашивала новых людей об их взглядах на литературу и жизнь. Иногда сама что-то рассказывала о Розанове, Сологубе, Блоке, Андрее Белом. Молодежь очень любила слушать такие рассказы, пишет Терапиано. Потом появилось литературное общество «Зеленая лампа», названное в память об обществе, членом которого был Пушкин. В «Зеленой лампе» читали доклады, обсуждали их; шли бурные споры, отчеты о заседаниях печатались в эмигрантской газете «Новый корабль».

Нина Берберова в книге «Курсив мой» вспоминает о Гиппиус так: «Она несомненно искусственно выработала в себе две внешние черты: спокойствие и женственность. Внутри она не была спокойна. И она не была женщиной». И еще одно безжалостное наблюдение: «В Гиппиус сейчас мне видна все та же невозможность эволюции, какая видна была в ее современниках, то же окаменение, глухота к динамике своего времени, непрерывный культ собственной молодости, которая становилась зенитом жизни, что и неестественно, и печально и говорит об омертвлении человека». В 1928 году Мережковские приняли участие в Первом съезде

русских писателей-эмигрантов, который созвал в Белграде король Югославии Александр I Карагеоргиевич. Король награждал обоих Мережковских орденом Святого Саввы: его – первой степени, ее – второй. Вторая степень несколько обидела Гиппиус, однако она очень ценила эту награду. Потом они несколько лет провели в Италии по приглашению Муссолини. Знакомство с сильными мира сего было для них важно, но не потому, что они любили славу и награды. Они пытались доказать европейским странам, что коммунизм – мировая опасность, что борьба с ним – священная миссия европейских стран.

В 1938 году Мережковский и Гиппиус однозначно осудили «Мюнхенский стовор», в 1939-м Гиппиус назвала пакт Молотова – Риббентропа «пожаром в сумасшедшем доме». «Положа руку на сердце, утверждаю, что Мережковский до своего последнего дня оставался лютым врагом Гитлера, ненависть и презирая его

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.С. Шмелев,
И.А. Бунин,
З.Н. Гиппиус,
Д.С. Мережковский,
Б.К. Зайцев.
Париж. 1936 год

по-прежнему, – вспоминала Ирина Одоевцева. – В спорах с Георгием Ивановым, считавшим, как и Черчилль, что «хоть с чертом, но против большевиков», Мережковский называл Гитлера «маленьким, воняющий ножным потом». Но когда Германия напала на СССР, Мережковский произнес по немецкому радио речь «Большевизм и человечество», где сказал, что Германия взяла на себя подвиг «в святом Крестовом походе против большевизма». Когда Гиппиус узнала об этом выступлении, она сказала только: «Это конец». От них все отвернулись. Дмитрий Сергеевич Мережковский скончался 7 декабря 1941 года. Зинаида Николаевна после его смерти сказала: «Я умерла, осталось умереть только телу». Владимир Злобин записывал: «Ей 72 года, но она еще очень моложава и элегантна в своем черном платье. Она по-прежнему посвящает много времени своему туалету, выходит, принимает и мало-помалу начинает работать. Ей надо написать книгу о Д.С., ибо только она одна знает и помнит о нем все. И она спешит, так как чувствует, что проживет недолго. Пишет она и стихи – длиннейшую поэму «Последний круг», которую без конца переделывает». Поэма – о том, как Данте спускается в ад и ведет там долгие разговоры с Тенью – кажется, душой самой Гиппиус.

В последние годы жизни она слепла, глохла и часто повторяла беспомощно: «Я ничего не понимаю». Она дожила до победы во Второй мировой и умерла 9 сентября 1945 года. Тэффи писала: «Ей покорно сложили тихие руки, причесали обычной ее прической, чуть-чуть подкрасили щеки. Все как прежде. Но лоб ее, где когда-то красовалась декадентская повязка с брошкой, смиренно и мудро обвивал белый венчик с последней земной молитвой».

Неугомонная, страстная, обремененная тяжелой тоской, плененная вечной надеждой душа – обрела ли она там покой, встретила ли тех, кто лобит, нашла ли свою землю обетованную? ☞

Могила
З.Н. Гиппиус
и Д.С. Мережковского на
кладбище
Сен-Женевьев-де-Буа в Париже

Илья Муромец.
Художник Михаил Шемаров

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

БОЯН СОВЕТСКОЙ РУСИ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

НА КНИЖНЫХ ПОЛКАХ В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ НЕКОТОРЫЕ ИЗДАНИЯ РАДИ КРАСОТЫ ОБЛОЖЕК СТОЯЛИ НЕ В РЯДАХ, А ЛИЦОМ К СМОТРЯЩЕМУ. МНЕ ОСОБЕННО НРАВИЛАСЬ БЛЕСТЯЩАЯ ОБЛОЖКА КНИГИ «РУСЬ БОГАТЫРСКАЯ» ВАСИЛИЯ СТАРОСТИНА: НА ТЕМНОМ ФОНЕ В ПАЛЕХСКОЙ МАНЕРЕ ИЗОБРАЖЕНЫ ТРИ БОГАТЫРЯ В ОКРУЖЕНИИ ГОР, ГОРОДОВ И ЦЕРКВЕЙ. И КАРТИНКИ В КНИГЕ БЫЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ. И ИЗДАНА ОНА БЫЛА НА НЕОБЫКНОВЕННО БЕЛОЙ И ПЛОТНОЙ БУМАГЕ.

ПРАВДА, ПРИЗНАЮСЬ, мне, школьнику, было скучно читать эту книгу. К тому же недоумение вызывал вопрос: как это, былины, а сочинены в наши дни каким-то Старостиным? Ведь все былины сочинил веший Боян в давние времена. А в наши дни не бывает ни былин, ни сказок, ни чудес. О Бояне, жившем тысячу лет назад, знает каждый. А наш современник Старостин, талантливый и своеобразный писатель и мыслитель, незаслуженно забыт. Ныне он должен занять по праву принадлежащее ему место рядом с писателями-народниками Павлом Бажовым, Степаном Писаховым, Ефимом Честняковым и Борисом Шергиным. Вместе с именем Ефима Честнякова имя Василия Старостина должно стать культурным символом Костромской земли.

РОДНОЕ КЛЮЖИНО

Как и Честняков, Старостин родился в крестьянской среде. Он появился на свет 10 апреля 1910 года в деревне Ключино Котельничского уезда Вятской губернии. Ныне Ключина не существует, а в начале XX века это было селение в 39 дворов, где еще сохранялись народные обряды, обычаи, поверья, песни и сказки.

Его родители – Адриан Игнатьевич и Евдокия Мамонтовна – были незаурядными людьми. Об отце Старостин вспоминал: «Отец мой, тятя, был с виду суров, взглядом строг, а в речи вот любил усмешку, живинку и потешку. Летом он – пахарь, зимой – портной: ходил по деревням портяжить, ездил портяжить ради заработка». А мать была замечательной сказительницей. У нее Василий учился русской речи, русскому стиху и вятскому выговору. Выросши, Старостин писал: «Когда я хочу пересказать сказку, я вспоминаю материны былички, мамини рассказенки».

В семье было пятеро детей: Ефим, Михаил, Николай, Анна

и младший Василий. Старшие братья участвовали в Гражданской войне на стороне красных. Покинув Ключино, они уже не вернулись на родину, их раскидало по всей России.

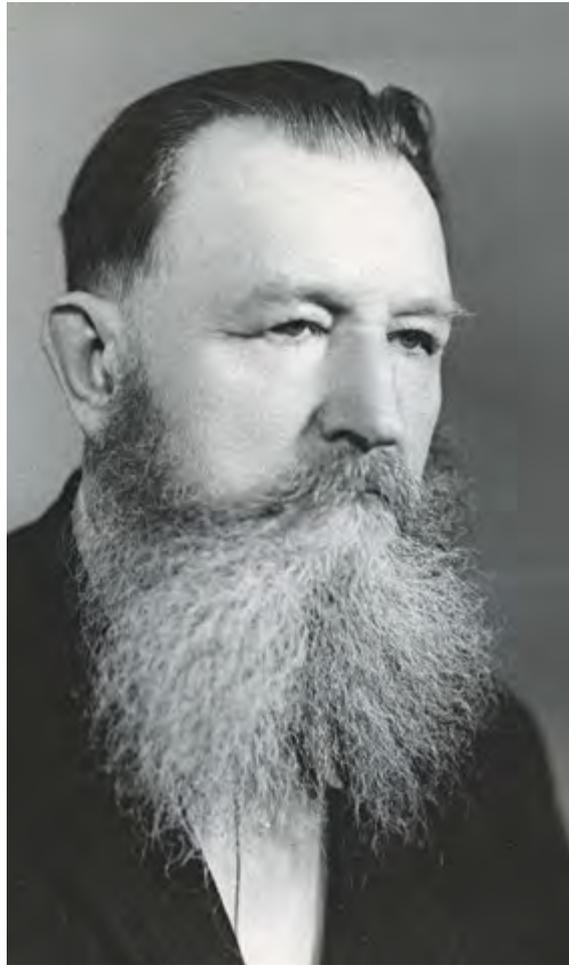
Детство Старостина пришлось на голодную и холодную пору: «В Гражданскую войну хлеб у нас еще был, хоть и в ту невеликую меру, чтоб не до жиру, а быть бы живу. А соли не было. А спичек не было. А керосину не было». При самодельной коптилке, выдолбленной из картофелины и залитой льняным маслом, или при свете из печного поддувала маленький Вася читал книги.

Жители Ключина уже не помнили былины. Первое знакомство мальчика с древнерусскими преданиями свершилось через книгу, которую дала школьная учительница.

Васе понравился богатырь Вольга Святославич, знавший много тайностей-мудростей, умевший оборачиваться соколом, щукой и волком. А вот мужчину-деревенщину Микулу Селяниновича мальчик не принял за богатыря: «Ну что за богатырство – землю пахать?»

С семилетнего возраста отец приучал Васю к крестьянскому труду: мальчик должен был боронить поле. Но упрямая лошаденка Воронко не слушалась мальчика, и работа не спорилась. Мать упрекала: «Вот мальчишки у соседей – все работают, как взрослые, а у нас все не как у людей». И друзья дразнили слабосильного Васю. Наверное, тогда у будущего писателя зародилась мысль оставить деревню, взлететь под небеса, унести далеко-далеко и искать счастья в городах.

Еще в школе Василий начал сочинять стихи. В 1926 году его стихотворение впервые увидело свет в газете «Юный пахарь», издававшейся в Уржуме. В том же году Василий покинул Ключино и отправился во Владивосток, где в Дальневосточном государственном университете на агрономическом факульте-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

те учился старший брат, Ефим. Впоследствии Ефим Адрианович Старостин стал кандидатом сельскохозяйственных наук, переехал в Хабаровск и получил должность заведующего кафедрой ботаники и основ сельского хозяйства тамошнего Государственного педагогического института.

Василий Адрианович Старостин. 1970-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Василий Старостин в годы войны

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Из Владивостока Василий отправился в столицу и поступил на физико-химический факультет Московского государственного университета. Его наставником и другом стал молодой ученый Николай Иванович Кобозев. Кобозев создал своеобразное учение о мышлении, «мыслевещественных частицах» и истине, находящееся на стыке химии и философии. Старостин придерживался этого учения и на девятом десятке писал о себе: «Аз емь физикохимик, песнотворец и музыкотоворец, языкоисследователь и стиховед по русскому народному стиху, ученик и последователь профессора Кобозева».

После окончания университета и аспирантуры Старостин был направлен в Витебский педагогический институт для руководства кафедрой химии. Здесь его застала Великая Отечественная война. Василий Адрианович был призван в армию. О войне он никогда не вспоминал и ничего не рассказывал. Только известно, что в августе 1943 года во время освобождения Донбаса Старостин, лейтенант 203-й стрелковой дивизии, был ранен в висок и попал в плен. Проведя у немцев около месяца, Василий Адрианович был освобожден нашими.

Наши, как тогда было принято, отправили лейтенанта в лагерь, где, впрочем, он находился недолго. Уже в 1945 году Старостин вернулся к преподавательской деятельности: некоторое время работал в Ворошиловграде (Луганске) на кафедре химии и биохимии Педагогического института. Спустя много лет студенты вспоминали: «В первом послевоенном учебном году работал на кафедре кандидат химических наук Василий Адрианович Старостин... Необычно интересные были занятия Старостина (в кирзовых сапогах, в шинели, накинутой на плечо) в аудиториях, где в зимнее время температура чаще была ниже, чем за окнами, часть которых была забита щепками. Студенты работали за гру-

бо сбитыми столами, согревая в руках стакан с чернилами, которые потом замерзли на кончике пера».

Затем Старостин переехал в подмосковный город Орехово-Зуево, где получил место доцента при кафедре химии Учительского института. Сюда он перевез родителей, которые по деревенскому обычаю стали жить с младшим сыном.

В Орехово-Зуеве Василий Адрианович познакомился со студенткой физико-математического факультета Людмилой Павловной Соколовой. В 1948 году они поженились. В том же году у них родилась дочь Надежда.

**СКАЗИТЕЛЬ
 И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА**

В марте 1955 года Центральный комитет Коммунистической партии и советское правительство приняли постановление «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами». В нем предлагалось подобрать не менее 30 тысяч добровольцев для руководства слабыми и отстающими колхозами. В числе тридцатитысячников, откликнувшихся на призыв партии и правительства, был беспартийный Старостин. В 1955 году он переехал в деревню. К этому времени умер Адриан Игнатьевич, а Евдокию Мамонтовну сестра Анна забрала к себе в Омск.

Василий Адрианович стал председателем колхоза им. Кагановича в Островском районе Костромской области. Впоследствии к колхозу были присоединены еще три. Новому большому хозяйству, по настоянию Старостина, было присвоено имя «Русь советская».

Правление колхоза находилось в деревне Ивашево. Председатель поселился в деревушке Сергеево, состоявшей всего из пяти изб. В селе Покровском находилась восьмилетняя школа, где стала работать учительницей математики и физики Людмила Павловна. А рядом, в селе Щельково, донныне сохраняется усадьба, где жил и творил драматург Александр Николаевич Остров-

Летучий корабль.
 Художник Мария Шадчнева

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ский. Здесь он скончался, здесь и похоронен.

При Старостине колхоз стал одним из лучших в области. В 1966 году Василий Адрианович покинул пост председателя, но продолжал трудиться в «Руси» агрономом. Им был выведен новый сорт ржи, «Вятка северная». Людмила Павловна работала завучем в покровской школе. В 1980 году

супруги Старостины получили квартиру в Костроме.

Не менее важным, чем переезд в деревню, стало для Василия Адриановича возвращение к писательству. Именно в Сергеево он состоялся как писатель-сказитель, писатель-народник.

Еще в 1953 году Старостин предлагал издательству «Советский писатель» книги «Страна Камаринская» и «Учебник о русском речевом складе». Но они были отклонены.

Первая книга Старостина, историческая песня «Слово о Коловрате», вышла в Костромском книжном издательстве в 1960 году. В следующем году то же издательство выпустило сказку «Летучий корабль».

Оба издания изукрасил картинками, заставками и буквицами палехский художник Михаил Иванович Шемаров. Им выполнены иллюстрации ко всем книгам Старостина, в том числе и обложка «Руси богатырской», так нравившаяся мне в детстве.

Василий Старостин на съемках фильма «Верность»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Василий Старостин за работой. 1950–1960-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Не все приветствовали появление нового сочинителя. Писатель и критик Е.И. Осетров в предисловии к книге Старостина «Дива былинные» признавался: «Имя Василия Старостина появилось на литературном горизонте сравнительно недавно. В 60-х годах в печати стали появляться его стихи, написанные былинным ладом на старокнижные и фольклорные сюжеты... Не скрою, что первые литературные опыты Василия Старостина были встречены настороженно многими, в том числе и пишущим эти строки».

ЯРИЛО И ЧЕРНОБОГ

Писатель Старостин занимает особое место в истории отечественной литературы. Его можно считать основоположником того жанра, который сегодня называют русским фэнтези. В XX веке Василий Адрианович одним из первых начал пересказывать древние дива и чудеса для нового читателя.

Наш современник, костромской краевед Павел Корнилов пишет: «Творчество Василия Старостина – явление уникальное в нашей отечественной литературе. Трудно даже назвать кого-либо из современных поэтов и исследователей, кто бы так последовательно, в течение

многих десятилетий шел путем постижения народной поэзии». Однако Василий Адрианович не только перелагал древние былины о подвигах богатырей. Он сочинял новые и соединял их в эпос подобно тому, как Лённрот соединял финские и карельские сказания в «Калевалу».

Литературовед Вадим Кожин в предисловии к «Руси богатырской» определил труд Старостина как «создание национальной эпопеи», «опыт вольной рекон-

Ярило.
 Художник
 Михаил
 Шемаров

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

струкции древнерусских языческих сказаний о богах и героях». Уже на первых страницах «Руси богатырской» из «Сказанья о Славуне и Микуле» читатель узнает о рождении языческих богов «лучистого Ярилы» и «черного Морока» – сыновей «небесной Зари-Заряницы». Здесь же упоминаются дароносный бог Дажь-бог, богиня Роженица и громоносец Перун.

Полноценной «славянской Библии» у Старостина не получилось. Он не последовал примеру Толкина, сочинившего «Сильмариллион» – священное писание мира фэнтези.

Василий Адрианович не проработал родословную богов, не поведал о сотворении мира, не сумел убедительно объяснить происхождение добра и зла. Хотя четко разделил по внешнему виду доброго Ярилу-Солнце и злого Морока-Чернобога:

*Вьется русая борода у Ярилы,
 А глаза полны синью небесной.
 Он на белом коне по небу
 Ездит в белой льняной рубахе.
 По земле пешком Ярило ходит,
 Незанузданный конь за ним
 ступает.*

*На земле и на небе Ярило –
 Он добро рукою щедрой сеет.
 Посыпает добром Ярило,
 Жнет добро, добром оделяет...*

«Подземный черный царь Чернобог» выглядит так, как и полагается сказочному злодею:

*Он угрюмый, страшный,
 непотребный;
 Руки длинные, когтистые пальцы;
 А глаза его навывкате сверкают
 В темноте язвительным
 сверканьем.*

*Сам-то он чумазлай чумазый,
 Рожка – будто крыло вороново,
 Лохмы-волосы грязнущие свисают,
 А носище огромный да крюкастый.
 Да мосластые, костлявые скулы,
 Щеки впалые, и весь он
 в морщинах...*

«Русь богатырская» выдержала два издания. Первое, в котором повествование велось прозой, увидело свет в 1970 году в Ярославле. Второе, в котором Старостин перешел на былинный стих, вышло в 1979 году уже в Москве.

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Мысль о создании современного эпоса, «славянской Библии» впервые посетила поэта-символиста Вячеслава Иванова и выразилась в его «Повести о Светомире царевиче». В итальянской эмиграции Иванов, сплетая древнерусскую христианскую книжность и древнеславянский языческий фольклор, сочинял «Повесть», надеясь, что когда-нибудь она станет эпосом преобразованного русского народа. Труд Иванова не был известен в Советском Союзе. Независимо от него схожие мысли высказал поэт Николай Заболоцкий, незадолго до своей смерти направивший в Союз писателей записку, в которой, между прочим, утверждал: «В наше время интенсивного роста народного самосознания и новой международной роли русского языка ка дело организации народного эпоса в единое стройное целое следовало бы считать делом общенародного и государственного значения».

Старостин не знал ни о «Повести» Иванова, ни о записке Заболоцкого, опубликованной лишь в 1965 году. Но верно уловил движение общественной мысли: Советский Союз постепенно возвращался к великодержавным устоям царской России. Мечты о вселенской революции и братстве народов не оправдали себя. Наметился явный интерес к «делам давно минувших дней», к Древней Руси, к ее истории и культуре. Этот интерес был родствен тем умонастроениям, что в 1930–1940-е годы овладели некоторыми писателями Европы. Люди, напуганные и обессиленные двумя мировыми войнами, искали поддержки и вдохновения в «преданьях старины глубокой». В то время, когда в Италии Иванов трудился над «Повестью о Светомире царевиче», в Англии Толкин и Льюис писали «Властелина колец» и «Хроники Нарнии». Любопытно одно совпадение между «Русью богатырской» и

«Властелином колец». Морок-Чернобог повелевает «красноглазому ушастому исчадью» Чернышу выплавить волшебное кольцо – «притягательный сверкучий перстень»:

*Чтобы кто на него ни глянул,
 Всяк бы тут же им
 и прельстился,
 И не смог бы от него
 оторваться...*

Черныш изготовил золотое кольцо с изумрудом, а Чернобог наложил на него заклятье:

*Ты вселись, моя душа,
 в этот перстень!
 Все проклятье мое и лихость,
 Моя ненависть, войди и укройся
 Чаровойным этим изумрудом!
 Ты из царства тьмы изыди,
 перстень!*

*И вселись ты мной в царство
 света!*

*И блесни! И покори! И прожги ты!
 И тогда ослепнут народы
 От сверкающего огненного
 блеска...*

Перстень нашел Микула Селянинович и едва не погиб от его чар. Но, конечно, это совпадение с «Властелином колец» slučajно.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Толкин и Льюис были христианами. Их книги принадлежат к жанру христианского фэнтези. Старостин работал в жанре, который можно назвать языческим фэнтези. «Русь богатырская» – попытка создать былинный «Сильмариллион».

Еще в XIX веке Иван Киреевский писал Алексею Хомякову: «У нас были богатыри только до введения христианства». В 1960–1980-е годы схожего мнения держались некоторые из тех деятелей советской культуры, которых называли почвенниками или патриотами. Они противопоставляли светлое, радостное и сильное язычество мрачному и хмурому христианству.

К числу почвенников, благоговевших перед язычеством, можно отнести художника Константина Васильева, поэта Игоря Кобзева и писателя Валентина Иванова, автора исторических романов. Своим духовным наставником взыскатели «Руси изначальной» считали академика Бориса Рыбакова.

Василий
 Старостин
 с учениками
 покровской
 школы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Василий
 Старостин
 в последние
 годы жизни

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Как и Иванов, Старостин не избежал соблазна изобразить врагами русских иудеев-хазар. В былинне «Тугарин Змеевич» коварный царь Воська, правящий «над всею Козарьей», похваляется:

*Моя власть от бога Саббаота,
 А мой царский род от Ятета,
 Да от сына его Тугара,
 Да от внука его Козара...*

Когда в 1976 году в газете «Неделя» обсуждалась пресловутая «Влесова книга», писатель Старостин вместе с поэтом Кобзевым выступил в защиту подделки. На страницах газеты Василий Адрианович заявил: «Для меня и в маленьких отрывках, но большой смысл открылся. Одни имена уже неподдельны и неподражаемы: Богумир, Славуна, а вместо Рюрика – Ерек. Дивно прекрасен оборот «прибежищная сила» – все это мог создать только народ. А найдись бы творец да сотвори все это пусть и в недавние времена единственно из сердца своего, значит, такой человек безмерно даровит. И в том и в другом слу-

чае «Влесова книга» бесценный дар, и недопустимо замалчиванием отстранять от нее читателей и писателей».

В том же году кинорежиссер Борис Карпов, купивший дом в Сергееве по соседству со Старостиными, снял о Василии Адриановиче документальный фильм «Верность».

Старостину, как и Толстому, не удалось опроститься до первобытного состояния мужичины-деревенщины. Ни обращение к фольклору, ни переезд в деревню, ни крестьянский труд не изменили Василия Адриановича. Он так и остался интеллигентом, ученым и преподавателем, а кроме того, до мозга костей советским человеком.

Советский строй Старостин называл «дружботороварищеским». Развал Советского Союза переживал как личное несчастье.

В 1991 году в своем последнем сочинении, «Просветленье», Василий Адрианович с горечью писал о гибели прежнего мира и

появлении нового мирового порядка. Ему казалось, что этот порядок зарождается в борьбе двух «адских нечистых духов» – Вельзевула Заморского (США) и Шайтана Вавилонского (стран Азии). Закон нового порядка таков: «Разделяй и властвуй! Растлевай и властвуй! Развращай и властвуй! Одурманивай и властвуй!» Новые духовные ценности – «безнравственность, грех и погань». «Свобода на них – это и есть права человека. Ими и подпирает Вельзевул свою власть над народами».

«Просветленье» написано в духе христианской эсхатологии – учения о конце света. Не удивительно, что вскоре Василий Адрианович обратился к православию.

Старостин скончался 1 мая 1995 года. Перед смертью Василия Адриановича исповедал и причастил его друг, священник Вячеслав Шапошников – костромской писатель, в 1991 году принявший сан в Русской православной церкви. Он же отпевал Василия Адриановича.

Старостина похоронили на кладбище села Угольского, неподалеку от Щелькова. В костромской земле упокоился талантливый писатель и необычный мыслитель, который мог бы стать русским Толкином или Льюисом. Но вместе с развалом Советского Союза и исчезновением советской литературы имя Старостина забылось. Современное русское фэнтези началось, так сказать, с нуля.

В 1981 году писатель Иван Дроздов обращался к Старостину: «Все сходятся на том, что слава Ваша впереди, что след Ваш в нынешней литературе глубокий и ни на чей не похожий». К сожалению, он ошибся.

Нынешние сочинители пишут о витязях, царевнах и чудищах, не зная, что совсем недавно былинным ладом пел подвиги Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и всю Русь богатырскую председатель колхоза, кандидат химических наук, член Союза писателей, песнотворец и музыкотворец Василий Старостин. ❀

ИТАР-ТАСС / ВИТАЛИЙ БЕЛОУСОВ

РЕСТАВРАТОР ВСЕЯ РУСИ

АВТОР

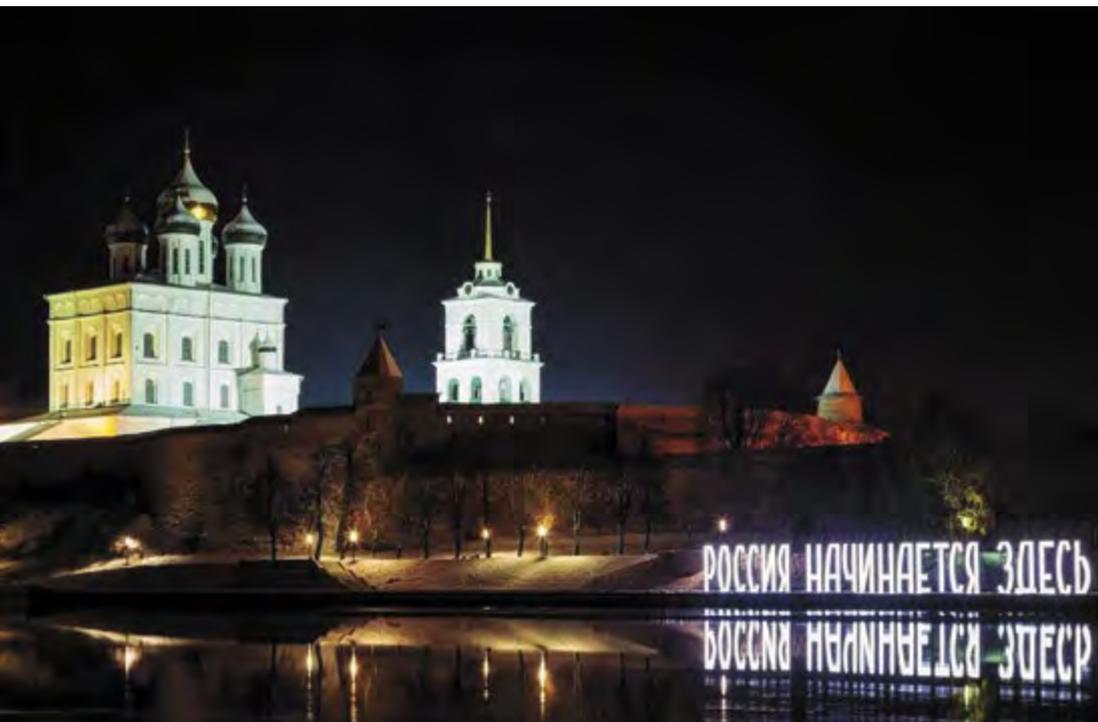
АНАСТАСИЯ МАК КЕЙБ (ИРЛАНДИЯ)

В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ ПСКОВА ПОД СТЕНАМИ ДРЕВНЕГО КРЕМЛЯ СВЕТАТСЯ БОЛЬШИЕ БУКВЫ: «РОССИЯ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ». А НЕПОДАЛЕКУ НА НЕВЫСОКОМ ХОЛМЕ СТОИТ ПАМЯТНИК САВВЕ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЯМЩИКОВУ – ИСТОРИКУ ИСКУССТВА И РЕСТАВРАТОРУ, ЗАЩИЩАВШЕМУ ИНТЕРЕСЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ТРЕХМЕТРОВУЮ СКУЛЬПТУРУ, которую установили в Пскове в октябре 2020 года, создали скульптор Плохоцкий и архитектор Асафов. Вокруг – скамейки, имитирующие фрагменты древних руин. В руках у Ямщикова его знаменитый посох – подарок легендарного хранителя Пушкинского заповедника Семена Гейченко. Памятник стоит на улице Воеводы Шуйского, рядом с Покровской башней Окольного города: по преданию, именно здесь в 1581 году Богородица явилась кузнецу Дорофею и ее милостью псковичи отстояли город от войск польского короля Стефана Батория. Героическая оборона длилась 170 дней. Судьбы Пскова и Ямщикова неразрывны. Савва Васильевич посвятил много лет работе на Псковщине, спасая древнерусские памятники архитектуры и искусства. Об этих годах он написал книгу «Мой Псков». Начинается она с биографии автора, который рассказал о том, как жизнь связала его с этим городом. Дело Саввы Васильевича продолжает его дочь, искусствовед Марфа Ямщикова. Она же бережет память о реставраторе, сохранила кабинет Саввы Васильевича в доме Палибина в Москве. Память о Ямщикове и его визитах в Псков хранится и в моей семье: Савва Васильевич был близким другом моего деда, псковича Анатолия Викторовича Лукина.

ЛЮБОВЬ К СЕДОЙ ДРЕВНОСТИ

Савва Васильевич родился в Москве 8 октября 1938 года. «Отец часто с теплом вспоминал детство, несмотря на то, что оно было нелегким, – вспоминает Марфа Ямщикова. – Он очень рано потерял отца, воспитывали его бабушка и мама. Они были старообрядками, и этот домашний уклад, воспитание, конечно, наложили отпечаток на все его последующее мировоззрение. И, скорее всего, определили выбор профессии». С детства Савва Васильевич знал о том, что его предки были

Доме творчества. В дальнейшем навыки актерского мастерства емугодились в профессии. С каким артистизмом он рассказывал о памятниках истории и искусства!»

После школы Ямщиков выдержал вступительные экзамены на искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. На первых порах обучения, очарованный лекциями профессора Павлова, он увлекся искусством Древнего Египта. Начал изучать иероглифы, часами пропадал в восточных залах Эрмитажа и Музея изобразительных искусств, готовил курсовую работу о фаюмских портретах. Но на втором курсе студентов МГУ повезли на летнюю практику во Владимир и Суздаль. Руководил поездкой историк искусства Виктор Михайлович Василенко. Потомок русских генералов, героев Плевны и Шипки, Василенко недавно вернулся из ссылки: в 1947 году он был осужден по делу Даниила Андреева. Виктор Михайлович увлеченно рассказывал о скульптурном убранстве Дмитровского и Успенского соборов, познакомил студентов с храмом Покрова на Нерли. Эта поездка произвела на Ямщикова чрезвычайно сильное впечатление. «С той поры я собой не распоряжаюсь, – писал Савва Васильевич. – Влюбившись раз и навсегда в творчество мастеров Древней Руси, стараюсь служить верой и правдой делу охраны, реставрации и изучения памятников отечественного искусства». Так что когда студенту Ямщикову предложили место ученика во Всероссийском реставрационном центре имени И.Э. Грабаря, он с радостью согласился. И вновь ему повезло с учителями: среди них оказалась Евгения Михайловна Кристи, воспитавшая не одно поколение отечественных реставраторов. «Лучшего пути, чем работа реставратора, для проникновения в тайники богатейшего мира древнерусской живописи и представить нельзя, – писал позже Ямщи-

раскулачены. «Под корень были вырублены прочные устои многочисленной семьи моего деда по материнской линии, – писал Ямщиков. – Прогнали моих предков из живописных деревень Калужской и Брянской губерний, разбросали по белу свету, а многих мужчин упекли в ГУЛАГ». Савва Васильевич был уверен: пережить те страшные времена, помноженные на военное лихолетье, его семье помогла только вера в Бога. Жила семья в Москве бедно, в железнодорожных бараках на Павелецкой набережной в домике с земляным полом. Савва

с детства помогал маме и бабушке: сначала часами стоял в очередях, например за бутылкой подсолнечного масла, позже разгружал вагоны на станции, там же можно было раздобыть ведро угля для барачной печки, подобрать несколько картофелин. «Детство было нелегкое, но отец никогда не делал на этом акцент. Наоборот, он вспоминал его с радостью, вспоминал игры – футбол, коньки. Когда пошел в школу, любимым его занятием стало чтение, – рассказывает Марфа Ямщикова. – В старших классах он увлекся кинематографом, посещал театральные кружки при

Памятник Савве Васильевичу Ямщикову в Пскове

ков. – Временами мне казалось, что я совершаю фантастическое путешествие на машине времени, попадая в мастерские псковских и новгородских средневековых иконописцев, присутствую на празднике окончания ферапонтовских росписей Дионисием с сыновьями, наблюдаю за монтировкой иконостаса Благовещенского собора в Московском Кремле.

В 1950–1960-е годы мастерские Грабаря вели восстановительные работы на территориях, оккупированных во время Великой Отечественной войны. Московские художники отбирали для реставрации иконы, пылившиеся в местных хранилищах. Благодаря этим командировкам Ямщикову удалось организовать составление реставрационной описи произведений древнерусской живописи, хранившихся в музеях. Во время этой работы Савва Васильевич начал осознавать масштабы истребления и уладка памятников архитектуры и искусства, имевших мировое значение. Одновременно его поражали мужество и бескорыстие людей, которые спасали от гибели памятники архитектуры и искусства. Таких оказалось немало. «Русская провинция... Как много значит это понятие не для одной только России, но и для всего человечества, – писал Ямщиков. – Не квасной патриотизм, а подкрепленная многочисленными историческими фактами, подлинными документами осведомленность и личный опыт позволяют мне быть уверенным в будущем русской провинции».

Художником-реставратором Центра им. И.Э. Грабаря Ямщиков проработал двадцать лет – с 1959 по 1979 год. В 1983 году он возглавил отдел Всероссийского института реставрации. Все эти годы он помогал восстанавливать наследие русской провинции и знакомил с ним современников. Это было, конечно, непросто. Ямщиков часто повторял: ему помогали Бог и люди, встречавшиеся на его пути.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Мастерская
В.П. Смирнова.
Апрель 1982 года.
Слева от
С.В. Ямщикова –
литературный
критик
В.Я. Курбатов

ВСТРЕЧА С ТАРКОВСКИМ

С молодым режиссером Андреем Тарковским Ямщиков познакомился в модном московском кафе «Националь». Представил их друг другу общий знакомый. «Давно вас ищущу, чтобы поговорить о важном для меня деле, – обратился кинорежиссер к Ямщикову. – Мы с Андроном Кончаловским заканчиваем сценарий об Андрее Рублеве. Даст Бог, запустимся в производство. Хотел бы пригласить вас в консультанты». Савва Васильевич не был уверен, справится ли он с такой задачей. «Не лучше ли пригласить на роль консультанта маститого доктора наук?» – спросил он. «Мне нужен единомышленник, а если появятся трудные проблемы, обратимся к маститым. Уверен, что профессора не откажут в помощи», – ответил Тарковский.

С.В. Ямщиков
с дочерью
Марфой

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Так и получилось. Ямщиков, работая консультантом фильма «Андрей Рублев», вышедшего в 1966 году, привлекал и других специалистов по русской истории и культуре XIV–XV веков. Правда, трудности у съемочной группы возникали не столько с древнерусской живописью или историческими деталями, сколько с разного уровня худсоветами и комиссиями. Ямщиков попросил о помощи своего учителя – профессора Николая Петровича Сычева, осужденного в 1933-м по «делу славистов» и освобожденного из лагеря в 1942 году. Стойкость характера известный профессор не потерял: помимо замечаний фактического характера к фильму написал для худсовета положительный отзыв о ленте.

Работа над фильмом «Андрей Рублев» сплотила близких по духу и по взглядам людей. Ямщиков подружился с актерами Николаем Бурляевым, Иваном Лапиковым, Юрием Назаровым, оператором Вадимом Юсовым, часто беседовал с Андреем Тарковским. Они провели детство по соседству: от барака на Павелецкой набережной было рукой подать до старого деревянного дома Тарковских на Щипке. Тарковский, увлеченный Ингмаром Бергманом, жадно слушал рассказы Ямщикова

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Создатель древлехранилища
Псковского музея Л.А.Творогов

о Швеции: Савва Васильевич к тому времени успел побывать на острове Готланд, где в XII веке русские купцы построили расписанную фресками православную церковь. Менее чем через двадцать лет этот остров стал местом съемок последнего фильма Андрея Тарковского, «Жертвоприношение».

«Об отце помнят очень многие люди, – говорит Марфа Ямщикова. – И не только за профессиональные заслуги, но и за человеческое отношение. Как говорится, он готов был душу положить за други своя. К нему обращались люди и за профессиональной помощью, и за человеческой, он не отказывал никогда». Ямщиков любил людей. «Человек-праздник, человек-солнце», – говорили о нем друзья, которых у него было немало.

ПСКОВ ЯМЩИКОВА

«Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам Боже с ним справиться!» – записал в дневнике прибывший с войсками Батория ксёндз Станислав Пиотровский 24 августа 1581 года.

Не смог Баторий тогда одолеть Псков. Выстояли стены и башни Псковского крома, а отвага и героизм псковичей помогли спасти русские земли от захватчиков, обеспечив сохранение границ Русского государства. Спустя столетия западные границы России существенно передвинулись, так что Псков потерял свое значение и как крепость, и как

один из центров международной торговли. Он превратился в небольшой губернский город с 10 тысячами жителей, сотней каменных домов, разрушающимся кремлем и множеством древних храмов, требующих реставрационных работ. «Лишенный честных благ народного правленья, // Сей град являет нам вид страшный разрушенья», – писал о Пскове Пушкин в 1825 году.

Во время своих первых визитов в Псков Ямщиков близко сошелся с создателем древлехранилища городского музея Леонидом Алексеевичем Твороговым. Творогов занимался иконами, фресками, архитектурой, собирал

Перед съемками «Андрея Рублева». Савва Ямщиков, режиссер Андрей Тарковский, оператор Вадим Юсов

С.В. Ямщиков знакомится с новой экспозицией работ художника Тропинина. Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени. 1986 год

книжное наследие Псковской земли и, по воспоминаниям Саввы Васильевича, именно он помог Ямщикову по-настоящему познакомиться с древним псковским искусством.

Ямщиков привез в Псков и Андрея Тарковского. Вместе с Твороговым они подбирали натуру для съемок «Андрея Рублева»: ряд сцен сняли в отреставрированном Покровском углу, а Изборская крепость и склоны Жеравей горы подошли на «роль» древнего Владимира.

Ямщиков часто вспоминал «трех богатырей» Пскова: архитекторов-реставраторов Всеволода Петровича Смирнова, Бориса Степановича Скобельцына и Михаила Ивановича Семенова. С их помощью восстали из прошлого славные стены крома, башни и храмы Пскова. «И сегодня для меня каждый псковский памятник – это не только произведение такого-то века, а еще и память о человеке, его воскресившем, – писал Ямщиков. – Возле Покровской башни восхищаюсь искусством Всеволода Петровича Смирнова. Он не просто восстановил утраченные фрагменты – попадешь внутрь, и такое чувство, что отсюда только что ушли мастера XVI века». Реставрация Покровской башни Псковского кремля была признана Министерством культуры и Союзом архитекторов лучшей реставрацией в СССР.

Всеволод Петрович Смирнов – личность самобытная. Помимо реставрационных работ он воз-

РИА НОВОСТИ/В. ХЕТАГУРОВ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Директор Пушкинского музея-заповедника Семен Степанович Гейченко

родил кузнечное дело в Пскове, создал уникальную мастерскую в стенах древней звонницы на реке Великой. Его работы украшают не только псковские архитектурные памятники, но и музеи многих городов России и мира. В мастерской у Смирнова на знаменитых вечерних застольях часто собирались люди самых разных профессий. Здесь подолгу засиживались Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Лев Гумилев. Как потом вспоминал Гумилев, «такой еды, как в Пскове у Всеволода Петровича, ни в одном ресторане не подадут». Один «кузнечный суп», что варился на кузнечном огне, чего стоил! Гости пили-ели из старых чаш и братин, передаваемых по кругу.

Именно в кузнечной мастерской Смирнова познакомился Савва Васильевич со Львом Николаевичем Гумилевым, который приехал в Псков заказать крест на могилу матери, Анны Андреевны Ахматовой. Тогда, за столом в кузнечной мастерской, узнал Савва Васильевич и о теории этногенеза, и о книгах Гумилева, и о его жизни. Они вместе съездили в древний Изборск: Гумилев считал, что именно в этом городе концентрировалась начальная история Русского государства. «Если вы пишете, скажем, о псковской иконе XV века, вы должны знать, что в это время происходило в Париже, в Лондоне, в Пекине, – говорил Ямщикову Гумилев. – Только так можно правильно осознать смысл псковского памятника. Настолько тесно все было связано тогда, да и во все другие периоды. Знать надо обязательно».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

В.П. Смирнов, архимандрит Алипий, С.В. Ямщиков. Псково-Печерский монастырь

В.П. Смирнов и А.В. Лукин на заводе ТЭСО

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Теплые отношения поддерживал Савва Васильевич и с директором Пушкинского музея-заповедника Семеном Степановичем Гейченко, и с настоятелем Псково-Печерского монастыря архимандритом Алипием, и с литературным критиком Валентином Яковлевичем Курбатовым. Все эти люди создавали и берегли священные для русского сердца места.

В Псково-Печерском монастыре произошел с Ямщиковым лю-

бопытный случай. По подсказке архимандрита Алипия на стенах Успенского собора под слоем копоти и пыли Савва Васильевич обнаружил древние фрески. На первом же расчищенном фрагменте появился лик святого и надпись: «Савва Первосвященный». «Раз Савва, значит, тебе есть смысл поработать здесь», – заключил архимандрит Алипий. Следует сказать несколько слов об этом человеке. Ветеран Великой Отечественной войны, художник принял постриг в 1950 году, а в 1953-м стал игуменом Псково-Печерского монастыря. Ему пришлось не только заниматься реставрацией обители, но и бороться с инстанциями, которые пытались закрыть монастырь.

Дружил Савва Васильевич и с моим дедом, Анатолием Викторовичем Лукиным, директором Псковского завода тяжелого электросварочного оборудования. Ему Ямщиков посвятил отдельную главу в книге «Мой Псков». «Мысли, посещавшие меня всякий раз, когда приходилось сталкиваться с болями нашей культуры, ее разором, с вечными нехватками средств на ее восстановление, сводятся к одному: сколько можно уповать на «центр»? – писал Савва Васильевич. – Эту истину мне никогда не приходилось доказывать

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

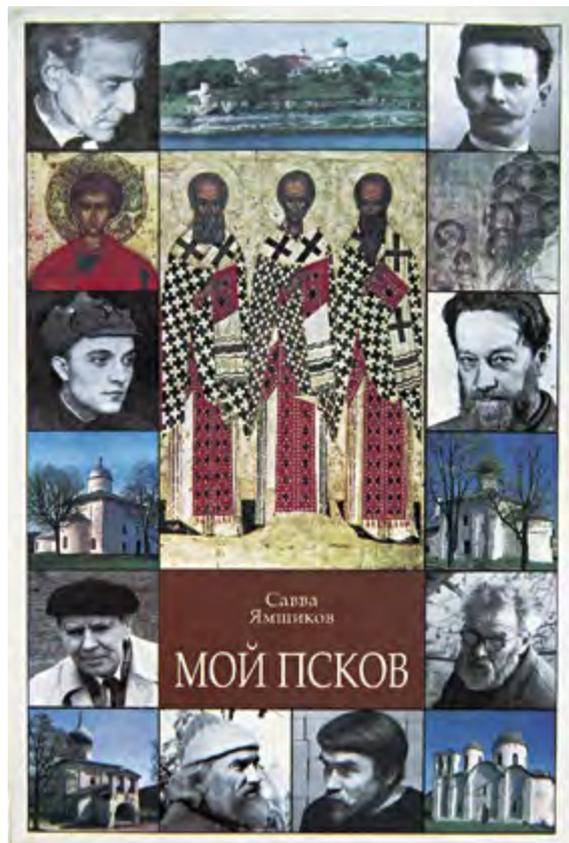
Лукину». В 1960-е годы, в эпоху физиков и лириков, Анатолий Лукин не только стоял у основ создания одного из крупнейших машиностроительных заводов СССР, он писал стихи, песни, играл на фортепиано. Другил с Всеволодом Смирновым, в кузнице которого и познакомился с Саввой Ямщиковым. Дед во всем помогал Ямщикову. Савва Васильевич называет его в своей книге «истинным русским интеллигентом и патриотом», перечисляет памятники культуры, сохранившиеся благодаря вмешательству Лукина: монумент, посвященный подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, железное кружево псковских теремов и храмов, главный собор Данилова монастыря в Москве, роспись в здании Псковской областной детской библиотеки...

В 1970 году в Мюнхене проходила выставка «Иконы XIII–XIX веков», на которой под номером 234 была выставлена икона из частного собрания под названием «Псков и его окрестности». Савва Васильевич икону узнал: то была «Божия Матерь Псковско-Покровская». Помимо Богородицы и сонма псковских святых на ней изображен фрагмент Пскова XVI века. Это одно из самых ранних известных изображений города. Вывезена

икона была из псковского музея в годы оккупации и считалась безвозвратно утраченной. Ямщиков обратился к куратору выставки с просьбой начать предварительные переговоры с владельцем иконы. Быстро вернуть образ не получилось. Но в 1990-х годах германские власти выкупили икону из частной коллекции, а в 2000-м передали ее президенту РФ Владимиру Путину. 7 сентября 2001 года прославленная псковская святыня была возвращена в Псков

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Книга Саввы Ямщикова «Мой Псков»

Могила С.В. Ямщикова. Пушкинские Горы

и установлена в Троицком соборе кремля.

24 апреля 1995 года в Пскове случилась беда: сгорел шатер Покровской башни. Вскоре после этого скончался реставрировавший ее Всеволод Петрович Смирнов. В полуразрушенном состоянии Покровская башня простояла следующие пятнадцать лет. Восстановили ее с помощью Ямщикова. Сначала Савва Васильевич убедил губернатора Псковской области в необходимости завершить реставрацию башни, выступал на различных собраниях, лично обращался к президенту Дмитрию Медведеву. В декабре 2010 года Покровская башня была восстановлена. Савва Васильевич до этого момента не дожил... Свой земной путь Савва Васильевичу суждено было закончить в Пскове. Он скончался 19 июля 2009 года во время открытия выставки «Музей друзей Саввы Ямщикова». На Псковщине его и похоронили – на Тригорском холме в Пушкинских Горах, у храма Георгия Победоносца. ☪

ПОДСТОЛИЧНАЯ СИБИРЬ

АВТОР
СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЕГОДНЯ ВОЛОГДУ НАЗЫВАЮТ КРУЖЕВНОЙ СТОЛИЦЕЙ РОССИИ И ЖЕМЧУЖИНОЙ РУССКОГО СЕВЕРА, А СТО С ЛИШНИМ ЛЕТ НАЗАД В ПРЕССЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ КРУГАХ ЕЕ ВЕЛИЧАЛИ ИНАЧЕ: «ПОДСТОЛИЧНАЯ СИБИРЬ» И «КАНДАЛЬНЫЙ ТРАНЗИТ». ВОЛОГОДСКИЙ КАТОРЖНЫЙ ЦЕНТРАЛ СЧИТАЛСЯ ОДНИМ ИЗ СИМВОЛОВ ГОРОДА.

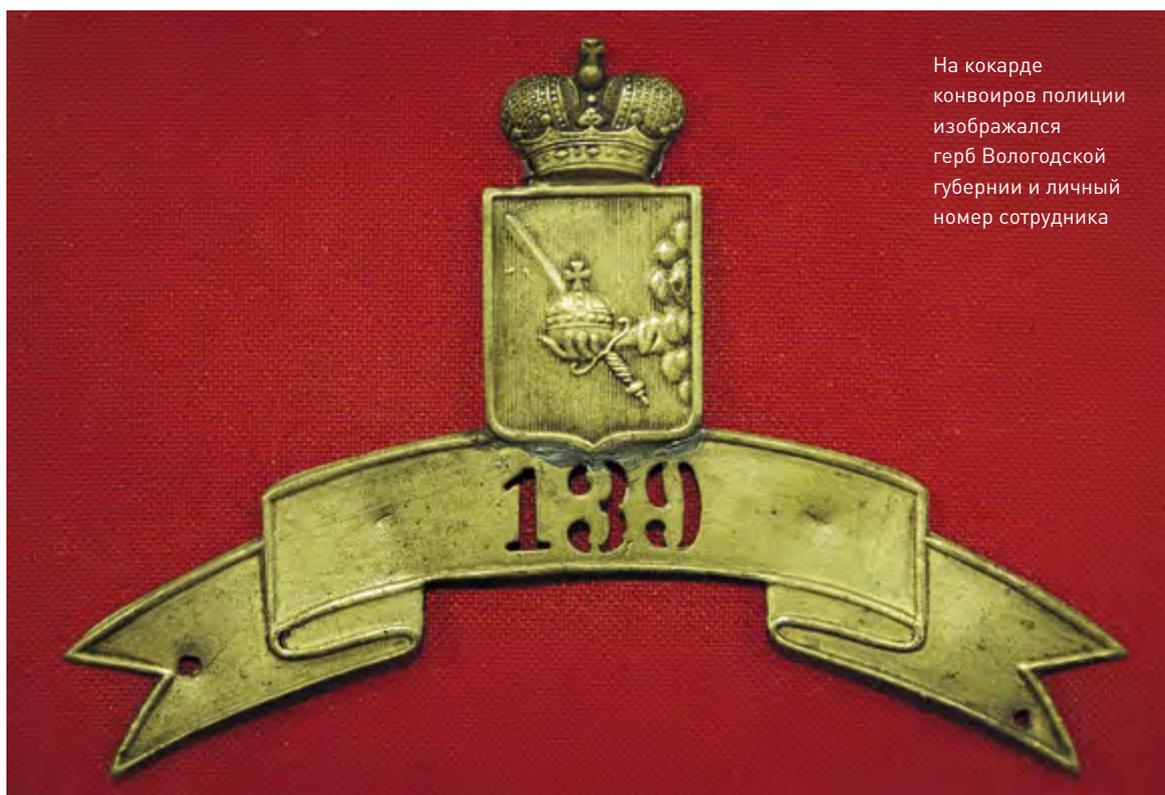
К ЧЕСТИ СОВРЕМЕННЫХ вологжан надо сказать, что они не только не ретушируют тюремное прошлое своего города, который в XIX и начале XX века считался одним из центров политической ссылки, но и сделали его частью туристической программы и городского пейзажа. В Вологде открывают музеи ссылки и памятники ссылным.

ВТОРАЯ ПОСЛЕ СИБИРИ
Статус ссыльной столицы подтверждается цифрами. По официальным данным, начиная с пушкинских времен и до Октябрьской революции в Вологде побывало около 10 тысяч ссылных, не считая каторжан, шедших транзитными этапами. В ссылке в Вологде побывали видные писатели, поэты, историки и революционеры. В 1830-е

в Вологду ссылали за крамольные статьи и сочинения, в 1850-е – за членство в народнических кружках, в конце XIX века – за участие в волнениях и бунтах. Эти периоды, разумеется, условны.

Вологда принимала всех, окружала прелестями и дикостями русской глубинки, бодрила климатом, который одних донимал болезнями (например, сестру и мать Ленина), а другим, как Луначарскому, возвращал здоровье, подточенное революционной борьбой.

«Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!» – делился планами Чацкий, требуя карету. В 1836-м прототип грибоедовского героя Петр Чаадаев опубликовал в журнале «Телескоп» первое из своих знаменитых «Философических писем», а «искать по свету» отправили в том же году основателя журнала Николая Надеждина. Сначала его сослали в Усть-Сысольск, который тогда входил в состав Вологодской губернии, а затем перевели в Вологду.

На кокарде конвоиров полиции изображался герб Вологодской губернии и личный номер сотрудника

Будущий музей ссылки был построен в 1870-е годы как доходный дом, в нем арендовали комнаты приезжие и ссыльные

Ссылка в Вологду перезнакомила многих видных представителей русской интеллигенции и для многих стала «университетами», которые помогли проявить себя в будущем в различных сферах. Например, ссылка свела в одно время в Вологде писателя Алексея Ремизова и будущего эсера Бориса Савинкова. Ремизову друг по несчастью запомнился тем, что в бане «ни кипятком не обдаст, ни холодной не плеснет». «Ходили мы в Вологде в баню, зайдем номер: Павел Елисеич Щеголев, Борис Викторович Савинков и я, – вспоминал писатель. – И, как бывало, тру спину Павлу Елисеичу, а он песни поет – голос у него в пару особенно, с наливом, и так звонко, все соседи, бывало, всплошшатся, и главный банщик их унимает; Борис Викторович молча, аккуратный, ни кипятком не обдаст, ни холодной не плеснет; а я все на скорую, без очков мне слепо и шайки не найти, а как выйду в предбанник одеваться, тут вот у меня и разыгрывается – и я сочиняю...».

В 1903 году Савинков оставил товарищей по ссылке и бежал в Женеву, где примкнул к эсерам и позднее готовил теракты и политические убийства.

В предреволюционное десятилетие через Вологду прошли многие представители большевистской верхушки – Сталин, Молотов, Луначарский, Воровский, Богданов и другие.

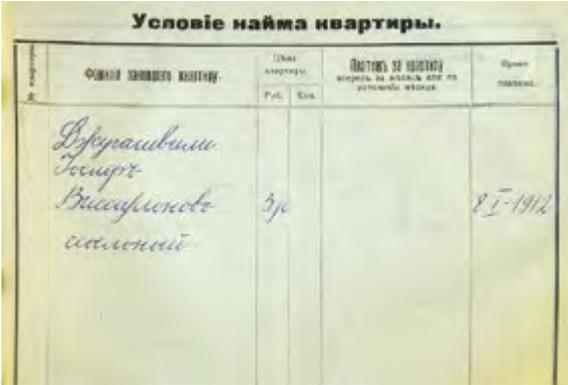
В ГОСТИ К СТАЛИНУ

«А вы в «ссылке» бывали? – могут спросить вас в местах скопления туристов. – Нет? Обязательно сходите».

Сегодня вологодская ссылка – это не страшно и совсем недалеко. Одноименный музей располагается в 10 минутах ходьбы от Вологодского кремля. Бревенчатая двухэтажная изба соседствует со зданием областной администрации и причудливо смотрится на фоне 12-этажной громадины. Эта изба была построена в 1870-е годы как доходный дом – комнаты арендовали приезжие и ссыльные. Не уцелеть бы избушке в центре областного центра, если бы не Иосиф Сталин, который отбывал здесь ссылку в 1911–1912 годах. Спустя четверть века в доме открылся Музей Сталина, в середине 1950-х он был преобразован в Дом-музей революционной деятельности большевиков в вологодской ссылке.

Позднее он снова стал жилым, а в новые времена дом несколько лет пустовал. В 2007 году он вновь открылся в качестве музея «Вологодская ссылка». Расположен музей на улице Марии Ульяновой. Сестра Ленина отбывала ссылку в Вологде в 1913 году.

Новый музей как бы объединил в себе экспозиции своих предшественников: со стен

смотрят ссыльные большевики, но и про Сталина здесь не забывают. Судя по докладам вологодских филёров (филёр – сыщик, агент охранного отделения или уголовно-сыскной полиции в конце XIX – начале XX века. – Прим. ред.), следивших за ссыльным, в своей квартире Иосиф Джугашвили проводил лишь вечера и ночи. А днем, с раннего утра, пропадал в гостях у друзей и знакомых, а также в библиотеке: Кавказец – такое прозвище ему дали в жандармском управлении – за 42 дня жизни в Вологде 17 раз ходил за книгами. Зато сейчас он круглые сутки «дома»: в сталинской комнатке за столом сидит музейный манекен – бородатый человек в поношенном костюме и белой рубашке с высоким воротником. Для большей схожести с оригиналом манекен держит в руке курительную трубку. На столе перед «Сталиным» лежит газета, рядом – стопка книг, перо и чернильница, а также керосиновая лампа. Помимо стола и стула из мебели в комнатке лишь сундук да узкая железная кровать. Гости ссыльный «Джугашвили» не жалует: в комнатку нельзя попасть из-за запертой стеклянной двери. Мемориальных вещей здесь нет – казалось бы, зачем такие меры предосторожности? В музее объяснили, что в прошлом на сталинскую комнатку совершались нападения, была даже попытка поджога и кража экспонатов. Дверь из оргстекла призвана защитить музей-

Иосиф Сталин – самый известный герой музея и единственный обладатель отдельной комнаты

ный объект от недругов вождя. Высказать свое мнение о его деятельности можно, бросив черный или белый шарик в банку, стоящую у входа в сталинскую комнатку. «Бывают дни, когда посетители больше белых шариков бросают», – говорят в музее. Сталин отбывал в этом доме свою третью ссылку в Вологодскую губернию. Вышло так, что ссыльный поселился у отставного жандарма Мефодия Корпусова, который жил

здесь с семьей. Другой квартиранткой была 15-летняя Софья Крюкова, приехавшая обучаться мастерству портного. Она впоследствии описала музейщикам, как выглядело внутреннее убранство дома, по этим ее рассказам и воссоздана комнатка Сталина. В углу закутка висит икона. «Хозяин приходил сюда помолиться и, видимо, «пошерстить» вещи ссыльного», – объясняет заведующая музеем «Вологодская ссылка» Анна Шалыгина.

В музее можно увидеть карточку Сталина и отчеты филёров, которые за ним наблюдали

Кандалы обернули материей в рамках программы по улучшению содержания заключенных

ных квартирах, входили в местную элиту, редактировали газеты, вели переписку, участвовали в съездах политических ссыльных при губернаторе и то и дело самовольно покидали Вологду раньше оговоренного срока. Об этом свидетельствует переписка вологодских властей с Третьим отделением.

«Сбежать было нетрудно, – рассказывает Анна Шалыгина. – Наблюдение велось, но не круглые сутки и не каждый день. Ссыльных было много, филёров не хватало. Например, можно было уехать ночным поездом, как сделал Иосиф Джугашвили во время одной из своих вологодских ссылок».

Тюремных правил и обычаев в жизни ссыльных практически не было. По этапу их не гнали, в арестантскую одежду не облачали. К месту ссылки они нередко добирались своим ходом и на собственные средства.

В предписании значилось, что ссыльный обязан жить в Вологодской губернии без указания конкретного населенного пункта. По прибытии в Вологду дела ссыльных рассматривались в канцелярии губернатора, после чего их распределяли по губернии, которая была значительно больше современной Вологодской обла-

Тюремная дверь и арестантская шинель встречают посетителей в сенях музея

ОКНО С РЕШЕТКОЙ И КАТОРЖНАЯ ДВЕРЬ

Войдя в музей «Вологодская ссылка», посетитель оказывается в крохотных сенях между тремя дверьми. В одну он вошел, другая ведет в основные музейные помещения, а третья находится за стеклом. Толстая деревянная дверь с тяжелым засовом, чугунными петлями и глазком для наблюдения за осужденными прибыла в музей из знаменитого Вологодского каторжного центра, открыто-

го в 1850-е годы. Оттуда же привезли арестантский халат с бубновым тузом на спине. Небольшое окошко забрано старинной решеткой. Зарешечены также музейная касса и гардероб. «Стилизация», – улыбается заведующая. В первом зале выставлены кандалы и цепи, но основная часть экспозиции посвящена политическим ссыльным XIX – начала XX века, которые кандалов не носили, на небо в клеточку не смотрели. Они жили на част-

сти. Остаться в губернской столице считалось наилучшим вариантом. Фигурантов одного дела в обязательном порядке распределяли в разные уезды – чем дальше друг от друга, тем лучше.

Ссылные получали ежемесячное жалование – от 7,5 до 11 рублей, но прожить на эти деньги было непросто. К примеру, съём самой дешевой комнаты стоил около 3 рублей. Так что ссылные вынуждены были зарабатывать на хлеб самостоятельно. Например, упомянутый Николай Надеждин жил заработками журналиста и краеведа – он написал в Вологде более 200 статей.

По прибытии к месту ссылки людям выдавались так называемые «одежные» деньги. Ссылным запрещалось брать с собой большой багаж, зачастую теплые вещи приходилось приобретать на месте. На эти цели выдавалось 25 рублей. На рубеже XIX и XX веков баранья шуба в Вологде стоила 11 рублей, валенки 3 рубля, а варежки 40 копеек. За «онучи суконные» просили 2 рубля 40 копеек, а «шапка сермяжного сукна» оценивалась в полтора рубля. То есть «одежных» денег едва хватало на самое необходимое.

Ссылку в Вологде отбывал Вячеслав Молотов и другие видные большевики

Анатолий Луначарский писал, что выживать в вологодской ссылке помогала дешевизна продуктов

Первый нарком просвещения РСФСР, Анатолий Луначарский, отбывал ссылку в Вологде и Тотьме, расположенной в 200 километрах от регионального центра. В своих воспоминаниях он пишет, что выживать помогала дешевизна продуктов.

Впрочем, денежные переводы от родственников не запрещались, как и приезд семьи к месту ссылки, а потому положение некоторых ссылных напоминало жизнь путешественников, которые по какой-то причине решили задержаться в новом городе на неопределенный срок.

ПОД ВЗГЛЯДОМ ЖАНДАРМА

Документы, фотографии и экспонаты музея «Вологодская ссылка» позволяют детально изучить эту странную жизнь – вольную, но под колпаком. Зал на втором этаже небольшой, а материалов много – для удобства и экономии места они размещены в вертикальных витринах, которые выдвигаются из стен, как двери в купе. Здесь можно найти отчеты филёров и списки тайных агентов (провокаторов) жандармов из числа ссыльных. Стены зала оформлены фотообоями с изображением вологодских улиц конца XIX века, экскурсовод покажет, где в городе размещались тюрьмы – в эту эпоху в небольшой Вологде работали четыре тюрьмы. Одну из них, пересыльную, можно увидеть из музейного окна. Сейчас в этом здании размещается налоговая инспекция.

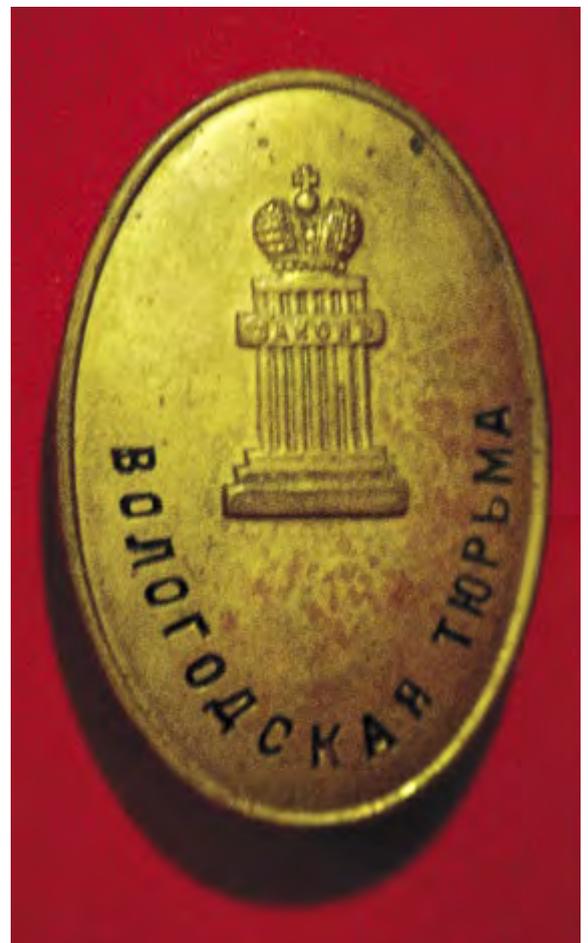
«Вологодская ссылка» – музей не только ссыльных, но и жандармов. В собрании представлено множество материалов об их работе

Например, философ Николай Бердяев, сосланный в Вологду за участие в студенческих беспорядках, жил в лучшей гостинице города, «Золотой якорь», которая существует по сей день. «В Вологде я чувствовал себя <...> свободнее, чем в Киеве, – писал Бердяев через четверть века. – Я сумел завоевать себе независи-

Многие здания, в которых располагались тюрьмы, сегодня стали банками, офисными центрами, учреждениями культуры

мость и от диктатуры ссыльных. <...> Когда я был в ссылке в Вологде, то побил палкой чиновника губернского правления за то, что тот преследовал на улице знакомую мне барышню». Мария Ульянова, отбывавшая вологодскую ссылку вместе с матерью, снимала трехкомнатную квартиру за 30 рублей в месяц. На лето семья Ленина отправилась к родственникам в деревню под Вологду. Впрочем, Марии Ильиничне и Марии Александровне регулярно напоминали о том, что в Вологду они не погостить приехали: выезд в деревню пришлось долго согласовывать, а летний отдых регулярно нарушался обысками.

Должностной знак тюремного надзирателя вологодской тюрьмы

«Изначально это здание было построено как ночлежный дом, но после 1905 года поток ссыльных увеличился, и его перестроили в пересыльную тюрьму, как и некоторые местные арестантские отделения, – рассказывает заведующая. – Вологду тогда называли «кандалный транзит». В углу музейного зала установлена фигура жандарма с огромным животом, в синем мундире и фуражке. Вероятно, для того, чтобы посетитель на себе мог ощутить, каково жить под постоянным наблюдением. От хмурого взгляда усатого жандарма в зале не скрыться. Первая русская революция стала водоразделом в истории вологодской ссылки. «Существенно изменился контингент ссыльных, – говорит Анна Шалыгина. – До 1905 года в Вологду приезжала интеллигенция, думающие люди, дворяне. А после этого – раз-

На поселение в Вологду отправляли и польских революционеров, в том числе семью будущего писателя Джозефа Конрада

ночинцы, бывшие студенты, рабочие, крестьяне». В донесениях вологодской полиции за 1907 год сообщается о том, что из-за увеличившегося потока ссыльных в городе участились кражи, вымогательства и другие пре-

ступления. От прежних ссыльных подобного беспокойства не было. «Новые ссыльные мотивировали кражи тем, что деньги требуются для нужд партии, – объясняет заведующая музеем. – Вологодское дворянство и купцы столкнулись

Заведующая музеем Анна Шалыгина говорит, что многие вологжане были недовольны тем, что город стал центром ссылки

с угрозами и вымогательством. Конечно, многие местные жители были недовольны таким соседством».

В 1911 году в городском театре Вологды произошло покушение на тюремного инспектора: социал-революционеры решили наказать его за то, что он отдал приказ подвергнуть телесным наказаниям (50 ударов розгами) взбунтовавшихся заключенных каторжного централа, недовольных условиями содержания. В инспектора стреляла молодая девушка-эсерка Лидия Руднева, специально для этого приехавшая в Вологду из Парижа. «Две пули попали в инспектора, одна в жену и одна в местную помещицу, – рассказывает Анна Шалыгина. – Видимо, по неопытности и неумению покушение у нее не получилось. Все пострадавшие выжили. Девушку задержать не удалось, она смогла сбежать из Вологды и вернуться во Францию. Долго велось следствие, арестовывали по-

литических ссыльных женщин. О том, что стреляла Лидия Руднева, которая умерла спустя год, стало известно из ее некролога в парижской газете социал-революционеров». Если когда-нибудь в Вологде откроют туристический маршрут

Старший помощник начальника Вологодской временной каторжной тюрьмы в 1905–1911 годах
М.С. Меркуриев

Жить приходилось там, куда распределяло руководство губернии. Большинство рвалось в города

по местам, связанным со ссылкой, в нее обязательно включают памятник знаменитому английскому писателю Джозефу Конраду, настоящее имя которого Юзеф Коженёвский. В 1862 году 5-летнего Юзефа привезли в Вологду к отцу, который был послан на Север за участие в польском революционном движении. Коженёвско-старшего, носившего имя Аполлон, приняли в вологодском обществе хорошо и называли Антоном.

Памятник его сыну установили в 2013 году на одной из центральных улиц Вологды, где стоял дом, в котором Коженёвские прожили около года. Жизнь среди ссыльных не прошла для Юзефа даром, несколько своих романов он посвятил революционерам, в том числе русским.

Часть своего детства будущий писатель-маринист провел между реками Вологда и Золотуха, которые в фантазии Конрада, в юности зачитывавшегося приключенческими романами, возможно, материализовались в виде тропической реки из его самого знаменитого сочинения, «Сердце тьмы».

Река из повести – тихая и сонная, с берегами, заросшими кустами и деревьями, за которыми скрываются опасности и открытия. Вологда ссыльная дарила своим непрощеным гостям, прибывавшим сюда не по своей воле, и то, и другое. ❶

РЯЗАНСКОЕ УЗОРОЧЬЕ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

РЯЗАНЬ ВСТРЕТИЛА МОРОЗЦЕМ. УКРЫТЫЙ СНЕЖНЫМ ПОКРЫВАЛОМ РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ МИРНО ДРЕМАЛ. ВСЕ ВОКРУГ БЫЛО БЕЛЫМ-БЕЛО. И НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО, ОКАЗАВШИСЬ В СЕНЯХ ПЕВЧЕСКОГО КОРПУСА КРЕМЛЯ, МЫ НА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД ЗАМЕРЛИ. КОНТРАСТ БЫЛ ВПЕЧАТЛЯЮЩИМ: СНАРУЖИ БЕЛОСНЕЖНАЯ КРАСОТА, А ЗДЕСЬ – МНОГОЦВЕТНЫЙ ОРНАМЕНТ ТРАВ И ЦВЕТОВ ПО ЯРКОМУ ЗОЛОТОМУ ФОНУ.

В РЯЗАНСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК (РИАМЗ) МЫ ПРИЕХАЛИ РАДИ ЭКСПОЗИЦИИ С ГОВОРЯЩИМ НАЗВАНИЕМ «ПО ОБЫЧАЮ ДЕДОВУ», ПОСВЯЩЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И БЫТУ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ XVII–XIX ВЕКОВ. ОНА ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОГРУЗИТЬСЯ В АТМОСФЕРУ ПОВСЕДНЕВНОЙ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ, ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ТРАДИЦИОННЫМ УКЛАДОМ ЖИЗНИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА. «ИДЕЯ ЭКСПОЗИЦИИ, – ГОВОРИТ ЗАВЕДУЮЩАЯ ОТДЕЛОМ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА РЯЗАНСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИКА ОКСАНА МИХАЙЛОВНА САХАРОВА, – ДАТЬ ОТВЕТ НА ВОПРОС, КАК ЖИЛИ ЛЮДИ В ТО ВРЕМЯ,

представить обыденную жизнь разных сословий, их обычаи, ремесла, окружавший их предметный мир. Мы показываем, как сохранялась и развивалась традиция на протяжении веков». В экспозиции представлена одна из лучших коллекций музея – текстильная, собиравшаяся более 120 лет и включающая свыше 4 тысяч предметов. Это и привозные узорные ткани XVII–XVIII веков, и металлическое кружево из серебра и золота тех же времен, и яркие народные костюмы XIX – начала XX века, и искусные образцы местных народных ремесел. Все вместе они составляют самобытное рязанское узорочье.

Интерьер палат Певческого корпуса Рязанского кремля. Обстановочная сцена «Смотрины невесты»

Заведующая отделом декоративно-прикладного искусства РИАМЗ Оксана Михайловна Сахарова

Золото-серебряное кружево
XVII–XVIII веков

УЗОРОВ ХОРОВОД

Но сначала мы полюбовались узорами на стенах и сводах сней и палат белокаменного Певческого корпуса, построенного в 1658 году. Эти росписи были восстановлены реставраторами по немногим сохранившимся фрагментам. Подобные орнаменты в XVI–XVII веках украшали стены храмов, царских и боярских хором. Вторят им узоры нарядной, как девица на выданье, изразцовой печи «на воздушях» – одного из главных элементов интерьера богатого жилища того времени. Ее возвели в одной из палат на изначальном месте, реконструировав по подлинным образцам второй половины XVII века.

Архитектурно палаты Певческого корпуса почти полностью соответствуют типичным покоям знатных и состоятельных горожан XVII века. Поэтому сотрудники музея едва ли погрешили против истины, представив на первом этаже сцены их домашнего быта. А сами покои условно разделены на мужскую и женскую половины дома, как предписывал в допетровской Руси главный свод правил семейной и духовной жизни – «Домострой».

В мужской половине устроена инсталляция, воссоздающая бе-

На женской половине дома девушки традиционно занимались рукоделием

Обстановочная сцена «Беседа воеводы с московским стольником»

Ткани XVII века – аксамит «веницейский гладкий» и два вида турецкого бархата

седу воеводы, назначенного в уездный центр «на воеводство прокормиться», и приехавшего к нему с проверкой московского стольника. Росписи стен палаты, в которой восседают главный чиновник Переяславля-Рязанского – так до 1775 года именовался город, – и его столичный гость, перекликаются с узорами на лавках, сундуках, ларцах, заполняющих покои, и даже одежде.

В XVI–XVII веках состав и покрой костюма знатного и крестьянского сословий был во многом сходен. Основные отличия заключались в количестве одновременно надеваемых одежд, а также роскошности и стоимости материалов, из которых она была сшита. В допетровское время в Русском государстве еще не существовало налаженного выпуска драгоценных узорных тканей, поэтому богатые и влиятельные вельможи обычно носили одежду из привозных многоцветных шелков и бархата. Подлинный аксамит «венецианский гладкий» (самая дорогая ткань на Руси XVII века), турецкий бархат, иранский атлас, украшенные орнаментами из диковинных заморских птиц, трехзубчатых корон, стилизованных кипарисов и плодов граната, представлены в одной из витрин экспозиции. На воеводе и стольнике – условные реконструкции древних костюмов, созданные из современных материалов. Кафтан воеводы украшает высокий, закрывающий затылок воротник-козырь. Богато расшитый серебром и золотом, низанный жемчугом, разукрошенный бисером или драгоценными камнями, в XVII веке он

Фрагмент женского головного убора, украшенного золотым шитьем. XVIII век

Атлас с рисунком из кипарисов, плодов граната и павлинов. Иран. XVII век

составлял особый предмет щегольства знати. Отсюда в русском языке закрепилось выражение «ходить козырем», то есть щеголять.

В расписных сундуках, ларцах «теремках», ларцах-подголовниках, расставленных по палате, частью подлинных, а частью – реконструированных, помимо книг хранилась «мягкая рухлядь». Она, как ни странно современному человеку, не имела ничего общего с ветхой одеждой или поломанной мебелью. Слово «рухлядь» – от глагола «рушить», «рухать», то есть двигать – первоначально обозначало «движимое имущество». В XVII веке

Открытый сундук с приданым невесты – головными уборами

«мягкой рухлядью» называли ценную пушнину, которой «жаловались» служилые люди. Дорогостоящий мех выступал денежным эквивалентом, своего рода «мягким золотом».

На женской половине дома, где, по задумке сотрудников музея, «живут» жена рязанского воеводы и его дочери на выданье, стоят раскрытые сундуки, ларцы, шкатулки: так в старину хвалились богатым приданым. В них выставлено напоказ драгоценное золото-серебряное кружево, шитые золотом головные уборы. Привозное металлическое кружево стало известно на Руси с XVI века. В следующем столетии оно обрело широкую популярность, так как кружевные узоры прекрасно гармонировали с крупноузорными тяжелыми тканями для одежд.

Украшенные золотым шитьем головные уборы составляли самую ценную и дорогую часть приданого, поэтому их открыто демонстрировали при приготовлении к свадьбе. В свадебном чине «Домостроя» подробно описана сцена, когда на блюдо возле «места» молодых в доме невесты «положити кика да положити под кикой подзатыльник, да подубрусник, да волосник, да покрывало». Представленная в музее сцена изображает старую боярыню-сваху и невесту, показывающую ей свое приданое.

ТРУД, РОЖДАЮЩИЙ КРАСОТУ

По узкой винтовой лестнице поднимаемся на второй этаж и переносимся на пару столетий: из расписных палат богатых горожан XVII века мы попадаем в крестьянскую избу века XIX. Здесь у посетителей музея есть возможность увидеть тех, кто

когда-то мог в ней жить: со старинных фотографий на нас смотрят уставшие от забот, но светлые и мудрые лица крестьян. В музее представлены также необычайно выразительные рисунки и акварели, «выполненные в начале XX столетия художниками, которые вместе с исследователями-этнографами

На старинном ткацком стане из музейных фондов и сегодня можно ткать

занимались изучением жизни рязанских крестьян», – замечает Оксана Михайловна. Среди них есть оригинальные работы Любови Милеевой – ученицы Павла Филонова.

Некоторые фотографии и рисунки показывают крестьянок в процессе занятий традиционными видами домашних рукоделий: от прядения до кружевоплетения. И почти везде рядом со взрослыми находятся дети. Прясть девочек обучали с 5–6 лет, к ткачеству приобщали чуть позже – к 7–8 годам, когда руки набирали силу. Приданое девочки заготавливали себе сами, поэтому к возрасту «на выданье» они становились уже знатными мастерицами. В годовом цикле крестьянской жизни время для рукоделий приходилось на зимнюю пору, когда основной груз сельскохозяйственных работ оставался позади. В это время крестьянки пряли, ткали, плели, шили, вышивали, вязали.

Образцы закладного и браного ткачества. Веретена, приборы для перемотки и щеть для чесания шерсти. XIX век

Центральное место в экспозиции занимает подлинный ручной ткацкий стан 1860-х годов, бережно сохраненный в фондах музея. На нем и сейчас можно ткать. Но сначала нужно напрясть столько нитей, чтобы хватило на создание тканей для пошива приданого к

На акварелях, сделанных этнографами в начале XX века, реальные жители рязанских сел

свадьбе, если прядла девушка, или для пошива одежды на всю семью, коли прядла замужняя женщина. С октября по март длинными вечерами и даже ночами прапрапрабабушки современных рязанок по обычаю собирались на посиделки – прядь. Девушки вставляли в светец лучину, насаживали на гребень прялки кудель, брали в правую руку веретено, запевали песню и начинали «тянуть нить судьбы». Почти в прямом смысле этого выражения. Ведь умение девицы ровно и тонко прядь нить увеличивало ее шансы на удачное замужество – «тонкопряхи» очень ценились. К тому же процесс прядения был традиционно связан с различными обрядами и гада-

ниями, предрекающими судьбу. Нерадивые пряхи в рязанских селениях накануне Рождества побаивались прихода мифической бабки Коляды, проверившей, кто сколько успел напрясть к этому времени. Как гласила народная мудрость, «у ленивой пряхи и для себя нет рубахи». Великим постом начинали ткать. В ход обыкновенно шли конопляные, разной выделки шерстяные нити, более ценные льняные нити, а с середины XIX века – покупная хлопчатобумажная пряжа фабричного производства, называемая в народе «бумага». Горизонтальный ткацкий стан – «колода» – стоял почти в каждом рязанском крестьянском доме. Большинство необходимых для

Деревенская улица.
Художник Любовь Милеева.
Начало XX века

жизни всей семьи текстильных вещей (полотенца, столешники, половики, занавески, постельное белье, одежду) женщины изготавливали своими руками. С одной стороны, фабричные ткани многим крестьянам были не по карману, с другой – сотканная своими руками домотканина надеялась свойствами оберега. Ткачество на ручном ткацком стане было делом длительным и кропотливым. По словам исследователей народных ремесел, на изготовление 1 квадратного метра полотна уходило до четырех дней. Поздней осенью и зимой крестьянская семья, ради дополнительной копейки, которая никогда не была лишней, ткала и на продажу, вовлекая в процесс всех домочадцев – от детей лет с 10 до старух. Скорость тканья во многом зависела от умений мастериц и затейливости тканых узоров.

ТКАЛИ «ПО ОБЫЧАЮ ДЕДОВУ»

Рязанки искусно владели такими сложными техниками узорного ткачества, как закладное и браное тканье. С их помощью они создавали богатые по колориту и орнаменту нарядные ткани, ставшие своего рода визитной карточкой рязанского народного костюма. Даже спу-

Женские костюмы Сапожковского и Рязского уездов: с понёвой, юбкой-андаракон и сарафаном

Образцы красочных узоров сапожковских закладов

стя столетия они притягивают взгляд симметричным разноцветным орнаментом на киноварном, темно-вишневом или мягко-коричневом фоне. Во второй половине XIX и начале XX века ярким по самобытности центром закладного узорного ткачества, известным не только на Рязанщине, но и за ее пределами, считался Сапожковский уезд. В древнем городе Сапожке и прилегающих к нему слободах ткали широкие, многоцветные, с геометрическими узорами двусторонние полосы, прославившиеся как «сапожковские заклады». Они шли на украшение рукавов и подолов женских рубаш, передников-запонов, но более всего – на знаменитые сапожковские шупшаны (верхняя распахивающаяся одежда из белой шерстяной домотканины. – Прим. авт.). Пламенеющий цвет узорной каймы резко контрастировал с белоснежным фоном одеяния, как будто солнечное тепло согревало посреди холодной зимы, придавал удивительную звучность и радость костюму. Для создания такой каймы мастерицы на ручном ткацком

Образцы узорного ткачества – закладного и браного

стане по льняным или конопляным нитям основы красного цвета прокладывали (закладывали) участки шерстяных, хлопчатобумажных, реже шелковых нитей утка – синего, зеленого, желтого, белого цветов. Они образовывали красочный орнамент, состоящий из простых геометрических фигур. «Каждый участок одного цвета был строго ограничен по счету нитей, и между соседними цветами при тканье получались небольшие узкие вертикальные просветы-зазоры» – это, как поясняют в музее, характерная деталь закладного сапожковского ткачества.

Ткали узоры, что называется, «по обычаю дедов». По словам сотрудников музея, в узорочье сапожковского ткачества, образцы которого представлены в РИАМЗ, сохранились «многие черты, которые были известны уже у древнеславянских народов». В основном это разнообразные вариации архаичных косых крестов и гребенчатых ромбов – в местной традиции «орепьев», символизировавших солнце. Ведь «в народном орнаменте, – отмечал исследователь истории Древней Руси академик Борис Рыбаков, – как в древних письменах, отложилась тысячелетняя мудрость народа, начатки его мировоззрения и первые попытки человека воздействовать на таинственные для него силы природы средствами искусства».

Почти в каждом селении бытовал свой мотив орнамента и его местные названия. «Крючки», «гребешки», «ветрянки», «солнышки», «гусары», «лягушки» в соответствии с выверенной веками геометрической композицией и гармонией цветовых сочетаний украшали сапожковские заклады. По сей день исследователи относят их к ряду лучших художественных образцов народного творчества. В сложной технике узорного браного тканья в Мещёрском крае на севере Рязанщины ткали наиболее древний и редкий

Женские тяжелые понёвы в технике узорного браного ткачества: «репейница», «челноками», «полосатка», «синятка»

Фрагмент рисунка старинной понёвы «конитница»

тип понёв (понёва – юбка замужней женщины. – Прим. авт.), мало распространенный на территории России. «Места эти глухие, в стороне от промышленных районов и бойких больших дорог, – отмечала известный исследователь народного костюма Мария Николаевна Мерцалова, – поэтому медленно изменялись здесь обычаи, крепче держались люди за старину, выполняя все, что делали их деды и прадеды. А сохранилась здесь особенная понёва. Особенная и по способу тканья, по цвету и по рисункам».

Двухосновные тяжелые красные понёвы с синими полоса-

ми были вдоль и поперек раз- узорены расположенными в симметричном порядке мотивами свастики – древнего солнечного знака. Различались понёвы по образным названиям рисунков, вытканых белыми нитками: «коситницы», «грабельницы», «репетницы», «конитницы». Последнее название, по выражению этнографа, исследователя материальной культуры русской Мещёры Бориса Алексеевича Куфтина, «связано с названием свастики <...> – «кбнями» или, как мне старались объяснить крестьянки, «конёвыми голяшками». Конь, как известно, имел отношение к изображению движения солнца по небу.

Понёвы получались тяжелыми, вес их порой доходил до 1,5 килограмма, потому что состояли они как бы из двух тканей: шерстяной с лица и посконной (конопляной) с изнанки, проникающих друг в друга в процессе сложного браного ткачества. Такую понёву Борис Куфтин считал «наиболее технически развитой и художественно богатой во всей Великороссии». Недаром в старину говорили, что «рязанскую понёву и за кремлем видно».

РАЗРЯДИЛАСЬ КАК РЯЗАНСКАЯ БАБА

Рязанская земля издревле славилась талантами: искусными златокузнецами, гончарами, плотниками. Эти ремесла традиционно были мужскими. Но эта же земля взрастила и удивительно искусных мастериц, создавших один из самых ярких, звонких по цвету и самобыт-

ных народных костюмов среди южных губерний России. В создании одежды и занятиях традиционными рукоделиями рязанские женщины воплощали свою мечту о красоте. Рязанский писатель Василий Селиванов в середине XIX века писал, что на Масленицу «веселые толпы прекрасного пола, в нарядах, в которых преобладают

Разнообразно декорированные рубахи-долгорукавки и наверхники Рязанской губернии. Конец XIX – начало XX века

цвета красный и белый, издали походят на участки земли, засеянные маком, в то время года, в которое мак бывает в полном цвету». Невероятно красочные и радостные наряды рязанских женщин во всем своем многообразии стали в начале XX века источником вдохновения для художника Филиппа Малявина. А его картины превратились в живописную оду жизнеутверждающему рязанскому костюму. Несмотря на общее название «рязанский народный костюм», сам он, по словам видного этнографа и собирателя этнографической коллекции РИАМЗ Натальи Ивановны Лебедевой, представляет собой «сложный конгломерат элементов, появившихся на протяжении долгой и сложной истории». Веками происходило смешение культур и традиций разных этнических групп, заселявших Поочье. Служилые люди, прибывавшие в эти места в XVI–XVII веках для защиты южных

Шейные украшения из бисера – ожерелки. XIX век

границ Русского государства, также привносили свои обычаи и костюм. И потому не стоит удивляться, что на территории Рязанщины бытовали все три основных комплекса традиционной русской женской одежды, характерных в целом для России: с понёвой, с сарафаном и с юбкой-андараком. Каждый из них представлен в музее. Обширная текстильная коллекция РИАМЗ включает и традиционную одежду других народностей, проживавших и проживающих ныне в этих местах. Это финно-угры (мордва-эрзя и мордва-мокша) и тюрки (касимовские татары). Самым распространенным типом костюма русского населения был так называемый понёвный – наиболее архаичный и преобладавший в большинстве южных губерний страны, к которым относилась и Рязанская. Полный праздничный наряд замужней женщины включал рубаху, понёву, пояс, передник,

слева направо: костюмы Михайловского уезда, один из которых – с вышитым передником и головным украшением «крылышки» – свадебный. Далее костюмы Окского района, один из них – просватанной невесты – с рубахой-долгорукавкой, понёвой и венцом «коруной»

Девичий головной убор – очелье «налобник». XIX век

нагрудник, кичкообразный головной убор типа сороки, украшения из птичьих перьев и бисера, обувь, плетенную из лыка или кожаную. Даже из беспристрастного перечисления предметов костюма складывается впечатление, что наряжаться рязанки умели и любили. А уж если представить, что костюмы были украшены разнообразным

узорным шитьем, цветным кружевом, и добавить к этому обилие красного цвета с вкраплениями синего, зеленого, желтого, белого цветов, станет понятным выражение «разрядилась как рязанская баба». Костюмный комплекс с сарафаном был менее распространен на Рязанской земле. Однако именно с ним связан, пожалуй, самый не-

Крестьянки Пригородной слободы г. Данкова в однодворческих костюмах. 1924 год

обычный и почти мифический женский костюм, который носили в XIX веке в среде однодворцев Пригородной слободы Данковского уезда. Он известен по единственной фотографии, хранящейся в музее. Его же описывала Мария Николаевна Мерцалова в книге «Поэзия народного костюма». «Молодые женщины «однодворки», – замечает она, – носили белые кисейные или из миткаля рубашки и «сарафаны-перышки» из покупных тканей, дополнявшиеся совсем малень-

кой нагрудной одеждой на лямках – «бострог». Это был обычный костюм в местах, где носили сарафаны, но к нему надевали широкую длинную занавеску – «дымку» из очень тонкой прозрачной кисеи или даже тюля. Пышные рукава дымки, торчащая узкая в густую сборку оборка, пришитая на уровне груди, сама занавеска из прозрачной ткани окружали женщину зыбким облаком, создавая впечатление видения, закрытого туманом, способного вот-вот растаять в воздухе».

Женские головные уборы Рязанской губернии. XIX век

Образцы крестьянской вышивки. XIX век

Женский костюм с юбкой-андараком также носили однодворцы, то есть потомки служилых людей, присланных в XVI–XVII веках защищать рубежи Руси. Этот костюмный комплекс отличала красочная, с продольными полосами синего, красного, зеленого цветов юбка из шерстяной дмотканины. Одежда однодворцев долгое время сохраняла неизменными покрой, форму и украшения тех мест, откуда они прибыли.

...За стеклом витрин рязанского музея хранятся настоящие жемчужины, чудом уцелевшие до наших дней благодаря тому, что поколения музейщиков старательно собирают и хранят эту с «головкружительной быстротой убегающую старину». Вскоре все сокровища обретут новое место жительства: музей готовится покинуть исторические стены кремля и переместиться в современное здание специально построенного Музейного центра. Старинные ткани и костюмы ждет новая жизнь.

Многоликий рязанский народный костюм хранит историю Рязанского края, знакомство с ним – это знакомство с прошлым, с традициями предков, утверждение их в умах, душах, творчестве. Ведь без прошлого, как известно, нет будущего. 📌

В ОКЕАНИЮ НА «КОРОМЫСЛЕ»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ТРОЕ ЯХТСМЕНОВ ИЗ ПЕТЕРБУРГА НАМЕРЕНЫ ОТПРАВИТЬСЯ К ОСТРОВАМ МИКРОНЕЗИИ В ОКЕАНИИ. К УДАЛЕННЫМ КОРАЛЛОВЫМ АТОЛЛАМ КОМАНДА ПЛАНИРУЕТ ПЛЫТЬ НА ТРАДИЦИОННОМ МИКРОНЕЗИЙСКОМ ПРОА – САМОМ БЫСТРОХОДНОМ ПАРУСНИКЕ ПРОШЛОГО, ВОССОЗДАННОМ ПО УНИКАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ ОТТО КОЦЕБУ 1815–1818 ГОДОВ.

ЭТИ ТРОЕ – ПАВЕЛ Дудченко, Арина Лебедева, Илья Адамчик. Объединяет их любовь к путешествиям под парусом, в остальном же люди они очень разные. И в проекте каждый решает свои задачи: Павел – профессиональный яхтсмен, будет испытывать модель и управлять судном в океане; Арина – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела этнографии Австралии,

Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (более известного как Кунсткамера), занимается исторической и научной подоплекой проекта; Илья – кораблестроитель, ответственный за создание экзотического судна.

Встретились мы в петербургской яхтенной школе. Расселись за столом вокруг полутораметровой модели микронезийского проа, изготовленной Ильей.

РАЗНЫЕ ПУТИ

Идея исторической реконструкции родилась у Павла Дудченко во время кругосветного плавания по островам Океании.

– Европейская цивилизация и островитяне изначально шли разными путями в освоении океана, – рассказывает Павел. – Европейцы для дальних плаваний строили большие суда, способные перевозить много продуктов, много людей. Предки микронезийцев были ограничены в ресурсах, они делали упор на скорость – строили легкие суда, способные за короткое время уйти максимально далеко. Древние корабли эмпирическим путем освоили сложнейшие принципы кораблестроения. Созданные ими проа были одними из самых быстроходных судов в мире, благодаря чему они смогли достичь удаленных островов Тихого океана, крошечных коралловых атоллов. Европейская колонизация привела не просто к упадку,

Илья, Павел и Арина. Парусный спорт объединяет энтузиастов уже много лет

Застать Павла Дудченко в Петербурге было не так просто. Большую часть года он проводит на яхте в море

а к фактическому исчезновению традиционного мореплавания. Сейчас в Микронезии если и увидишь традиционные суда, то по большей части утрированные, сделанные обществами возрождения традиционного мореплавания. В основном же все используют современные лодки с моторами.

Ко времени своего кругосветного путешествия Павел уже был знаком с работами Арины Лебедевой. Арина Александровна еще в студенческие годы увлеклась мореплавателями Океании и продолжает разрабатывать эту экзотическую для отечественной науки тему.

В 1947 году Тур Хейердал пытался доказать заселение островов Полинезии и Микронезии из Южной Америки – прошел на плоту из Перу на острова Туамоту. Путешественник привлек внимание всего мира к этому вопросу, но его предположение оказалось ошибочным.

– Позднейшие научные исследования, – говорит Арина Лебедева, – указывают, что острова западной Микронезии (Каролинские, Марианские, Палау) начали заселять около 4 тысяч лет назад выходцы из Юго-Восточной Азии, прежде всего с Филиппин. Восточные архипелаги были освоены позднее, спустя примерно тысячу лет, предположительно

пришедшими с юга выходцами из Меланезии. Таким образом, заселение микронезийских островов происходило, во-первых, не «прямолинейно» с востока на запад, а во-вторых, даже существующая схема достаточно условная и, скорее всего, упрощенная. Надо отметить, что многое в истории освоения Микронезии остается под вопросом. Связано это с тем, что большинство островов очень маленькие, археологических памятников на них почти не сохранилось. Наш проект на данном этапе имеет цель провести испытания модели проа, что может дать материал для понимания возможностей древних мореплавателей и причин выбора ими тех или иных путей.

КОЦЕБУ И ТОТАБУ

– Ранних источников, достоверно описывающих традиционное мореплавание в Океании, крайне мало, – продолжает Арина Александровна. – И здесь очень важное место занимают материалы первых российских кругосветных плаваний под командованием Отто Коцебу и Федора Литке. В отличие от других европейских мореплавателей, которые в первую очередь ставили цель колонизировать территорию, наши экспедиции имели главным образом научную направленность. В их составе были географы, эт-

нографы, натуралисты, рисовальщики. В нашем случае в основу реконструкции легли материалы из плавания Отто Коцебу на бриге «Рюрик» в 1815–1818 годах. Финансировал предприятие граф Николай Петрович Румянцев – впервые в отечественной истории такая масштабная научная экспедиция предпринималась на частные деньги.

Подготовкой путешествия занимался Иван Федорович Крузенштерн. К тому времени нашему первому кругосветчику уже было не под силу возглавить столь серьезное плавание, по его предложению, командование было возложено на 27-летнего лейтенанта Отто Евстафьевича Коцебу. Следует отметить, что Коцебу еще 15-летним юнгой на шлюпе «Надежда» ходил в кругосветное плавание с Крузенштерном.

В Микронезии Коцебу побывал дважды, в ходе первого и второго кругосветных путешествий, открыв практически всю островную цепь Ратак – одну из двух островных цепей, составляющих Маршалловы острова. Поначалу были открыты атоллы Утирик и Така, названные в честь Кутузова и Суворова, группа Вотье, названная в честь графа Румянцева. Плавание на «Предприятии» в 1823–1826 годах позволило нанести на карту атоллы Ронгерик, Ронгелап и Бикини.

Участниками экспедиции сделаны первые описания проа аборигенов. Быстроходность и маневренность этих крайне странных, с точки зрения европейца, судов нельзя было не отметить. Они с легкостью догоняли и обгоняли «Рюрик», и аборигены то и дело отпускали паруса, дожидаясь, когда русский корабль вновь поравняется с ними. Исследователи смогли наладить хорошие отношения с микронезийцами, поначалу общаясь знаками, жестами, рисованием на песке, затем с обеих сторон было выучено несколько слов. В знак особого расположения островитяне обменивались с русскими именами, забавно искажая их. Так, микронезийский «побратим» Коцебу называл себя «Тотабу».

ЭКСПОНАТ С ОСТРОВОВ РУМЯНЦЕВА

Микронезийское проа – это разновидность каноэ с одним аутригером, или балансиром, – параллельным корпусу поплавком, закрепленным на некотором расстоянии от борта. Русские моряки прошлого называли аутригер «коромыслом». При наклоне (крене) корпуса аутригер поднимается над водой, уменьшая сопротивление водной среды. Узкий и длинный корпус (как говорят моряки, «длина бежит») и некоторые другие конструктивные нюансы позволяли лодке развивать поразительную скорость. Оттого европейцы и прозвали эти суда «летучими проа».

Коцебу настолько заинтересовался экзотическим судном, что поначалу решил попросить местных корабельщиков построить такое же и забрать его с собой. По неизвестным причинам этого осуществить не удалось: ограничились тем, что с одного из каноэ островитян сняли обмерные чертежи, а после возвращения из экспедиции по ним изготовили модель проа. Она сохранилась в корабельном фонде Центрального военно-морского музея в Петербурге. Исходные чертежи где-то затерялись. Что, в общем, неудивительно – со времен Коцебу отечественные ученые этой темой не занимались. Если, скажем, к Папуа – Новой Гвинеи еще проявляется интерес, то Микронезия давно забыта – к России, как кажется, эти крошечные острова на другом конце света никакого отношения не имеют.

– За неимением чертежей мы пошли от обратного: сняли обмеры с модели, – рассказывает Арина Лебедева, – на их основе Дмитрием Чирковым была изготовлена 3D-копия. Цифровые данные позволили работать с сечениями, масштабом и другими конфигурациями, необходимыми для создания увеличенной копии. Подходящим масштабом был выбран 2:1 – модель получалась достаточного размера для испытаний на воде и не слишком громоздкая.

Примечательно, что изначально модель проа в музее значи-

Арина Лебедева – редчайший отечественный ученый, специализирующийся на Микронезии

лась как полинезийское судно. Мне было достаточно одного взгляда на нее, чтобы узнать в ней микронезийское и, более того, по ряду характерных деталей, именно маршалское каноэ. Дело в том, что экспонат изначально был атрибутирован как модель с островов Румянцева. При изучении материалов экспедиции выяснилось, что в честь своего благодетеля Коцебу назвал две группы островов: в Полинезии в архипелаге Туамоту и группу атоллов на Маршалловых островах в Микронезии. На современных картах, к сожалению, никаких островов в Океании с русскими названиями не сохранилось.

Отто Евстафьевич Коцебу. В ходе кругосветного путешествия им было открыто более 300 островов

«РЕВУЩИЕ СОРОКОВЫЕ»

Глядя на модель проа на столе, которую мы изучали со всех сторон, даже немореплаватель задумается: как это «коромысло» сможет в шторм устоять?

– Вопрос ветро-волновой устойчивости малопонятен, – говорит Павел. – Хотелось бы его изучить и испытать лодку в реальных ситуациях. А что касается Микронезии, то это акватория с предсказуемой погодой – стабильными ветрами и течениями. Большую ее часть занимает зона юго-восточных пассатов с удобными для паруса ветрами. Хотя немного южнее, ниже тридцатого градуса южной широты, дуют сильные западные ветра – «ревущие сороковые», как их называют яхтсмены.

– Мы доподлинно не знаем и никогда не узнаем, сколько древних мореплавателей смогло добраться до далеких островов, а сколько нет, – рассуждает Арина Лебедева. – Нужно полагать, именно в драматических ситуациях в море оттачивалось мастерство мореходов,

совершенствовалась конструкция судов. Лодки переселенцев, скорее всего, были такими же, какими их увидели первые европейские мореплаватели в Микронезии. На эту мысль наводит, в частности, тот факт, что на всех микронезийских архипелагах каноэ чрезвычайно близки по типу и конструкции. Создается впечатление, что такой тип сформировался вне региона и стал тем судном, которое и позволило достичь этих отдаленных островов.

Дело в том, что суда с одним балансиром в Океании встречаются двух типов: у одних фиксированные нос и корма – ходят они вперед одним концом, если так можно выразиться. Микронезийские же каноэ, в том числе и обмененные экспедицией Коцебу, адаптированы к двустороннему движению. При смене галса парус переносится не с борта на борт, а с кормы на нос и обратно. Скорее всего, это самый поздний вид судов с ауригером и, как кажется, самый технологичный.

ПИТИЕ ИЗ ГЛУБИНЫ МОРСКОЙ

– Нашим исследователям островитяне рассказывали о дальних странствиях на проа? – интересуюсь я.

– Как уже говорилось, в настоящее время мореплавание утратило свои функции и роль в культуре. Однако известно, что в прошлом островитяне совершали дальние плавания. Так, обитатели островов Яп (Каролинские острова) были в торговых отношениях с жителями группы островов Палау и острова Гуам (Марианские острова); первая находилась на расстоянии 400 километров, второй – более 800 километров. Отто

Илья поправляет снасти на модели. Кажется, они гораздо сложнее устроены, чем у натуральной лодки

Встреча Отто Коцебу на острове Отдиа во время второго путешествия в Микронезию. Рисунок Самюэля Фримана

Коцебу описывает интересную встречу на Маршалловых островах с выходцем с Каролинских островов. Островитянин с тремя соплеменниками ушли на дальнюю рыбалку, попали в шторм и сбились с пути. Они блуждали по морю восемь месяцев, пока их не принесло к острову Аур на Маршаллах, на 1500 миль восточнее от родного берега, где они и остались жить. Коцебу отмечает, что это расстояние было проделано против ветра – северо-восточного пассата. Время скитаний они исчисляли по луне – связывали на веревке узел при каждом новолунии. Литке, впрочем, комментируя этот рассказ, полагает, что они вполне могли ошибиться и преувеличить время скитаний.

От голода их спасла рыбная ловля, от жажды – дождевая вода. Когда ее не хватало, воду для питья доставали из глубины. Известно, что соленость воды на разной глубине может быть разной. Островитянин нырял с пустым кокосом, набирая в него через небольшое отверстие воду. Сложно представить, что соленость воды на глубине, доступной ныряльщику, сильно отличалась, но сам эпизод очень красноречив. Ясно, что люди, обитавшие в океане, были готовы к подобным странствиям – хорошо знали море, как в нем выживать, не впадали в панику, сбившись с пути.

Также они обладали хорошими знаниями об окружающих островах, могли надолго уходить на сезонные промыслы. Оперировали они, конечно, не милями или километрами, а днями пути. Для русских исследователей они изображали своего рода карты, выкладывая на песке камушки, ракушки, кораллы. При сопоставлении этих данных с географическими картами, как правило, находились подтверждения, от островитян могли быть получены даже более точные сведения или совсем новая информация.

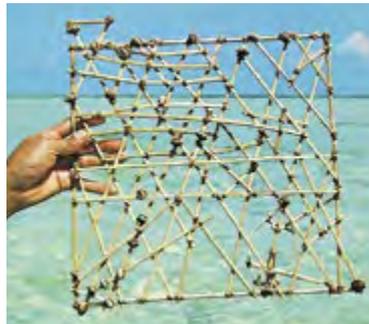
ВОЛНОВЫЕ КАРТЫ

– Вот это совершенно непостижимо: как они ориентировались на таких огромных пространствах без специальных приборов? – удивляется Павел. – Европейцы для навигации использовали сложные инструменты. Например, хронометр, показывающий точное время по Гринвичу – так днем можно ориентироваться по солнцу. Ночью измеряли угол между светилом и горизонтом – само собой, требовались определенные умения сделать это при низкой облачности, когда и линия горизонта почти не видна. Островитяне Океании использовали совершенно другой подход. Видимо, для навигации они использовали знания об окружающей среде: повадки рыб, птиц, морских животных, многое могут рассказать планктон, водоросли, цвет воды. Также ориентировались по светилам, но, разумеется, вне понятия географических координат. А самая загадочная вещь – волновые карты.

Маршалловы острова расположены в зоне прохождения экваториальных течения и противотечения. Наложение на них ветровой волны само по себе создает специфическую структуру. Дополнительно каждый остров влияет на форму и направление движения волны. Изменение характера волн аборигены могли замечать за несколько десятков миль до острова. Еще в начале XX века путешественники видели на островах волновые карты – в виде некоей рамки, изготовленной из прутиков, на которые нанизаны ракушки. Вероятно, это обозначения формы, длины волн, их частоты и особенностей пересечения. Подобные «карты» получили распространение только на Маршалловых островах, вследствие указанных особенностей акватории.

– А еще на форштевне традиционных судов встречается такая развилка. – Арина наглядно показала вариант конструкции, приложив «галочку» из пальцев к корме модели проа. – Я видела

Примерно так выглядела волновая карта. Данный экземпляр, скорее, сувенир для туристов в Океании

такие суда на островах Яп. Из работ этнографов было известно, что местные мореплаватели могут сравнивать части судна с частями тела человека, животных, птиц. Встречалась информация, что развилка на форштевне олицетворяет хвост птицы фрегат – у корабелов фрегат вообще может быть тотемом.

Стараюсь продемонстрировать знания перед строителем лодки, спрашиваю про развилку: это хвост птицы? «Да что ты, – удивился он. – Глаз!» Кормчий идет по этой развилке как по мушке прицела: ночью «на прицел» можно брать звезды, днем – облака, удерживая таким образом нужное направление.

«ЖУЙ КОКОСЫ, ЕШЬ БАНАНЫ...»

Арине Лебедевой довелось видеть микронезийский мир своими глазами. В 2012–2013 годах она совершила две экспедиции к островам Яп на западе Каролинского архипелага. На самолете.

– Европейскому обывателю кажется, – рассказывает Арина, – что жизнь на экваториальном острове – рай. «Жуй кокосы, ешь бананы», и все эти радости падают сами собой с пальмы. На самом деле по пищевой безопасности атоллы можно сравнить с

Каноэ на острове Аилук (Коцебу назвал его островом Крузенштерна) в цепи Ратак. Рисунок Луи Хориса

полярными широтами. Ресурсы там очень ограничены: очень тонкий слой плодородной почвы, покрывающей известняковое основание; мало деревьев, виды ограничены. Прошел ураган – деревья повалило. Острова, как правило, низкие, во время сильного тайфуна волны просто перекатываются через остров. Итог: источники питьевой воды засолились, огороды засолились, деревья поломало, лодки смыло. Людей может унести в море. Чтобы спастись, островитяне привязываются к пальмам.

Сейчас, конечно, на пострадавшие от тайфуна острова сразу выходит спасательный катер. Сегодня на многие острова Микронезии проникла цивилизация, даже в затерянных в джунглях деревеньках есть водопровод, электричество, все островитяне «вооружены» смартфонами. В то же время на удаленных атоллах сохраняются многие черты традиционного уклада. Мне так далеко забраться возможности не было, а этнографы из Австралии и США там работают. Правда, по моей теме они дают крайне скудную информацию. С одной стороны, потому что традиционные суда даже там уже редкость. С другой – чтобы развернуто писать об этом, нужно разбираться в кораблестроении.

В последние десятилетия в Океании возобновляется интерес к традициям мореплавания. Создаются общества по его возрождению, строят реплики старинных судов, на которых пытаются повторить исторические плавания. Показательно, что реконструкторы маршалльских каноэ особо отмечали материалы экспедиции Коцебу как один из лучших источников по традиционным судам. При этом они основывались только на опубликованных источниках и не знают о существовании в России модели.

Дважды мне довелось оказаться на борту современных реплик традиционных микронезийских каноэ. Первый раз я была

В яхтенной школе на фоне классических парусников модель проа смотрится таким инопланетянином...

просто пассажиром – судно оказалось тяжелое, управлять им я бы не смогла, с этим едва справлялся крупный мускулистый мужчина – рулил большим веслом, помогая себе ногами. В другой год меня посадили на каноэ поменьше и доверили работать на шкоте (веревка для регулировки положения паруса. – Прим. авт.). Особенность этих лодок в том, что ими можно эффективно управлять парусом почти без использования руля или так называемого рулевого весла. При необходимости сменить направление на противоположное подключается весь экипаж: мачту и парус с оснасткой переносят на другой конец лодки.

ВОДА ПОКАЖЕТ

Илья продемонстрировал, как маневр с переносом оснастки выглядит на радиоуправляемой модели. Нажал на кнопки дистанционного пульта управления, и веревки перетянули парус к противоположному концу – корма поменялась местами с носом. – Когда мы снимали размеры с музейной модели, – рассказывает Илья, – поняли, что лодка хоть и выполнена качественно,

но сделана не судомоделистом, а обычным плотником. Впрочем, технологии судостроения островитян налицо, и они поражают. Например, асимметричный корпус (подводного крыла, которое противодействует дрейфу и создает подъемную силу. – Прим. авт.), как на современных яхтах. Асимметричный корпус сам создает подъемную силу. Навстречный борг у проа более выпуклый, подветренный уплощен – по ватерлинии корпус имеет профиль крыла, – лодка сама начинает забираться на ветер, то есть стремится при движении несколько уменьшить угол к ветру, «привестись», как говорят моряки. С дрейфом такой корпус также эффективно борется. Удивительно, что люди, не имевшие письменности, практически путем пришли к таким эффективным решениям. Подобные конструкции заимствованы в современном спортивном судостроении. Рекорды скорости для паруса установлены на проа, схожих с микронезийским. Легкие модели без людей на борту развивают просто фантастические 59 узлов,

то есть 110 километров в час. Наша лодка, конечно, так не пойдет – это будет большое судно, около 12 метров в длину. Парус на музейной модели явно неаутентичный – четырехугольной формы, так называемый «прямой». Почему так – загадка. Неужели в обмерных чертежах не зафиксировали парусное вооружение? Рисунки из экспедиции и другие источники говорят о том, что каноэ оснащались совсем другим парусом. По оригинальному типу мы и оснастили свою модель. Будем теперь испытывать, балансировать, отстраивать модель, разбираться с кинематикой, определять правильный центр парусности. Вода покажет, насколько хороший вариант получился. Если модель пойдет, то полноразмерная лодка тем более – с ней прощай, погрешностей в размерах меньше.

Яхтсмены все больше углубляются в особенности конструкции проа. Идентичность с микронезийскими технологиями предполагается шадящая – тесла из морских раковин для обработки бортов, какие использовали древние корабли, применять не будут. Только на изготовление таких орудий нужно потратить несколько месяцев, не говоря уже о том, сколько времени обтесывать. Дерево для строительства также будет не экваториальных пород – и без того вопрос финансирования постройки не решен. Мне же все думалось, что такое невероятное путешествие технически сложно осуществить... Только не для троих бесстрашных энтузиастов! В этом они не видят особых сложностей. Трех человек для управления проа достаточно. Лодку повезут поездом до Владивостока, откуда и начнется грандиозное плавание. – Мы пойдем в сопровождении яхты, конечно, – объясняет Павел. – Неудобство будет, видимо, в том, что нам на проа придется постоянно себя сдерживать, «травить» паруса... Коромысло – коромыслом, а никакая современная яхта за ним не утонится. ❶

ЗАБЫТЫХ ДЕЛ МАСТЕР

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МАСТЕРОВ-МЕДАЛЬЕРОВ В РОССИИ МАЛО. ОДИН ИЗ НИХ – АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ БАКЛАНОВ. 42 ГОДА ЕГО СУДЬБА СВЯЗАНА С ГОЗНАКОМ И С МОНЕТНЫМ ДВОРОМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. СЕГОДНЯ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ БАКЛАНОВУ 67 ЛЕТ, ОН ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК ДИЗАЙНЕРСКОГО ЦЕНТРА АО «ГОЗНАК».

КОГДА ОН ПРИШЕЛ работать на монетный двор, молодому специалисту доверили изготовить значки. Присмотрелись к новичку и поняли: пригласили его не зря. Однако дизайном монет Бакланов занялся только спустя годы, набив руку. Сегодня Александр Васильевич – народный художник России, академик Академии художеств Российской Федерации, автор дизайна государственных российских наград. По его проектам чеканились медали в Германии, Италии, Норвегии, Финляндии.

«Я спокойно отношусь к деньгам, – говорит мастер. – Но если вижу монетку на земле, всегда подбираю, потому что в ней – огромный труд. Его нужно уважать! Иногда смотрю качество, где чеканили: в Москве или Петербурге. У нас забыта профессия медальера. Кто такой медальер? Высочайшего уровня ремесленник и большой художник. И эти понятия неразделимы. Мы делаем так, как больше никто не может. Медальер занимается монетами памятными и разменными, инвестиционными, а еще медалями разных видов и значками».

С медальерным искусством Россию познакомил Петр I. Страны Европы давно и уверенно чеканили монеты и медали, чем поразили русского императора.

Петр I велел обучить русских мастеров у европейских умельцев и пригласил на службу западных медальеров. Он же поручил заказать у знаменитого аугсбургского медальера Филиппа Генриха Мюллера штемпели серии медалей на события Северной войны.

Не отставали от своего патрона и «птенцы гнезда Петрова». Значительную коллекцию монет и медалей имел Александр Меншиков, знатоком медалей был Федор Апраксин, в ведении которого десять лет находился Кадашевский монетный двор в Москве. В 1724 году открывается Санкт-Петербургский монетный двор, куда переводится часть московских медальеров и мастеровых. Но в начале 1728 года в связи с переездом царского двора в Москву он был закрыт. Оборудование и мастеровых вновь вернули в Первопрестольную. Лишь в 1732 году Петербургу был возвращен статус столицы, и монетный двор разместился в Петропавловской крепости. С этого момента и по сей день центр российского медальерного искусства остается в Санкт-Петербурге.

БАЯН И МОЛЬБЕРТ

Раннее зимнее утро. Печки в избах только затопили, сизый дымок поднимается над крышами изб сибирской деревни Бакланово. По берегу реки Вагай идет

7-летний мальчик. Зовут его Александр Бакланов, а направляется он в библиотеку, до которой 3 километра...

Бакланово – часть села Шишкина в Тюменской области. Александр Васильевич родился там в 1954 году. В 1960-х в Бакланове была школа, а вот библиотеки не имелось. Так что Саше, научившемуся читать в 5 лет, за книжками приходилось ходить в соседнюю деревню – татарскую. Игрушек в деревне тогда было не купить, зато мама привозила Саше из райцентра книги. Кстати, многие детские книжки Бакланов сохранил, а утраченное восстановил, разыскав у букинистов. Перед сном ему читал отец. Например, книгу Георгия Скребицкого про животных Александр Васильевич помнит до сих пор, включая замечательные иллюстрации.

Мама Александра Бакланова работала учительницей. Начальная школа располагалась в небольшой избе, мать с утра протапливала там печь. Отец был ветеринаром.

Будущий медальер выпиливал лобзиком из фанеры вазочки, стаканчики и полочки, на токарном станке смастерил маме подарок. В детстве сам делал игрушки из дерева: машинки, дороги, гаражи. А единственную «настоящую» игрушку мальчику подарила тетя: это была железная дрезина. Первые конфеты, «Петушок», тоже подарок тети. Мама пичкала болезненного Сашу медвежьим жиром и медом, вкус которых он не переносил.

Когда мальчик узнал, что есть на свете такая интересная вещь, как «гимнастика», отец соорудил сыну турник, и Саша занимался самостоятельно. «Мы, дети, жили своей жизнью – не навязанной нам взрослыми», – говорит Александр Васильевич и рассказывает, как с 5 лет один

ходил в лес на озеро Чугунка ловить карасей.

О своей родине мастер никогда не забывал. Став медальером, ездил в родную деревню и писал сибирские пейзажи и портреты земляков.

«Я всю жизнь дружу с музыкой, – улыбается Александр Васильевич. – В детстве я выбирал: либо в художественное училище, либо в музыкальное. У меня необыкновенные родители, и я очень хотел учиться. А в деревне Бакланово не было ни художественного училища, ни музыкального».

Учился Александр очень хорошо. Мечтал о пианино, но семья жила небогато, так что мечта эта была несбыточной. Зато Александр выучился играть на баяне. Родители выписали полубаян сыну по почте, и он освоил его по самоучителю в 7 лет. Тот, первый инструмент жив до сих пор. Когда мальчику исполнилось 11 лет, семья переехала в Ростов-на-Дону, где Александра записали в музыкальную школу. Там пришлось заново осваивать баян: руки-то он сам поставил, конечно, неправильно. «Так шесть лет и наяривал», – смеется Александр Васильевич.

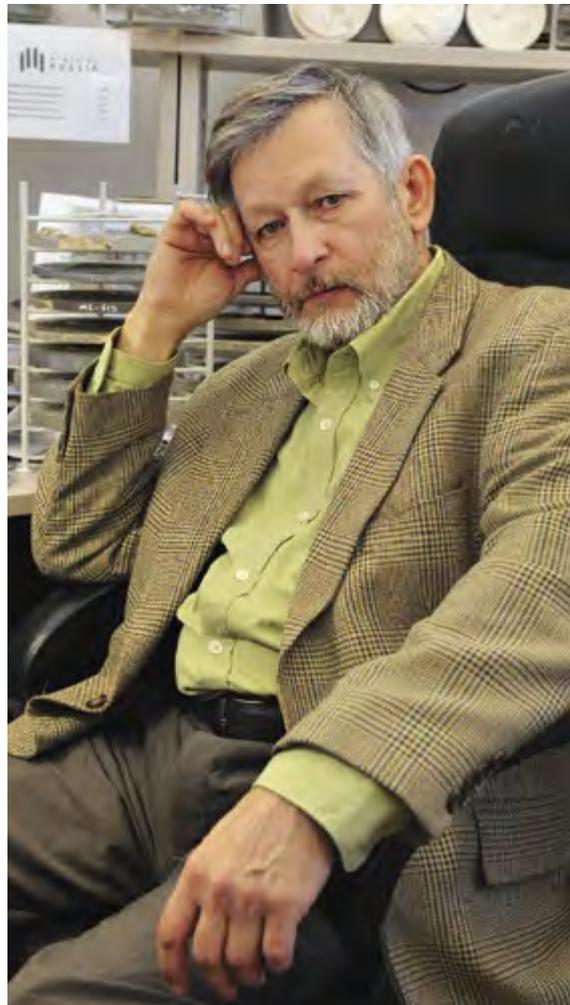
А в шестом классе мальчик пришел в кружок рисования. Учитель предложил ему нарисовать портрет и, увидев результат, удивленно поднял брови: парень оказался талантливым.

ХВОСТ СОРОКИ

Профессиональный художник, который вел кружок в другой школе, тоже заметил юное дарование: мальчик на рисунке смог увидеть в черном оперении сойки зеленый и синий оттенки. В конце года педагог отвез Бакланова в художественное училище. «Ты будешь тут учиться!» – заявил педагог. Отец Александра мечтал, чтобы сын поступил в Ростовский университет. Слово «училище» его огорчило и смутило. Отец спросил директора школы: «Что же вы моего сына в ПТУ отправляете?» Директор разъяснила: художественное училище – престижное заведение.

Академическую шапочку профессор Бакланов если и надевает, то дома в редкие часы отдыха

«Как я туда поступил – сам не понимаю, – вспоминает Александр Васильевич. – Во-первых, блат, которого у меня не было, во-вторых, мои однокурсники оказались людьми взрослыми – после армии. А мне было 14 лет! Нам в конце первого курса голую даму посадили. Ну, вот сначала кубики, потом даму рисовал. Но женщина в моей жизни с той поры одна – моя муза».

Александр Бакланов увлеченно рисовал, а заодно узнавал о Ван Гогге, Гогене и других славных мастерах. Не забывал он и музыку: покупал пластинки и ноты для баяна. Мама дала денег на проигрыватель «Рекорд». Первая купленная пластинка сохранилась – «Времена года» Чайковского. Сегодня у медальера Бакланова дома, на даче и в мастерской масса книг и пластинок. О музыке он говорит с упоением.

На выпускном экзамене в музыкальной школе Александр Бакланов играл Баха и Скрябина.

Александр Бакланов – профессор Санкт-Петербургской академии художеств, главный художник Дизайнерского центра Гознака

Лепка из
воскового
пластилина –
один из этапов
создания медали
или монеты

Пожилой директор оживился и заявил, что талантливого баяниста нужно отправить в музыкальное училище, но ему объяснили, что юноша уже сделал выбор.

В художественном училище он рисовал родное Бакланово, папка с теми рисунками жива до сих пор. Училище Александр

не стал оканчивать, понимая, что после защиты диплома его встретит военкомат.

«Я потерял бы два года, – объясняет мастер. – А я хотел учиться, потому после третьего курса поехал в Ленинград поступать. Но сначала побывал в Москве на выставке, остановился у знакомых. Родители отпустили».

Варить воск и лепить из него макет монеты – первое, чему научился Бакланов на монетном дворе

СКИПИДАР В ФИЛАРМОНИИ

Александр Бакланову было 15 лет, когда он возвращался из столицы домой, познакомился с попутчиком, сказал, что мечтает увидеть Ленинград. Новый приятель оказался матросом из Новороссийска и дал адрес знакомого. Вооруженный бумажкой с адресом чужого человека, Александр Бакланов приехал в Ленинград. Побывал в Эрмитаже, а вечером поехал в дальний район на Охту – вдруг пустят в дом по заветному адресу. И – пустили! Более того, накормили, оставили ночевать. Этот визит голодного провинциала стал началом большой многолетней дружбы. Перед отъездом домой Бакланов успел побывать в Ленинградской филармонии. Он часто ходил на концерты и в Ростове. Бывали и конфузы. Как-то пришел на концерт, а перед этим скипидаром оттер краску с пальцев. В зале юноша распространял едкий запах, который очень возмутил капризную соседку. В Ростове-на-Дону Бакланов учился одновременно в вечерней средней школе, художественном училище и в музы-

Студенты
медальерного
класса Санкт-
Петербургской
академии
художеств
со своим
педагогом

кальной школе. Экзамены сдал в один год – с аттестатом и грамотой за успехи в математике поехал в Ленинград поступать в Академию художеств. Одет он был в костюм, перешитый из отцовской формы железнодорожника. В Академии художеств на документы посмотрели с недоумением. В итоге Александр Бакланов поступил в Педагогический институт. Говорит, особенно подготовиться к шести экзаменам не успел. Родители послали деньги сыну-студенту, он сэкономил и тратил их на книги у букинистов. Книжки и пластинки, которые он привез с собой, украли. Бакланов устроился дворником, получил каморку – стал ленинградцем. И не порвал связи ни с живописью, ни с музыкой. Александр старался попасть на концерты в филармонию, даже ретушировал дату на билете, чтобы только послушать Рихтера. В филармонии художник частый гость и поныне. «Я слушал музыку и рисовал эту тему, хотел передать ее», – вспоминает Александр Васильевич. Его особая любовь – античность и философия.

«Стать медальером может только каждый десятый, и то не факт, хотя многие называют себя художниками», – считает мастер

На втором курсе студент Бакланов пошел в Князь-Владимирский собор. Воцерковился. А когда уже на Гознаке работал над медалью с изображением Андрея Рублева, попал в библиотеку Духовной академии. Там же прочитал Бердяева. Впоследствии Бакланов создал много медалей для РПЦ.

С ЭСКИЗА

Иногда эскизы медалей и монет создаются в ритме бури и натиска – за несколько дней. Задача ответственная, а работа востребованная. Изготовление трудоемко. Нужно нарисовать эскиз, придумать композицию, понимая, как это будет выглядеть в металле. Затем делают

лепку из воскового пластилина, который варят сами. Лепка должна полностью повторять образец в металле. Лепку отдают в цех, там ее сканируют и уменьшают до нужного размера. На основании этой лепки граверы работают над созданием инструмента для чеканки монеты. Потом начинается чеканка. Монеты бывают разного размера, в том числе крупные – до 5 килограммов. Когда Александр Бакланов пришел на Гознак, то не имел ни соответствующих знаний, ни умения лепить. Попал сюда случайно: соседка по коммуналке сказала, что монетный двор ищет художника. Бакланов, которому было тогда 24 года, пришел с пухлой папкой работ. Его взяли на работу, приняли в Союз художников, у него появилась мастерская. Александр Бакланов очень благодарен своим наставникам в институте и на монетном дворе, где первым делом научился сам варить воск на водяной бане.

«Образец для всех нас – античные монеты, – рассуждает Александр Васильевич. – В них высо-

кая художественная ценность, смысловое высказывание. Античная монета чеканилась выразительно, с очень высоким рельефом, мы медали так не можем чеканить – не то что монеты! Современные монеты – тени по сравнению с «живыми» античными».

Люди, далекие от медальерного дела, обычно полагают, что изобразить на монете можно что угодно. Это художника огорча-

ет, потому что часто возникают споры с заказчиками. Многие монеты авторства Бакланова получили мировое признание. Одна из них – «Ромео и Джульетта», отчеканенная мастерами Санкт-Петербургского монетного двора. Она победила в международном конкурсе престижного американского журнала World Coin News.

ет, потому что часто возникают споры с заказчиками.

Многие монеты авторства Бакланова получили мировое признание. Одна из них – «Ромео и Джульетта», отчеканенная мастерами Санкт-Петербургского монетного двора. Она победила в международном конкурсе престижного американского журнала World Coin News.

«У меня девять учеников, но мы работаем тридцать лет вместе, потому это коллеги. Это вторая семья. Вот младшим ученикам, которые пришли после института, я доверяю часть работы. Композицию могу сделать сам, а рельеф набирают они. Потом я доделываю. Так быстрее учатся», – объясняет Бакланов.

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

Мастер ценит серебро за способность «ловить» нюансы цвета от черного до белого. У серебра множество оттенков тона – это податливый и благодарный материал. В юбилейной монете в честь Достоевского, выпущенной в 2021 году, это свойство очень пригодилось. Александр Бакланов работал над изображениями Достоевского несколько раз. Перебрал кучу портретов, чтобы выбрать необходимое; писатель на монете должен быть узнаваемым. Подсказку нашел в иллюстрациях Добужинского к «Белым ночам». Белое и черное. Это был толчок! Портрет писателя затонировали на черном фоне: делать монету было сложно. Бакланова упрекали: «А где у него плечи, руки?» Голова Достоевского из темноты выходит, правая сторона монеты – черная, а левая – белая. В этой контрастности – аллюзия на творчество самого писателя и на белые ночи как символ одной из его повестей. С помощью лазера добились абсолютно черного и белого цвета. Образы на монете – высказывание: на небе облачка переходят в текст. Подсвечник со свечой и Евангелие – тоже не случайные детали.

На занятии по рисунку с натуры в медальерном классе

В монете и медали есть символика, при этом все предельно ясно

«Медальерное искусство необыкновенно чутко к уровню культуры в обществе, – убежден Александр Бакланов. – У художника есть спасение! Муза. Я с ней общаюсь. Иногда я чувствую: дышит рядом. Едешь в метро – мучаешься, и вдруг – озарение».

Именно так вышло с серией монет «Куликовская битва» к 625-летию события. Художник бился над задачей: как показать битву? Идея оформления одной из монет пришла в метро: в верхней части реверса скачущие русские всадники, вооруженные мечами и пиками, за ними – город с православным храмом. Внизу – перевернутое изображение скачущих татарских всадников, вооруженных луками и пиками, за ними – юрты. В сражении русская армия «опрокинула» врагов.

«МОЯ РЕЧЬ КАЖЕТСЯ ПРИМИТИВНОЙ»

«В моем медальерном классе есть такой предмет: геральдика. Изучение предмета не только научит гербы рисовать, но и настроит мышление правильно понимать символы. Умение мыслить символами отражает культурный уровень общества. Сегодня это мало кто умеет. Вот Моцарт для многих современных исполнителей – сложнейший композитор. Его музыку исполняли и профессиональные музыканты, и шарманщики на улице, понимая символическое, таинственное, в ней сокрытое. Это мой образец. Природа монеты в чем-то схожа: с одной стороны, там есть символика, а с другой – все предельно ясно. А потом за этой ясностью можно увидеть сложность. Мы привыкли к индивидуализму, к тому, чтобы автор себя выразил и вывернул, но не в этом ценность». К живому языку Александр Бакланов чуток. Кстати, толковые словари трактуют этимологию его фамилии не в связи с птицей. «Баклан» – чурбан, обрубок... И об этом рассказывает сам Александр Васильевич, смущенно оправдываясь, что

На даче.
Холода
художник-
сибиряк
не боится
с детства

Супруги
Александр
и Елена
Баклановы

его «речь иногда кажется примитивной». Он не прав. Если вслушаться в то, что и как говорит Александр Васильевич, поймешь: он строг и щепетилен к выбору слов. Любит слово «живой» и сторонится определения «красивый».

«Я, когда учился, размышлял над значением слов, связанных с искусством, записывал, – рассказывает мастер. – Вот, например, слово «красота» что значит? Мне очень хотелось понять природу искусства. Читал разные теории, а потом понял, что они не нужны. Слово «красота» к искусству мало имеет отношения. Вот греки изображали то, что соотносилось с понятием красивого: богов, героев. И делали это выразительно. Бог или богиня должны быть неземной красоты, выглядеть как живые, но так, чтобы зритель понимал их неземную природу. В искусстве много знать не надо: либо воспринимаешь, либо нет. Я уверен: искусство не развивается, другое дело, что в каждое время есть редкие мастера, способные его почувствовать и передать. Воплотить саму жизнь. Когда

индивидуализм стал захлестывать и его задачей стал показ индивидуальности, связь человека и искусства постепенно нарушилась».

Александр Бакланов убежден: любой человек поймет настоящее искусство и способен это сделать без проводника – искусствоведа.

«Стать медальером может только каждый десятый, и то не факт, хотя многие называют себя художниками. Самовыражение не

должно быть для художника целью: он и помимо своего желания сумеет выразиться, если он художник», – размышляет Александр Васильевич.

...За годы работы глаз у мастера не устал во всех смыслах слова. Зрение у него острое, а набросков в десятки раз больше, чем у студентов.

Художник признается: никогда не хотел быть преподавателем. Говорит, не чувствовал в себе педагогического таланта.

Жизнь художника неотделима от музыки. Близкие могут услышать его баян

Тем не менее он профессор Санкт-Петербургской академии художеств на скульптурном факультете и преподает в РГПУ им. А.И. Герцена. В 2016 году в Никольской куртине Петропавловской крепости на площадях Санкт-Петербургского монетного двора был открыт единственный в России класс медальерного искусства. Инициатором его создания выступили Санкт-Петербургская академия художеств и Гознак. Теперь Александр Васильевич сам набирает студентов. Дело это хлопотное. «Нахожу хорошего студента. Он лепит, а через двадцать минут вскакивает и бегать начинает, потом опять садится. А тут нужны усидчивость, терпение и особое мышление – медальер оперирует сложными образами, символами. У нас единственная мастерская в России, в которой готовят медальеров. Учатся ребята четыре года на базе факультета скульптуры. И этого мало, теперь буду набирать студентов с первого курса. Профессия медальера потеряна, а моей целью было ее возродить», – говорит Александр Бакланов. 📍

У художника впечатляющая библиотека

В МЕНЮ – СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

«ПРАГА» УМЕРЛА. ПРОХОДИЛ МИМО – МЕРТВАЯ. ПУСТАЯ АВТОСТОЯНКА. ТЕМНЫЕ ОКНА. ЗАКРЫТЫ ДВЕРИ. И ПРИЧИНА СОВСЕМ НЕ В ЭПИДЕМИИ КОРОНАВИРУСА. «ПРАГА» ПОГИБЛА, НЕ ВПИСАВШИСЬ В ВИРАЖ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ГОНКИ.

А МОСКВИЧИ СО СТАЖЕМ знают и помнят сверкающую, оживленную «Прагу». Она была желанным местом. У входа постоянно очередь жаждущих попасть внутрь ресторана. А попадаешь – встречает роскошь не только гастрономическая, но и интерьерная: стены, потолок,

светильники, обстановку можно было рассматривать бесконечно. В советские времена «Прага» была демократична. Правда, нас, студентов начала 1970-х годов, притягивал пивной бар «Жигули», это в 100 метрах от «Праги», очередь туда – не менее часа, а чаще и два. А в «Праге» позволяли себе отметить какое-

либо заметное событие жизни. Например, студенческая свадьба – как это случилось у меня с первой женой. И родители с обеих сторон вполне осилили расходы на то, чтобы снять зал на 30 гостей.

А вот пример демократичности ресторана из более ранних времен – из 1950-х годов. Однокурсники Владимира Высоцкого Геннадий Ялович и Марина Добровольская поженились. Свадьбу сыграли в «Праге». «Был снят целый зал. На свадьбе гулял весь наш курс, наши педагоги, родственники, всего человек 60, – вспоминает Ялович. – Как мой папа потянул в финансовом отношении, я сейчас не понимаю. А что тут не понимать: в меню цены были неслышанно низкие.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОТ ТРАКТИРА ДО РЕСТОРАНА

А история ее началась в XVIII веке, когда возвели на том месте здание. Изображения его не сохранилось. Известно только, что новое здание сооружено на фундаменте прежнего. Поначалу это было нечто вроде торгового центра – лавки с разными товарами. В 1872 году здание купил купец Тарасов. Он открыл трактир, который назвал «Прага». Тогда было модно подобным заведениям давать имена зарубежных городов, были рестораны «Дрезден», «Берлин», «Париж», «Вена», «Палермо»... Встала в этот ряд и «Прага».

Трактир был, как сегодня сказали бы, забегаловкой. Постоянные посетители – в основном извозчики, а они неприхотливы в еде. За 15 копеек можно было наесться до отвала. Писатель Петр Боборыкин в романе «Китай-город», вышедшем в 1882 году, пишет: «Как-то, еще вольным слушателем, он шел с двумя приятелями по Арбату, часу в двенадцатом. И всем захотелось есть. Они поднялись в трактир «Прага», сели в угловую комнату. Кто-то из них спросил сыру бри. Его не оказалось, но половой вызвался достать. Принесли целый круг. Запивая пивом, они весь его съели».

Так бы и осталась «Прага» трактиром, но Арбат и ближайшее городское пространство к концу XIX века стало элитным. На Поварской улице, на Воздвиженке, на Малой Никитской, на Пречистенке, на бульварах селились весьма состоятельные люди. Патриархальная Москва, в которой были не дома, а усадьбы, менялась. Люди с деньгами скупали старинные особняки, перестраивали их по своему вкусу, возводили новые. Валерий Брюсов отмечал: «На месте флигельков восстали небоскребы, и всюду запестрел бесстыдный стиль – модерн». Почему бесстыдный – не очень понятно.

Трактир для извозчиков не вписывался в элитный район. В 1896 году владельцем здания

Друзья с курса Геннадия и Марины подготовили капустник с шуточным названием: «Обрывок из фраерической комедии Влада Маявысоцкого «Клоп». Среди сочинителей и постановщиков, разумеется, и Высоцкий. Хохотали, скорее всего, безостановочно... Представить такое в каком-либо ресторане наших дней невозможно. Да и вряд ли какая студенческая семья может себе позволить свадьбу в пафосном ресторане.

А дипломатические приемы! В такой день – обычно где-то часов в пять вечера – у главного входа толпа полукругом. Подъезжают иностранные машины, из них выходят богато наряженные дамы и господа, идут к дверям, которые почтительно распахивает швейцар в красной униформе. Но самое интересное для толпы – окончание приема и разъезд дипломатов. Из динамика раздается: «Машину посла Бельгии подать к подъезду!» Подкатывает какой-нибудь «форд» (мы тогда в марках авто не разбирались), в него усаживается пара. Отчаливает. Следующий: «Машину военного атташе Египта подать к подъезду»... Процесс дипломатического разъезда завораживал. Если кто хочет узнать, как это происходило, может посмотреть фильм «Июльский дождь», там этот момент истории зафиксирован. А в годы перестройки и я – тогда обозреватель «Известий» –

бывал приглашен на дипломатические приемы в «Праге». Запомнилось одно роскошное блюдо – фаршированная запеченная севрюга метра два длиной. Она возвышалась над столом на каких-то подпорках. Так ее никто и не тронул – страшно было потревожить это чудо кулинарии. А я теперь жалею, что не попробовал. Больше и не представится такой случай.

Знаменит был не только ресторан, но и его «Кулинария». Вход в нее был со стороны Арбата. Я жил неподалеку – на Гоголевском бульваре, потому часто по надобности туда набегал. Царил в кулинарии фирменный торт «Прага». Но и другая продукция кулинарии была оригинальна и привлекательна, что в тогдашних условиях дефицита спасало студенческую семью.

В Москве были и другие рестораны с названиями столиц братских социалистических стран – «София», «Будапешт», «Берлин», «Пекин», но они не обзавелись такой богатой историей, как «Прага».

Москва.
Улица Арбат.
Ресторан
«Прага»
до перестройки
архитектором
Львом
Кекушевым

Москва.
Арбатская
площадь.
Улица Арбат.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

стал купец Семен Петрович Тарарыкин. Он и превратил «Прагу» в роскошный ресторан. Здание было перестроено по проекту архитектора Кекушева – приверженца стиля модерн. Он отличался мастерством в проработке интерьеров. И интерьеры «Праги» создавал впечатляющие. Ежегодник «Архитектурная Москва» за 1911 год писал о Кекушеве: «Это он старое, никуда не годное здание на Арбате превратил в уютнейший и любимейший ресторан Москвы – «Прагу». Это он построил особняк со львами на Остоженке. Это его особняки выделяются на Поварской».

Обновленная «Прага» распахнула двери в 1902 году. Просторный вестибюль встречал гостей гигантским, во всю стену, зеркалом. Парадную мраморную лестницу украшали изящные фаянсовые головки Беатриче.

На трех этажах 6 обеденных залов, 18 отдельных кабинетов, 2 буфета – сегодня бы их назвали барами, 4 бильярдных. Открытая терраса – в теплое время года на свежем воздухе проводились музыкальные вечера. Такая конструкция помещений позволяла обслуживать одновременно сотни гостей. Причем, благодаря планировке залов, отдельные компании посетителей чувствовали себя уединенно – будто только они и есть в ресторане.

«Тарарыкин первым из московских рестораторов отказался от единого главного зала, а создал многоярусную систему различных по размеру и назначению залцев, кабинетов, садов и просто интимных уголков, – отмечал в книге «Арбат» краевед Лёвин. – Это позволяло одновременно принимать многие сотни гостей, предоставляя каждой группе полную автономию. Здесь свадьба не мешала поминкам, а официальное чествование почетного юбиляра – разудалой молодежной вечеринке с цыганами и плясками...».

Залы и кабинеты были отделаны деревом, на стенах – рос-

Архитектор
Лев Николаевич
Кекушев
(1862–1910-е)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пись и лепнина, многоярусные люстры и причудливые напольные светильники заливали светом пространство.

Прислуживали половые – так тогда назывались официанты – в белоснежных рубахах, подпоясанные малиновыми шнурами. Еда высшего сорта: семга, икра, осетрина, расстегаи с вязигой и прочие блюда русской кухни. В комплексный обед входили: консоме с пирожками, цыпленок «Монте-Карло», салат латук, цветная капуста, жаркое из перепелки, груша жуанвиль. Все тарелки украшала надпись золотом: «Привет от Тарарыкина». Летописец Москвы Владимир Гиляровский писал: «Тарарыкин

Вестибюль
ресторана
«Прага».
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сумел соединить все лучшее от «Эрмитажа» и Тестова и даже перещеголял последнего расстегаями пополам – из стерляди с осетриной».

Ресторан мгновенно стал популярным. Как отмечал писатель Борис Зайцев, он сделался притягательным местом для творческой публики: «Восседает «Прага», сладостный магнит. В цветах, и в музыке, бокалах и сиянье жемчугов, под звон ножей, тарелок веселится шумная Москва, ни о чем не гадающая, нынче живущая, завтра сходящая, полумиллионная, полубогемская, сытая и ветром подбитая, и талантливая и распущенная».

Атмосфера нового ресторана стала своей для артистов, писателей, художников, врачей, ученых, превратилась в одно из любимых мест литературно-художественной Москвы... Популярная в начале прошлого века цыганщина была чужда «Праге». Публика здесь была в основном интеллигентной, купцы кутили в «Яре».

Профессора Московской консерватории устраивали в ресторане ежегодные, так называемые рубинштейновские, обеды – в память основателя музыкального учебного заведения Николая Рубинштейна.

Швейцары и другие служащие ресторана «Прага». Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Здесь за ресторанным столиком выясняли отношения Александр Блок и Андрей Белый. Бунин отмечал в «Праге» выход новой книги, назначал там встречи. Да и просто любил посидеть в ресторане, понаблюдать жизнь. Записал в дневник 9 мая 1915 года: «Рядом два офицера, – недавние штатские, – один со страшными бровными дугами. Под хаки корсет. Широкие, колоколом штаны, тончайшие в коленках. Золотой портсигар с кнопкой, что-то вроде жидкого рубина. Монокль. Маленькие, глубокие глазки. Лба нет – сразу назад от раздутых бровных дуг. У метрдотелей от быстрой походки голова всегда назад. Для рассказа: сильно беременная, с синими губами». И в небольшом рассказе «Муза» Иван Алексеевич отметит здание ресторана, его герой рассказывает: «Жил я на Арбате, рядом с рестораном «Прага», в номерах «Столица». Как раз в этой гостинице и останавливался Бунин во время приездов в Москву. А обедать и ужинать ходил в «Прагу». Здесь весной 1913 года Илья Репин отмечал восстановление картины «Иван Грозный и сын его Иван». Как вы помните, 16 января того же года иконописец Абрам Балашов в припадке душевной болезни нанес картине три удара ножом. На том застолье был и Федор Шляпин, в тосте он сравнил искусство

с солнцем, которого лишены только те, кто лежит под землей. В 1913 году литературная Москва устроила умопомрачительный банкет в честь посетившего Россию невероятно популярного в те времена бельгийского писателя Эмиля Верхарна. А сколько шампанского было выпито в «Праге» Шляпиным, Горьким, Телешовым, Рахманиновым, Алексеем Толстым! Новый год традиционно отмечали в ресторане преподаватели Александровского училища, офицеры штаба Московского военного округа. Их дамы получали от ресторана сувенир. В 1911 году это был веер с видами ресторана, надушенный парфюмом «Коти».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Меню ресторана «Прага». 1915 год

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

В 1917 году грянула Октябрьская революция. К власти пришел пролетариат. Ему ни к чему были ресторанные изыски. Революционные преобразования и Гражданская война породили разруху во всем государственном хозяйстве, в том числе и в ресторанном. «Прага» по инерции держалась еще почти год, но это была уже агония заведения. Бунин в марте 1917 года записал: «Ресторан «Прага», музыка, людно, носятя половые. Вино запрещено, но почти все пьяны. Музыка сладко режет внутри. Знаменитый либеральный адвокат в военной форме. Огромный, толстый в груди и в плечах, стрижен ежиком. Так пьян, что кричит на весь ресторан, требует, чтобы играли «Ойру». Его собутыльник, земгусар, еще пьянее, обнимает и жадно целует его, бешено впивается ему в губы. Музыка играет заунывно, развратно-тожно, потом лихо: – Эх, распошел, ты, мой серый конь, пошел! И адвокат, подняв толстые плечи и локти, прыгает, подскакивает в такт на диване». Пир во время чумы. В том же году заведение закрылось – исчезли продукты. Да и не до ресторанных изысков было революционным рабочим. Открылась «Прага» в 1924 году. Под гордым названием «Столовая Моссельпрома». И это заведение оказалось популярным. Хоть и называлось столовой, но имело ресторанные замашки: с шести часов вечера играл оркестр, а после десяти часов начиналось шоу. Маяковский сочинил рекламный стишок:
*Решенья вопросов
не может быть проще:
все дороги ведут
на Арбатскую площадь.
Здоровье и радость –
высшие блага –
в столовой Моссельпрома
(бывшая «Прага»).
Там весело, чисто,
светло, уютно,
обеда вкусны,
пиво не мутно!*
Кстати, именно в столовую «Моссельпрома» Киса Воробьянинов

водил девушку Лизу обедать. Раскроем роман «12 стульев» Ильфа и Петрова: «После недолгих уговоров Ипполит Матвеевич повез Лизу в образцовую столовую МСПО «Прага» – лучшее место в Москве, как говорил ему Бендер. Лучшее место в Москве поразило Лизу обилием зеркал, света и цветочных горшков...» В фильмах Леонида Гайдая и Марка Захарова эпизод с загулом Кисы показан ярко, живописно.

В начале 1930-х годов столовую по неясным причинам закрыли. В здании оборудовали кинотеатр. Перевели сюда Центральную научную библиотеку имени Некрасова. Первый этаж отвели под магазины. Один из залов – зеркальный – отдали Обществу бывших политкаторжан, здесь собирались борцы с царизмом, узники Шлиссельбурга, ссыльные Туруханского края. Общество распустили в 1934 году, и, понятно, зал у политкаторжан отобрали.

Вновь ресторан «Прага» открыли в 1955 году. От деталей интерьера, созданного архитектором Кекушевым, мало что осталось. И внутреннее убранство было создано, по сути, заново – оно стало помпезным и аляповатым. Кухня для советских времен была шикарной. Например, здесь можно было заказать устрицы – невиданное для советского человека блюдо. Один из залов получил название «Чешский», в меню кнедлики, шпикачки, бочковое чешское пиво. Как раз в 1955 году, вскоре после возрождения «Праги», и сыграли там свадьбу однокурсники Высоцкого – Геннадий Ялович и Марина Добровольская.

Открылась кулинария и почти сразу стала популярной. Произошло это благодаря Владимиру Гуральнику. Он 16-летним парнишкой поступил в ресторан учеником повара. Мать и отец юноши были поварами, поэтому его выбор был понятен. И через три года он стал ведущим поваром и кулинаром в ресторане, сочинял фантастические рецепты десертов. Он-то и придумал торт «Прага».

Ресторан
«Прага».
1920-е годы

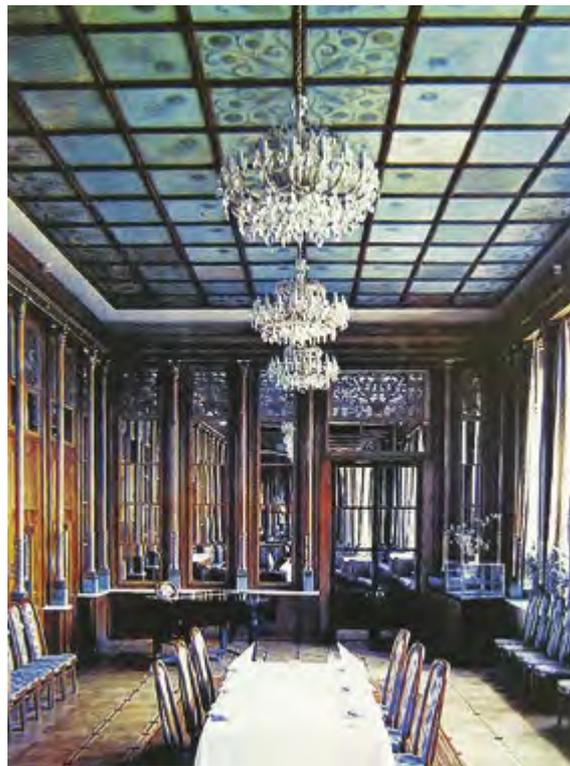
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

А затем грянула перестройка. И, как и революцию 1917 года, «Прага» не пережила тектонических перемен в обществе, экономике, политике. Она, правда, как-то просуществовала до середины 1990-х годов. Помню, как на ее веранде провожали приятеля на постоянное место жительства в Америку. Я подарил ему на память о родине бюстик Ленина.

Дела заведения складывались печально. В Москве бурно расцвел общепитовский бизнес – появилась масса ресторанов,

Зеркальный
зал ресторана
«Прага».
1970-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ресторанчиков, кафешек, кофеен, баров, пабов, трактиров, тракторий... И «Праге», огромной, неповоротливой как линкор, трудно было с ними конкурировать. Не спасали ни история, ни слава, ни престиж, ни бренд. Рассыпалась ее притягательность.

Ресторан, а точнее, здание переходило из рук в руки. Очередной владелец затеял повальную реконструкцию. Все, что создавали Кекушев в начале века и советские архитекторы и дизайнеры в 1950-х годах, при возрождении «Праги» было уничтожено. Внутри воцарился мрамор – розовый, зеленый, белый. Роскошная мебель, бархатные портьеры. Хрусталь. Ковры. Я один раз посетил тогда «Прагу» – пригласили на какой-то прием. Впечатление, что попал во дворец. А дворец и есть дворец – для экскурсий он годится, а чтобы жить в нем, пригласить друзей на торжество – нет. Холодный, мрачный. Видимо, не только у меня возникали похожие впечатления – «Прага» пустовала.

И – умерла. 10 октября 2018 года ресторан обслужил последних клиентов.

МЕЧТЫ О МУЗЕЕ

Кому здание сегодня принадлежит, не знаю. Попадались слухи, что ее собирался купить некий знаменитый итальянский ресторатор. Но не случилось. Последнее из сообщений, что попадалось в связи с мертвым зданием, – намерение создать огромный фуд-корт. Едальню, если говорить по-русски. Оскорбительная для исторического здания идея.

И теперь главное, ради чего я вспомнил славную историю «Праги». А что если создать на ее площадке мультикультурный центр? Это может быть прежде всего литературное направление – литературный музей, музей Серебряного века. Да, я знаю, что существует Литературный музей имени Владимира Даля. Но это, по сути, объединение музеев наших ве-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ликих классиков – Пушкина, Толстого, Тургенева, Лермонтова, Достоевского и так далее. Но нет музея, в котором была бы представлена во всем многообразии и мощи русская Литература, начиная с древней и заканчивая современной. Это раз. Знаю, что существует и Музей Серебряного века. Но он существует при Музее Брюсова на проспекте Мира. А в здании на Арбате музей такого значительного литературного явления, как Серебряный век, получит и значительно больше пространства, и возможности здесь шире. Не говоря уж о том, что с Арбатом связаны многие имена того славного времени – Блок, Белый, Пастернак, Цветаева... Серебряный век – эпоха творческого подъема в России. Новые форматы прозы, поэ-

зии и живописи, расцвет философской мысли, немислимая доселе свобода самовыражения, бурные и запутанные любовные истории – все это породило культурный феномен, о котором до сих пор спорят литературоведы и историки. В здании могут быть и театральные площадки. Опять же свя-

Вход в ресторан
«Прага».
2021 год

занные с литературой, поэзией, драматургией. Может быть какая-нибудь специализированная библиотека, например связанная с тем же Серебряным веком. Уместен музыкальный зал. Уместно литературное кафе. Да много чего можно придумать. Наверняка для нынешнего владельца или владельцев здания «Праги» оно – тяжелая ноша. «Прага» хоть и мертва, но требует немало средств на поддержку своего состояния в анабиозе. Так не лучше ли подарить здание городу? А уж город совместно с Министерством культуры найдет варианты использования здания как центра культурной, литературной жизни. И оживет «Прага». Не рестораном единым она будет жить. С новой страницы будет писаться ее история. 📖

АНДРЕЙ СЕМАШКО

«МЕСТО НЕБЕСНОЕ...»

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

ЧЕТЫРЕ КРАСКИ У ГОРОДА: КРАСНЫЕ КРЫШИ, БЕЛЫЕ СТЕНЫ ДВУХЭТАЖНЫХ ДОМОВ, ЗЕЛЕННЫЕ ИВЫ ПО БЕРЕГАМ И КРУГОМ – ПРОНЗИТЕЛЬНАЯ, СОВСЕМ НЕ СЕВЕРНАЯ СИНЕВА. ОТРАЖАЕТ ОЗЕРО СЕБЕЖСКОЕ НЕБЕСНУЮ СИНЬ, ОБНИМАЕТ ГОРОД СО ВСЕХ СТОРОН – ТОНКАЯ ПЕРЕМЫЧКА ЗЕМЛИ, СОЕДИНЯЮЩАЯ ЕГО С «БОЛЬШОЙ ЗЕМЛЕЙ», НЕ В СЧЕТ.

З ДЕСЬ, НА ДЛИННОМ языке суши, далеко вдающемся в воду, – и исторический центр, и душа города. «Жизнь прожил, а красоты такой больше нигде не встречал... Мне повезло, я из небесного места на земле – я из Себежа!» – писал о своей родине замечательный артист Зиновий Гердт.

ОЗЕРА И КУРГАНЫ

Самое близкое к городу озеро, конечно, Себежское. По другую сторону перешейка – Ороно, по-старинному – Ворон. Название его пошло не от птицы, а от страшной воронки, которая, говорят, находится где-то посреди озера. А дальше – голубой вереницей идут Вятитерьво, Плыбочно, Белое, Островно,

Мидино – 18 озер насчитывают в окрестностях Себежа.

С IX века здесь пролегал самый короткий путь из Пскова в Западную Двину и дальше – к Балтийскому морю. Это было одно из ответвлений торгового пути «из варяг в греки». Замерев в Средневековье, торговая жизнь здесь вновь активизировалась в XIX столетии. По озерам и рекам промышленники перегоняли баржи, груженные льном, пенькой, хлебом, в Ригу. 29 августа 1811 года был издан царский указ о начале строительства системы водного сообщения с выходом из Себежского озера в Балтийское море, к Рижскому порту. Местный купец Новинский прошел этот путь на небольшом судне и составил план, предполагавший углубление рек и соедине-

Себеж – место, где небеса и воды сливаются воедино

Себежский краеведческий музей: находки костяных изделий с территории древнего Осынского городища

ние озер системой каналов. Новинский предлагал проложить торговые пути через реки Великую и Западную Двину. Идея купца понравилась, план был утвержден, и в сторону Пскова русло Западной Двины выровняли, озера соединили каналами. Но с началом войны 1812

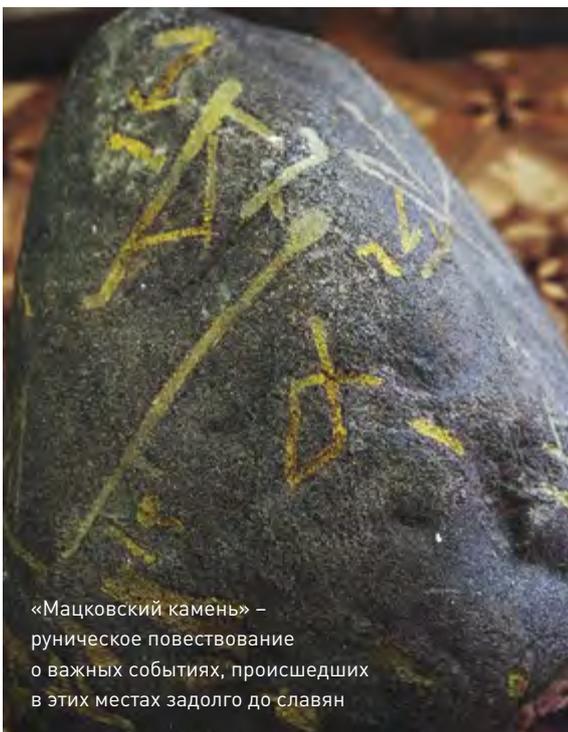
года работы пришлось отложить. Потом из Москвы в Ригу протянули железную дорогу, в Себеже появилась железнодорожная станция, и идея торгового пути через Великую отпала за ненадобностью.

Первые поселенцы пришли сюда по водным артериям. Не случайно эти места любят археологи: только на территории Себежского района насчитываются сотни курганов и курганных групп, могильники, стоянки, селища, городища и другие древние памятники. По берегам озер было много мелких поселений. Массовые раскопки вокруг Себежа начали в послевоенный период, работали и местные, и столичные археологи. В 1927 году был создан краеведческий музей, и уже тогда в его коллекции были археологические находки из курганов, однако все они были утрачены в годы Великой Отечественной войны. Когда сотрудники музея вернулись в разоренный город, перед ними встал вопрос, чем восполнить пробел в коллекциях. Тогда и было решено возобновить археологические

экспедиции, которые продолжались до начала 2000-х годов. «Захоронения в себежских курганах разные по типологии, – рассказывает хранитель фондов Себежского краеведческого музея Геннадий Косенков. – Курган ассоциировался у древних славян с беременной женщиной. Ребенок приходит в мир через тело матери, и, покидая мир, душа во второй раз должна пройти через чрево – на этот раз матушки-земли. В мировоззрении язычников человек за жизнь «наедал» телесный груз, который держал душу. Когда тело сжигали, душа освобождалась от груза. На небе зажигалась новая звезда».

В женских курганах под Себежем находили украшения-обереги, кольца, серьги; в мужских – ножи, наконечники стрел, топоры, кресала. В витрине местного музея выставлены оссуарии – погребальные урны, сосуды для золы и неостывших фрагментов костей, которые погребали в кургане. Из нескольких захоронений складывались сопки – длинные курганы. Для северо-запада России они характерны: известны псковские, смоленские, новгородские длинные курганы. Встречались и пустые курганы, без останков. К примеру, если воин погибал на чужбине или тонул рыбак, его соплеменники насыпали пустой холм, куда можно было прийти и помянуть почивших. На территории Себежа были сделаны находки, относящиеся к раннему христианству. «На колечке могла висеть арабская серебряная монета, клык кабана, христианский крестик». – Геннадий Косенков продолжает показывать экспонаты музея.

Находили здесь и ракушки-каури, и арабские дирхемы XI–XII веков, и бусы из стеклянной массы, изготовленные в Средней Азии – доказательства оживленного торгового пути, который шел вдоль этих берегов.

«Мацковский камень» – руническое повествование о важных событиях, происшедших в этих местах задолго до славян

ФОРПОСТ ПСКОВА

Основание города Себежа историки датируют XV веком. В одной из хроник польского летописца Матвея Стрыйковского упоминается, как в 1414 году великий князь Литовский Витовт со своей дружиной выдвинулся из Дриссы, захватил пригород Пскова – Себеж, разорил его и пошел дальше. В XVI столетии в исторических хрониках «город Себеж с волостями» упоминаются приписными к Полоцку, эти земли часто атакуют псковичи и литовцы. Этими беспрестанными нападениями и постоями литовских гарнизонов население Себежа было так обобрано, что король Сигизмунд I в ответ на жалобу жителей от 20 марта 1525-го освободил их на четыре года от всей дани, сообщает летописец. Следующей важной датой для Себежа становится 1535 год. Тогда великая княгиня Московская Елена Глинская, правившая от имени своего 5-летнего сына Ивана Васильевича, велела укрепить западные рубежи Московского государства – Стародубская война была в самом разгаре. В 1535 году в Себеж прибыл воевода Иван Никитич Бутурлин, под присмотром которого архитектор-итальянец Петрок Малый Фрязин, возводивший в Москве стены Китай-города, строит здесь деревянно-земляную крепость. Начали ее возводить в июне, закончили менее чем за месяц. Известно, что на территории крепости, которая занимала весь выступающий в озеро мыс, была построена небольшая каменная церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, освященная новгородским архиепископом Макарием. Он же с намеком нарек крепость Ивангород-на-Себеже: «Вот тебе, Иван-будущий царь, крепость в подарок, заботься о ней». Однако название «Ивангород-на-Себеже» не закрепилось. Так и остался Себеж Себежем.

Новая крепость пригодилась сразу. Уже в 1536 году великий князь Литовский и король Польский Сигизмунд I приказал киевскому и полоцкому воеводам Андрею Немировичу и Яну Глебовичу сте-

реть ее с лица земли. 20-тысячное польско-литовское войско двинулось на Себеж. Несмотря на огромное численное превосходство противника, гарнизон крепости выдержал осаду. В итоге осаждавшие отступили на лед Себежского озера. Дело происходило в конце февраля. Лед не выдержал тяжести пеших и конных воинов, войско начало тонуть. Его остатки в панике обратились в бегство. В память о победе Глинская велела возвести в Себеже каменный Троицкий собор. Увы, он не сохранился.

ДАРЫ РАДЗИВИЛЛОВ

Место на мысу, где находилась крепость Ивангород-на-Себеже, до сих пор называется Замковой горой. Это название долго будоражило воображение русских историков, и в XIX веке даже возникло предположение, что здесь находился замок богатейших князей Радзивиллов – польского рода, которому в XVII веке принадлежала Себежская земля. В 1648 году польский король Сигизмунд III подарил эту территорию роду Радзивиллов.

Замковая гора – место крепости Ивангород-на-Себеже: небесному месту не чужда жизнь вполне земная

Образец типичной архитектуры XIX – начала XX века провинциального порубежного городка

Мыс Замковой
горы в осенних
красках

Владельцем города стал Янош (Иероним) Радзивилл. Замка, конечно, не было, хотя на старинных литографиях можно увидеть изображение «Замка-на-Себеже». «Слово «замок» (zamek) на польском обозначает «укрепление», – объясняет Геннадий Косенков. – У замков обязательно был вал, ров с водой, то есть все признаки крепости, которой обладал и Ивангород-на-Себеже. Иностранцы летописцы, писавшие о Себеже, в глаза не видели его крепость. Неудивительно, что в хрониках они изображали то, что соответствовало западному представлению о крепости – замок». Отсюда и пошло ошибочное представление, что на Замковой горе стоял замок. А если учесть, что Себеж не раз входил в состав Речи Посполитой, то версия о замке казалась вполне естественной. Город многократно менял подданство. Споры о владении волостью между Московским государством и его соседями продолжались, и только при возобновлении перемирия в

1537 году было достигнуто соглашение о том, что Сигизмунд I не должен «город Себежа и волость Себежскую» «воевати». Несмотря на это, литовцы и поляки возобновили свои притязания на Себежскую волость и «воевали» ее, а при заключении очередного перемирия раз за разом отказывались от обладания. В 1579 году Себеж был взят польским королем Стефаном Баторием, в 1582-м возвращен России, а в 1616 году вновь отошел Польше. В марте 1623 года королем было даровано Себежу магдебургское право. Себежские купцы могли теперь беспозышлино торговать с соседями – для маленького порубежного городка это была важная привилегия. Тогда же Себеж получил герб. На нем на голубом фоне красовался побеждающий льва Самсон – такой же, как на центральной группе фонтана в Петергофе. Герб не прижился. Во-первых, потому, что ввели его иноземцы, а во-вторых, слишком уж угрожающим было обещание «порвать в клочья» любого неприятеля.

ХРАМ И КОСТЕЛ

Еще одно наследие Радзивиллов в Себеже – костел. Первый, деревянный, датируется 1620-ми годами. В 1648 году он сгорел, но на следующий год заложили каменный, который был построен к 1654 году и сохранился до наших дней. Ныне костел самое старое здание Себежа.

Вскоре после его строительства Себеж вновь перешел во владения Московского государства, так что с 1654 года костел использовали как православный храм. В 1678 году город опять был отдан полякам, на этот раз в обмен на переданный России Киев, и вновь стал собственностью Радзивиллов. Чтобы не ущемлять права горожан, в костеле ведутся службы как для католиков, так и для православных.

В конце 1988 года полуразрушенное здание костела было передано православной общине. Спустя год архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий освятил костел в честь Живоначальной Троицы.

Здание себежского костела уникально хотя бы потому, что входит в тройку не подвергавшихся кардинальной перестройке за все время своего существования католических храмов на территории России. Одно подобное здание находится в Калининграде и два – в Себежском районе. Костел – редкий для России образец раннего провинциального барокко. Для отечественной архитектуры больше привычно петербургское барокко, связанное с Растрелли, с щекастыми херувимами и богатым позолоченным орнаментом. Провинциальное барокко строже, ближе к классицизму. Такой стиль, называемый виленским, можно увидеть лишь в Белоруссии, Польше и относившемуся прежде к Речи Посполитой северо-западному порубежью России. Православной Рождественской церкви в Себеже повезло меньше: ее построили в 1841–1864 годах в неорусском стиле, а в 1932-м взорвали. Сегодня от нее осталась только колокольня.

ПЕТРОВСКИЙ СЛЕД

История Себежа XVIII века связана с именем Петра I. В 1700 году начинается Северная война, и Петр I предположил, что Карл XII будет наступать через земли своего союзника – Речи Посполитой. Вероятно, он воспользуется дорогой, проходящей через Себеж, полагает Петр I. Поэтому он приезжает на берега Ороно и Себежа, чтобы возглавить строительство земляных укреплений на подступах к городу.

В 1705 году мощные подковообразные укрепления, защищающие въезд в город, построены. Но враг минует Себеж, укрепления остаются нетронутыми и сохраняются почти в неизменном виде до наших дней. И хотя сейчас они не слишком впечатляют, гора до сих пор называется Петровской, а с холмов по-прежнему ясно просматривается старая часть города.

Война со Швецией не затронула Себеж, но на улице Замковой, 6 до сих пор сохранилась нижняя каменная часть дома, где, по преданию, останавливался Петр I. Верхняя, деревянная, сгорела в одном из пожаров. Пожары – бичи Себежа, как и многих русских городов, построенных из дерева. В нем до сих пор печное отопление, и засушливым летом достаточно было искры, чтобы выгорела половина строений.

В 1707 году по приказу Петра I была засыпана небольшая речка Серебрянка, которая отделяла от берега мыс с самой старой частью города, превращая ее в остров. Серебрянка же со временем заболотилась, превратившись в сточную канаву, которая совсем не украсила город.

ВСАДНИК НА ГЕРБЕ

В 1579 году во время Ливонской войны (1558–1583) Себеж стал частью Речи Посполитой и оставался в ее составе с незначительными перерывами почти два века. Тогда архитектурно сложился и центр Себежа – Замковая гора. Но в 1772 году, после 1-го раздела Речи Посполитой, Себеж отходит Российской

империи. А 22 июля 1773-го ему придается новый статус: он превращается в уездный город – центр Себежского уезда Полоцкой провинции Псковской губернии.

В конце XVIII века произошло еще одно важное для города событие: 21 февраля 1778 года был утвержден генеральный план города, а в сентябре 1781-го Екатерина Великая даровала городу новый герб.

Этот герб сохраняется и сегодня. Он состоит из двух частей. В верхней изображен двуглавый орел и корона Российской империи. Нижняя часть представляет собой так называемую «погоню»: скачущего во весь опор воина, который в правой руке держит саблю, а в левой – красный щит. Такая же фигура изображена на гербе белорусского Витебска, только у герба Себежа фон синий, а у Витебска – красный. Многие полагают, что это герб Полоцкой губернии, в состав которой к 1778 году вошел Себеж. На самом деле этот герб еще более древний, времен Великого княжества Литовского. «Погоня» была изображена на гербе столицы княжества – города Вильно.

НАПОЛЕОН ПРОШЕЛ МИМО

Во время Отечественной войны 1812 года в Себеже квартируют войска генерал-лейтенанта Петра Витгенштейна, командовавшего 1-м пехотным корпусом, который прикрывал петербургское направление.

Наполеон рассматривал несколько вариантов продвижения вглубь России. Один из них предполагал наступление на Псковщину, откуда войска, разделившись, должны были одновременно двинуться на Петербург и Москву. В этом случае путь наполеоновской армии пролегал бы через Себеж.

Но события приняли другой оборот. В сторону Санкт-Петербурга шел корпус маршала Удино, ему содействовал корпус маршала Макдональда, задачей которого было попытаться взять Ригу. Если бы наполеоновские маршалы объединили свои силы, у Витгенштейна не осталось бы никаких шансов. Между тем Удино переправился через Двину неподалеку от Полоцка. Несмотря на численное превосходство французов, Витгенштейн решил атаковать корпус Удино, пока тот не соединился с силами Макдональда.

Вид на колокольню собора Рождества Христова – несохранившегося православного собора, построенного в Себеже на Замковом полуострове в 1841–1864 годах

Церковь Живоначалной Троицы, самое старое городское здание, – польский костел второй половины XVII века, построенный в стиле раннего провинциального барокко

Сражение под деревней Клястицы (ныне Витебская область Белоруссии. – Прим. ред.) шло три дня и вошло в историю. 30 июля – 1 августа 1812 года 17 тысяч русских солдат разгромили 28 тысяч французов.

Победа, которую одержали войска Витгенштейна, означала провал наступления французов на Санкт-Петербург. Это была первая крупная победа в Отечественной войне.

Армия неприятеля не пошла через Себеж на Псковщину, но свой след война 1812 года в городе оставила. Пока войска Витген-

штейна квартировали в Себеже, город готовился к обороне. До-страивались земляные бастионы, остатки которых сохранились до сих пор, а многие улицы Себежа с XIX века стали носить военные названия: Саперная, Кавалерийская, Уланская, Егерская...

БЛЯХИ И ЯКОРЯ

Рядом с костелом, самым старым зданием города, есть небольшая улочка Советская, которая выходит прямо к колокольне. В этом историческом центре Себежа компактно собраны основные памятники архитектуры XIX – начала XX века. В одно из зданий вмонтирована доска с надписью: «Господи! Храни дом сей от всех зол и не остави уповающих на Тя. 1890 г. Июня 14 дня. К.Н. Селюгин».

Раньше недалеко от костела стоял храм Рождества Христова, построенный во второй половине XIX века. Этот типичный образец псковской архитектуры – пятиглавый храм на восьмерике – был взорван в 1932 году, от него сохранилась только трехчастная колокольня. Возможно, ее не разрушили потому, что с нее весь город просматривается как на ладони и ее было удобно использовать как пожарную каланчу. Кстати, в краеведческом музее Себежа до сих пор лежат металлические бляхи местных страховых обществ: если дом сгорал, то табличка, пусть и сильно оплавившаяся, сохранялась, и по ней можно было опознать, в какое страховое общество обращаться.

Напротив центральной площади, где стоит памятник Ленину, располагается себежская пристань. Отмечает ее пара якорей – памятник, своими скромными размерами вызывающий ироничную усмешку приезжающих в Себеж петербуржцев, но любимый горожанами. Именно здесь, пока не построили автодорогу, была переправа на другую сторону Себежского озера. На площади стояла небольшая часовня, но уже к началу XX века она пришла в негодность. Ее разобрали, до революции восстановить не успели, и всю советскую эпоху здесь красовались, сменяя друг друга, бюсты партийных вождей. За колокольней Христорождественского собора раньше находилась рыночная площадь. Сейчас там средняя школа: по одной из версий, храм взорвали ради кирпича, который пошел на ее строительство. Однако говорят, что кирпич после взрыва был никуда не годен и разрушение церкви лишилось даже этого минимального смысла.

ТАМОЖНЯ И УСАДЬБЫ

После распада СССР Себежский район вновь стал приграничным. До Москвы от Себежа почти 600 километров, до Петербурга – 400, а до зарубежных соседей – 21. Здесь сходятся границы трех государств – Белоруссии, Латвии и России – и находится таможенный пост. По иронии судьбы, благодаря именно этой организации в музее появились некоторые интересные экспонаты – конфискованный на таможе антиквариат. Бронзовые статуэтки и каретные часы времен Наполеона I, парные портреты самого императора и его жены в рамках из слоновой кости, шлем кирасира, редкие советские военные ордена и многое другое – все это наследие старались провезти через границу на западные аукционы. Возможно, что-то из перечисленного вполне могло находиться в многочисленных ранее местных усадьбах. Здесь располагались поместья отца декабриста Павла Пестеля, поэта Гаврилы Державина, драматурга

История Себежа, запечатленная в красках на стенах жилого дома

Дениса Фонвизина, дворян Бакуниных. К сожалению, сегодня от них остались только фрагменты садово-парковых ансамблей, ни один из усадебных комплексов не сохранился. Революция, национализация, а затем Великая Отечественная война, огненным валом прокатившаяся по Себежской земле, выжгла дотла не только крестьянские избы, но и помещичьи дома.

Гостил в местном имении помещицы Марии Миловидовой Иван Бунин. Здесь он написал несколько стихотворений, в том числе «Светляк» (1912), посвященное одной из себежских часовен.

*Вот и она, забытая, глухая,
Часовенка в бору: издали
Мерцает в ней, всю ночь не потушая,
Зеленая лампадка светляка.
Когда-то озаряла нам дорожку
Другая в этой сумрачной глуши...*

*Но чья святей? Равно угоден богу
Свет и во тьме немеркнувшей души.*
Часовня эта интересна не столько своей архитектурой, сколько историей. Источник облагородила, поставив над ним часовню, в 1912–1915 годах столбовая дворянка Наталья Селивановская. Ее муж-доктор попал в плен во время Первой мировой войны и пропал без вести. В то же время умерла и дочь Селивановских – Вера. В память о своем двойном горе Наталья Константиновна построила часовню. Источник до сих пор в народе называют «Символ веры» или «Символ Веры» – как хотите, так и понимайте.

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ

Еще одна особенность определила характер Себежа – он входил в черту оседлости Российской империи. В разные годы число евреев составляло от 30 до 50 процентов населения города.

Пестрый национальный состав влиял и на занятия горожан. Себеж традиционно был городом торговли и услуг – лавки, доходные дома, гостиницы, постоялые дворы составляли основное занятие его обитателей, а небольшие производства были разбросаны в усадьбах вокруг города.

В крохотном Себеже и его окрестностях до сих пор есть несколько еврейских кладбищ. Самое большое, с каменными, заросшими мхом надгробиями, находится при въезде в город. Чуть дальше – захоронение евреев, расстрелянных во время Великой Отечественной войны. Пролетарскую, бывшую Красную, улицу себежские евреи в годы Великой Отечественной войны называли путем на Голгофу – по ней обреченные шли от городской тюрьмы к кладбищу, на смерть.

Краеведческий музей Себежа находится в одном из самых примечательных и мрачных зданий города – бывшей тюрьме. Витебский губернатор Петр Петрович Львов, при котором в 1840 году был построен этот кирпичный двухэтажный дом, распорядился сажать сюда в том числе провинившихся за мел-

кие проступки и использовать их как рабочую силу для благоустройства города. Планировка здания с тех пор мало изменилась, правда, в сводчатых залах, где раньше стояли ряды нар, теперь выставлены витрины с экспонатами. Во время Великой Отечественной войны здание занимало гестапо. В мрачных сырых подвалах на стенах до сих пор остались надписи заключенных, и сотрудники музея надеются со временем сделать там экспозицию, посвященную героическим подпольщикам Себежа. Дом по соседству до революции принадлежал полицейскому управлению. Теперь музей хочет открыть в нем картинную галерею или выставить обширную коллекцию старинных монет – у маленького города на большом озере есть еще свои скромные сокровища, которые он готов показать. 📍

Современный город и седое озеро: союз, сложившийся в вековом соседстве

Двор тюремного замка (внутренний двор краеведческого музея)

Подписывайтесь на журнал

Русский Мир.ru

Во всех почтовых отделениях

России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» – «Объединенный
каталог. Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам «Российская Пресса»
ОАО «Агентство по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог
международного агентства
«Соотечественник» на сайте
<http://www.sootechestvennik.agency>

электронный каталог
ООО «Коммуникационное
Агентство Криэйтив Сервис Бэнд»
на сайте <https://periodicals.ru>

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте
www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2

www.russkiimir.ru